

«Спэнсер Коэн. Книга вторая»

Н. Р. Уолкер

Серия «Спэнсер Коэн» #2

Переводчик и редактор – Валерия Стогова

Обложка – Наталья Айс

Перевод выполнен для группы – https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Наконец–то превратив свой роман из фейкового в настоящий, Спэнсер Коэн и Эндрю Лэндон пробуют не торопить события. Они понимают, что их чувства могут перерости в нечто необыкновенное и, несмотря на опаляющее сексуальное напряжение, не хотят падать в омут с головой и сгорать.

Спэнсер учится открываться, делиться секретами прошлого с Эндрю. Опасаясь ставить на карту собственное сердце, но видимо не в силах остановиться, Спэнсер осознает, что влюбился. Каждый шажок на ощупь приводит Эндрю в оцепенение, но чем медленнее они продвигаются, чем быстрее все развивается.

Пока они силятся сориентироваться в своих отношениях, Спэнсера беспокоит реакция Эндрю на нового клиента. Но дело оказывается не совсем обычным, и вскоре Спэнсер понимает: все не так, как кажется. Когда в делах намечаются осложнения, и они объединяют усилия, помогая клиенту, Спэнсеру и Эндрю необходимо решить: а готовы ли они к следующему шагу?

ПОСВЯЩЕНИЕ

Серия посвящается каждому Спэнсеру: тем, кто лишился всего, но до сих пор надеется, тем, кто слишком боится снова полюбить, но все равно жаждет, тем, кто прошел через ад, но все равно достаточно силен, чтобы улыбаться, и тем, кто носит свои «шрамы» на коже.

Глава 1

Я нервничал. Меня мучило похмелье, адреналин разгонял кровь, сердце долбилось как ненормальное, ладони потели, но в том волнительном «неужели все на самом деле происходит» смысле. Эндрю посмотрел на меня и улыбнулся.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я спал на твоем диване?

– Вовсе нет, – протараторил я. – Наоборот, я рад. Прости за вчера. – Извинение по счету было уже пятым. – Обычно я так не напиваюсь.

– Эмилио рассказал мне, – произнес он. – Он заходил проводить тебя. Ты все еще спал, поэтому он позвал меня в салон и все утро убеждал не злиться на тебя. И что ты прекрасный парень.

Я уставился в стол, засмущавшись поддержки Эмилио. Эндрю предложил марокканское заведение, в которое я его водил, и, даже не спросив о предпочтениях, заказал то же самое: завтрак из блинчиков и хобз бчехмы, кофе для него, а мне зеленый чай. Внутри потеплело от того, как же превосходно он меня изучил.

– Да, они с Данэлой – отличные люди.

– Он говорил, что видел тебя таким только однажды, – ласково сказал Эндрю. Руки его лежали на столе, а нога скользила по моей ноге. Такое простое прикосновение ободряло, однако жест был невинным. В животе запорхали бабочки. – Произошло это после появления твоего брата? Эмилио больше ничем не поделился.

Я с трудом сглотнул и кивнул. К счастью к столику с нашими напитками подошла Зинеб, а значит, у меня появилась минутка собраться с мыслями. Как правило, таких вопросов я избегал, и на долю секунду задумался наложить вето. Но Эндрю был другим. *Все* было другим. Поэтому я сделал глубокий вдох, и хотя, заговорив, смотрел на чай, Эндрю внимательно слушал.

– У меня двое братьев, Льюис и Арчи. Я самый старший, у нас всех разница в два года. Самый младший, Арчи, приезжал в прошлом году. Закончилось все не очень. – Я прокашлялся. – С шестнадцати лет я… рос сам по себе. Родители вышвырнули меня.

– Из-за гомосексуальности?

– Да. – Я поднял глаза на Эндрю, заметив на его лице выражение потрясения и злости. Я послал ему печальную улыбку. – Смешно, знаешь… У меня было лучшее детство. Правда. Отличный район, хорошие друзья, мы гоняли на великах, занимались спортом. Отец и мать работали, но при этом развозили нас с братьями по секциям. Мы вместе занимались различными вещами, всей семьей ходили в походы, отдыхали на побережье. Казалось, я могу поделиться с матерью чем угодно.

– О, Спэнсер, – прошептал Эндрю, протянув руку и сжимая мою ладонь. Я схватил его за пальцы, не желая лишаться этого прикосновения, что поразило даже меня. Я и не понимал, насколько нуждался в этой связи.

– Как выяснилось, стоило оставить подробности при себе.

– Что произошло?

– Мама притихла. Отец взорвался. Никогда не видел его таким бешеным, – ответил я, покачав головой. – Два дня в доме творилось… ну, в общем, не самое приятное было место. Когда на второй день я вернулся из школы, мать усадила меня и сообщила, что мне нужно уйти.

– Чего?

– Ага. Мои шмотки уже были упакованы. Немного одежды и школьные принадлежности. Остальное забрать было нельзя. Не пустили. А мой старик даже гребаного слова не произнес.

Эндрю выпятил подбородок.

– Тебе было шестнадцать? И что ты сделал?

– На неделю завис у друга. Но потом отец положил этому конец, набрехав матери моего товарища, что я совратил ее сына. Оставаться там стало немыслимо. Несколько ночей провел в парке. А затем меня приняла тетя.

Эндрю глубоко вдохнул, ноздри раздулись.

– Во мне все просто кипит от бешенства.

– Я выжил. Вообще–то, мне вроде как повезло.

– Повезло?

– Что у меня была тетя Марви. Она забрала меня к себе и любила как сына. Она – единственная моя семья. На самом–то деле тетей она мне не являлась, по факту она была моей двоюродной бабушкой Марви.

– Была?

– Ее не стало в прошлом году, – тихо сказал я, сглатывая ком в горле. – Я даже не был в курсе, что она какое–то время болела – она должна была знать, когда я планировал уезжать сюда. Она не возражала. И никогда не упоминала о своей болезни. Видимо, не хотела меня волновать. Более того она так обрадовалась, когда я рассказал ей, что хочу уехать. Дала мне денег и велела наслаждаться жизнью. – Я вздохнул. – Я узнал, что несколько недель спустя она скончалась, после звонка адвоката по вопросу ее завещания. Я прожил здесь несколько месяцев.

Эндрю побледнел, на лице запечатлелась печаль.

– О, боже. Спэнсер, мне так жаль.

– Мне тоже. – Я отпил чаю и постарался навести в мыслях порядок. Говорить об этом было нелегко, но за последние несколько дней открылись те раны, которые, казалось, уже исцелились. Я нервно вздохнул. – Короче, я жил с тетей Марви около четырех лет – можно было бы съехать, но она была старенькой и любила находиться в компании, да и честно говоря, мне нравилось жить с ней. А потом отцу стукнуло пятьдесят. Намечалась крутая вечеринка в смокингах, что–то в таком духе. Меня не удивило, что я не приглашен. Ничего другого я и не ждал. Но он заявил, что тетю Марви тоже видеть не желает, и тут началась дикая семейная срачка. Бабушка плакала неделю. – Я пожал плечами. – Нана разрывалась между сыном и сестрой. Было ужасно. Наверняка отец винил во всем меня. Сказал: *если б я не решил стать геем*, – я спародировал его голос, – *ничего бы подобного не случилось*.

Зинеб расставила еду на столе и, уловив серьезность нашей беседы, лишь по–доброму улыбнулась.

– В общем, – продолжил я, – он недвусмысленно дал мне понять, что теперь они считают меня мертвым.

Рот Эндрю распахнулся, и, не отводя от меня глаз, он медленно положил вилку на стол.

– Но большее всего ранило, что мне не сообщили о смерти тети Марви. Это было низко. Я бы поехал на ее похороны… Я даже понятия не имею, были ли у нее похороны. – Я часто заморгал, тормозя слезы. Эндрю уже достаточно на них насмотрелся за последние пару дней. Я рассмеялся. – Ты, должно быть, считаешь меня плаксивым идиотом. Я так много не рыдал с прошлого года.

Он покачал головой и сжал мою руку.

– Ни капельки. Спэнсер, не верится во весь этот ужас. А потом здесь появился твой брат? Я кивнул.

– Мы не виделись несколько лет. Он младше меня на четыре года, наверно, мы не были столь уж близки. Из дома я ушел, когда ему было двенадцать, и виделся с ним всего несколько раз за те шесть лет, что провел с тетей Марви. Сюда он приехал на окончание колледжа. А, может, просто так сказал. Я не знал о его приезде, пока он не нарисовался. – Я грустно улыбнулся. – Забавно: надежда никогда не уходит. На мгновение я решил, что все пройдет хорошо. Но... не судьба. Он передал мне письмо–предупреждение от папашиного адвоката. Мне запрещалось выходить с ними на связь. Видишь ли, я звонил им насчет тети Марви, и... видимо отцу это не приглянулось. Там были еще и другие юридические документы, но да – я никогда не стану больше с ними контактировать. Эндрю сидел, уставившись на меня, челюсть словно свело, щеки покрывал румянец, вероятнее всего гневный. Он наколол блинчик на вилку.

– Если ты не имеешь ничего против, мне предпочтительней ненавидеть твою семью. Я рассмеялся.

– Занимай очередь. Список длинный.

– Они правда так с тобой поступили?

Я кивнул.

– Брат не знал, о чем говорилось в письме. Ну, он так сказал. Но это не важно. Я не виню его, что он не хочет иметь со мной ничего общего. Он был слишком юн, когда родители промывали ему мозги или что они там отмачивали. И не сомневаюсь, папаша передал с ним письмо, просто чтоб ранить меня побольней. Ведь мог же попросить адвоката.

– Вы после этого общались?

– Нет. В адвокатском письме все было изложено довольно ясно. По сути, они лишили меня своих денег. После смерти тети Марви мне досталось приличное количество бабок, так что, думаю, родители хотели быть уверены, что после их кончины подобного не произойдет. Тетя Марви написала в завещании, что отец не имеет права оспаривать ее окончательные пожелания, поскольку он – озлобленный гомофобный ублюдок, – произнес я со смешком.

Эндрю улыбнулся.

– Похоже, дамой она была потрясающей.

– Да, – ответил я. – Спасибо, что так сказал.

– Мне жаль, что у тебя в жизни был такой ужасный период. Даже представить не могу, каково через такое проходить.

– Тяжело понимать, что ты одинок. Типа *по–настоящему* одинок. Иногда я думаю было бы лучше, если б они умерли, понимаешь? Реально умерли. В автомобильной аварии или что–то в том же духе. Тогда я обрел бы покой. Но быть нелюбимым... да, тяжело.

Эндрю откинулся на спинку стула и вздохнул.

– Я даже и не представлял. Хотя понимал, что что–то стряслось. У тебя глаз дернулся, когда я упомянул семью, а потом ты наложил вето на мой вопрос о татуировках.

– А я–то считал, что отлично скрывался.

Эндрю улыбнулся, хотя и ненадолго.

– И я вынудил тебя смотреть «Как приручить дракона – 2», где умирает отец. Господи, Спэнсер, прости меня.

– Ты же не знал, – сказал я. – По правде говоря, меня будто ослепило. Стало полнейшей неожиданностью, и я просто–напросто сбежал. Я не хотел срываться на тебе. А если быть до конца откровенным, всю неделю я пребывал не в своей тарелке. Понимаешь, один симпатичный парнишка, на которого я работал, выносил мне мозг. Несколько лет я не позволял себе ничего чувствовать, а этот парень с обложки «Самого сексуального ботаника» пнул меня под зад.

– Ой, – тихо пробормотал Эндрю. Прозрение, что речь шла о нем, заняло секунду. – *Oй*. – Много лет назад я сказал себе, что никого близко не подпушу. Чтоб мне снова не сделали больно, – тихо сознался я. – Я держался подальше от любых отношений. Но потом появился ты.

Эндрю покраснел и застенчиво улыбнулся.

Я должен был высказаться сейчас или никогда бы себя не заставил.

– Должен признать, Эндрю, я испугался до чертиков. Продолжал мечтать, что мы сможем быть вместе, а это шло вразрез с тем, что на протяжении многих лет я себе внушал. Я был не в состоянии перешагнуть через себя, понимаешь? Но, оставив тебя с Эли, до меня дошло, что я уже перешагнул. И решил, что ты выбрал его, а я снова оказался нежеланным. Поэтому поехал головой... из–за тебя и семьи. Не знаю, объяснил ли, почему вчера вышел из себя, но больше ничего предложить не могу.

Он смотрел мне в глаза.

– Более чем объяснил. И просто, чтоб ты знал: ты не нежеланный. С точностью до наоборот. Ты же был на обложке «Модного образа жизни в ЛА».

Я улыбнулся его попытке улучшить мое настроение, приятно было переключиться с тяжелой темы.

– Давай, налетай. Или все остынет, и Зинеб станет орать на нас по–арабски, что нам не нравится ее еда. – Я подождал, пока он пережует несколько кусочков. – Обещаю, больше я не психану.

Он усмехнулся с полным ртом блинчиков.

– Можно задать вопрос?

Не уверенный, что еще произнести, я сказал:

– Конечно.

– Ты не хотел, чтоб я сходился с Эли?

Я положил вилку и отхлебнул чаю. Вот оно. Все или ничего.

– Нет. Не хотел. Оставив тебя с ним в баре, я посчитал, что именно этого ты и желал. То есть мы же над этим и работали. Но я надеялся. А я давненько не позволял себе на что–то надеяться. И знаешь, трусливая надежда – опасная штука. Ты был другим. С самого первого дня ты отличался от парней, с которыми я работал. – Я усмехнулся. Чудно было говорить о таких вещах вслух. – И я пытался отделить одно от другого, но не преуспел. Понимаешь, у меня глупое сердце и глупый мозг, а потом мы еще и поцеловались.

Эндрю улыбнулся, в уголках глаз простирали морщинки.

– Клянусь Господом, ты умеешь целоваться, – проговорил он. На этот раз покраснел я, что он совершенно точно нашел забавным или привлекательным. Может, все сразу. – И чтоб тебе было известно: мне это помогло.

– Поцелуй со мной?

Эндрю кивнул и откашлялся.

– Я считал, что дурил себя, думая... ну, знаешь, что ты можешь заинтересоваться мной. То есть мне казалось, что я хотел вернуть Эли, чего на самом–то деле, как можно

заметить, не хотел абсолютно. Когда он ушел, мне чего–то не хватало. Хотелось *чего–то*, просто я не понимал, чего именно. Но не Эли. Ты заставил меня осознать, что он ничего обо мне не знал. А потом ты поцеловал меня и... – он вспыхнул целой палитрой красного оттенка, – ... и мне показалось, что такое невозможно сыграть.

Я медленно покачал головой.

– Я не играл. – Я поерзal на стуле. – На самом деле, не думаю, что вообще когда–то играл с тобой.

Он отодвинул пустую тарелку и прикусил губу.

– Что ж, посмотрим, к чему все приведет? На одной ли мы волне? Мы не обязаны делать никаких официальных заявлений. Я просто хочу проводить с тобой время. – Он нахмурился. – У меня есть привычка бежать впереди паровоза, так что если я расшифровываю неверно...

Грудь внезапно стала мала для моего сердца. Я нервно хихикнул.

– Ты расшифровываешь верно. Я тоже хочу проводить с тобой время. Знаю, еще слишком рано об этом говорить, но чтоб ты был в курсе: я не возражаю против *официальности*. – Я пожал плечами. – Мне это не слишком–то знакомо, но если соберемся, сможем сделать все как следует.

Улыбка его была поразительной. Он осмотрел кафе и помахал Зинеб.

– Похоже, нам пора уходить, – сказал он. – Мне нужно снова тебя поцеловать. Думаю, нам не стоит делать этого здесь.

Я расхохотался, а он поднял взгляд, когда Зинеб подошла к нашему столику.

– Счет, пожалуйста.

Глава 2

Нас застукали возле ведущей в мою квартиру лестницы. Я предложил обойтись без многозначительных взглядов и адресованных нам обитателями салона ухмылочек и направиться прямиком на задний двор. Но там торчал Габ с сигаретой в зубах и показавшейся при нашем появлении самодовольной улыбкой.

— Бежите наверх для чего–то конкретного? Вы, ребятки, вроде как очень торопитесь. Эндрю остановился, засунул руки в карманы и можно сказать спрятался за мной, ожидая моих слов. Я невозмутимо изрек:

— Да, мне гораздо лучше. Спасибо, что спросил.

Габ фыркнул и кивнул на мою квартиру.

— Полагаю, вот–вот станет еще лучше.

Эндрю мягко подтолкнул меня к лестнице, двигаясь следом, и прочистил горло.

— Я бы с удовольствием остался поболтать.

Габ расхохотался, а я преодолел уже несколько ступеней, когда до нас донесся голос Лолы.

— Габ, с кем ты там разговариваешь?

Габ безумно замахал руками, что означало «бегите–бегите–бегите».

— Валите отсюда, пока она вас не засекла, — закричал он шепотом. Потом развернулся в сторону салона. — Ни с кем, малышка. Просто бубню под нос.

Я карабкался через ступеньку, Эндрю следовал за мной по пятам, и к тому моменту, как я вставил ключ в замок, и мы впихнулись в дверной проем, Лола завопила:

— Я спалила тебя, Спэнсер! Габ, какого черта?

— Просто даю шанс своим братанам, детка, — ответил Габ. — Парни обязаны заботиться друг о друге.

— Буду должен, дружище, — проорал я, запирая дверь и заходясь в хохоте.

И вот мы с Эндрю остались вдвоем. Из–за чего я невероятно разнервничался. Едва мог дышать. Улыбка стерлась с губ, и я вытер ладони о бедра.

— Пить хочешь?

— Не откажусь, — отозвался он. Я–то думал, он направится в гостиную. Но нет — он проследовал за мной в кухню. Квартирка не отличалась огромными габаритами, но в тот момент показалась клаустрофобной. Словно я мог ощущать жар его тела, независимо от местоположения.

Я протянул ему бутылку воды и прилично отхлебнул сам, пытаясь взять долбящееся сердце под контроль. Но потом Эндрю облизнул губы, отчего они сделались розовыми и поблескивающими. И все — сигналы к мозгу поступать перестали.

Он поставил бутылку на стойку и встал прямо передо мной. Он находился рядом, но не касался меня, чем контролировал происходящее, учитывая, что дышал я так, словно пробежал марафон. Эндрю улыбнулся и дотронулся пальцами до моего подбородка, проведя большим пальцем по бороде. А наклонился настолько близко, что я смог ощутить тепло его дыхания.

— И об этом поцелуе...

Он скользнул ладонью по моей челюсти и наклонил мою голову так, как ему хотелось. Почти коснулся губами моих губ, и мне показалось, что колени мои вот–вот подогнутся. Сердце барабанило так громко, что он наверняка слышал. Потом дотронулся до меня нижней губой и отступил назад. Дыхание мое участилось, и он улыбнулся.

– Моя любимая часть – почти поцелуй, – прошептал он. – Это одурманивает.

Он произносил умные слова и полные предложения, а в голове моей все вращалось по кругу. И когда он прижался носом к моему носу, я смог выдать лишь:

– У меня глупый мозг.

Эндрю рассмеялся, и я окончательно и бесповоротно разрушил момент. Хотя он не очень-то обеспокоился, потому что обхватил мое лицо обеими руками и прижался ко мне губами. Приоткрыл рот и наклонил мою голову, а когда наши языки встретились, в крови вспыхнуло чистейшее желание.

Я притянул его ближе и поцеловал крепче, наконец-то – *наконец-то* – чувствуя его рядом, смакуя его губы, упиваясь им. Он был блаженством. Вот чего я хотел. *Ego*.

Целовать его, когда пожелается. Я ощутил, что напор моего поцелуя его ошеломил, но вскоре он расслабился и встретил меня с равным рвением.

Мы были так тесно прижаты друг к другу, что я не сомневался: он чувствовал мое возбуждение. А зная, что у него на меня точно такая же реакция, я не мог не вжиматься в него бедрами.

Он простонал мне в рот, и этот звук устремился прямиком к моему члену. Я оторвался от его губ и слегка отодвинулся, создавая между нами небольшое расстояние. Он казался растерянным, поэтому я сжал в руках его футбольку.

– Далеко не убегай, – прошептал я, силясь перевести дух. Облизнул уголок губ, а он наблюдал за моим языком. Зрачки его расширились, губы опухли, и смотрелся он охренеть как сексуально. – Просто нужна минутка, – сказал я.

Он коснулся ладонью моей щеки.

– Тебе нужно время?

Я смущенно рассмеялся.

– Только если ты не хочешь, чтоб все продлилось секунд десять.

– Ой. – Он выпучил глаза. – *Oй*.

– Ага, извини. С последнего раза времени прошло прилично, а ты безумно соблазнительный.

Эндрю присунул и провел рукой по волосам.

– Первый поцелуй явно не был счастливой случайностью.

– Видимо, нет. – Я фыркнул, а мой мозг, наконец, обрел голос. – Нам стоит… взять передышку. То есть мы еще не обсуждали физическую близость. У тебя есть ожидания или ограничения? Хочешь, не будем торопиться? Ты всего месяц назад расстался с этим кактамегозовут. Не хочу давить на тебя…

– Ты спрашиваешь о моих желаниях?

– Наверно, да. То есть мы встречаемся всего… о, мы встречаемся? Это про нас?

Эндрю хмыкнул.

– Я не против.

Стайка бабочек запорхала в животе.

– Ладно. В общем, встречаемся мы около двух часов.

Эндрю взял меня за руку и провел пальцем по костяшкам. На губах заиграла улыбка.

– Фактически мы две недели изображали отношения.

– Точно.

– Мы вместе обедали, завтракали, выпивали, – произнес он. В голосе проявился намек на дерзость. – Две недели – приличный отрезок времени перед первым поцелуем?

– Вполне.

– На самом деле, две недели – приличный отрезок времени и для других вещей.

Мне понравилось, куда он клонил.

– Как скажешь.

Все еще держа меня за руку, он попятился в направлении спальни.

– Еще как скажу.

– Уверен?

Он остановился.

– Я как ты. *Ты* уверен?

– Уверенней *не бывает*.

Он облегченно улыбнулся.

– Слава тебе Господи. – Он привлек меня вплотную к себе, и адреналиновая горючая смесь снова воспламенила мою кровь. Он быстро чмокнул меня. – Секс не обязателен, – просипел он, придвинул бедра ближе, и наши эрекции уперлись друг в друга. – Но мы же можем от этого избавиться, да?

И такого стимулирования мне было более чем достаточно.

– Черт, да. – Я подтолкнул его в сторону своей комнаты, прижимаясь к нему губами. Руки опустились на его бедра, а когда он наткнулся на кровать, я снова толкнул его. Он приземлился на спину, а я пополз к нему, любуясь натягивающей его брюки выпуклостью. Рот наполнился слюной.

Он немного приподнялся, стянул футболку и снова улегся. Кожа была бледной, а часы, проведенные в зале, превратили его в качка. От открывшегося вида перехватило дыхание.

– Ты охереть какой аппетитный.

Не отрывая от меня глаз, он опустил руки к брюкам и медленно расстегнул пуговицу.

Я устроился на коленях, пытаясь остыть. Бесполезно. И вместо этого накрыл ладонью свой член.

– Эндрю, все пройдет позорно быстро.

Он закусил губу, словно расценив мое заявление как вызов, и скользнул пальцами в трусы. Обхватил себя ладонью, и я заметил набухшую головку.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул.

– Твою мать.

Он отпустил свой член и, схватив меня обеими руками, швырнул на постель. Его сила удивила меня, а напористость и жажда контроля – еще больше. Он расположился между моих ног и резко приспустил мои джинсы, расстегнув ширинку и пуговицу за один заход. Потом стащил с меня рубашку. Он творил со мной все, что взбретало в голову, а я позволял ему.

Передо мной был Эндрю–командир. Разумеется, он был молчалив, даже немного застенчив, зато без особого труда озвучивал свои мысли и желания. Вернее просто брал, что хотел. Когда Эндрю заявил о своей универсальности, я сомневался в его способности быть верхним. Зато теперь все сомнения точно отпали.

– Оргазм не за горами, – прошептал я.

Он навис надо мной, раздвигая мои ноги бедрами, и скользнул свободной рукой по моему страждущему члену. Заговорил он хрипло, почти касаясь меня губами.

– Не сдерживайся.

Двумя руками я притянул его губы к себе. Его рука ласкала меня, всем весом он лежал сверху, язык кружил у меня во рту, и сопротивляться стало невыносимо.

Удовольствие, обжигающее и восхитительное, взорвалось где–то внизу живота. Спина выгнулась, пока меня пронизывало наслаждение, оставляя следы на наших животах. Когда я открыл глаза, Эндрю изумленно наблюдал за мной.

– Охереть, – прошептал он.

Впервые услышав от него подобное словечко, я расхохотался. Или, может, смех вызвал посторгазмический туман в мозгу. Он наклонился и поцеловал меня. Нежно. Медленно. Опустился на локти, пальцы запутались в моих волосах. Мне хотелось сказать ему, что походу у меня в волосах теперь сперма, но он ерзal по мне своим членом снова и снова, быстрее и быстрее, пока не разорвал поцелуй и не застонал. Дернулся последний раз и застыл, горячая влага разлилась между нами.

Никогда не видел ничего подобного.

Он скатился с меня, расслабленный и изможденный, а я забрался на него. Целовал его губы, щеки, подбородок, сместился ниже к шее, ключицам и улыбнулся.

– Угадал, – заявил я. – Румянец спускается со щек к груди.

Он рассмеялся, рука тяжело упала на кровать.

– Невероятно сексуально, – сказал я, прикусывая пылающую розовым оттенком кожу подбородка. – Ты невероятно сексуальный.

Он приоткрыл глаз и посмотрел на меня так, словно у меня не все дома.

– Точно. – Он снова закрыл глаза и покачал головой.

Я ласково поцеловал его.

– Посмотри на меня. – Я дождался, пока его глаза распахнутся. Им потребовалась секунда, чтобы сфокусироваться, и я переборол улыбку. Наши лица разделяли миллиметры, поэтому ему пришлось смотреть на меня. – Сексуальнее тебя я никого не встречал. Ты умный, талантливый, веселый и заставил меня кончить за считанные минуты.

Он снова зарделся и попытался отвести взгляд, а я осторожно коснулся пальцами его подбородка и восстановил зрительный контакт.

– Ты замечательный парень, Эндрю. Мне придется это повторять, пока ты не поверишь.

Он уставился на меня, а я не смог бы отвести взор, даже если бы захотел. Наконец–то он прокашлялся и ухмыльнулся.

– Собственно я не против остаться с тобой на весь день, но, может, примем душ? Мы немного... ну, знаешь...

– Липкие?

Эндрю хохотнул.

– О, да. И одежда наша – полнейшее безобразие. Хотя вообще–то футболка была твоей.

Я чмокнул его в губы и скатился с него.

– Мне понравилась моя футболка на тебе, – сказал я, протягивая ему руку и поднимая с кровати. – Думаю, нам стоит прогуляться до прачечной.

– Дома у меня есть машинка, – ответил он. – Можем отправиться туда.

Я глянул на постель.

– Простыни тоже ужасны.

Он бросил взор на смятые простыни и пожал плечами.

– Если им требуется стирка, стоит удостовериться, что она понадобится *на самом деле*.

Я расхохотался.

– Ты что–то предлагаешь?

Он провел ладонью по моей руке, груди, подбородку, где мягко пробежался пальцами по бороде.

– Да, я что–то предлагаю, – прошептал он, зажимая мой подбородок между большим и указательным пальцами и привлекая для поцелуя. – Но сначала в душ.

– Вместе?

– Да.

Ничего себе.

– Хорошо.

Свободная рука устремилась по моему животу до расстегнутой ширинки, и ладонью он накрыл мой твердеющий член.

– А так хорошо?

Я со смехом застонал.

– А, да. Очень хорошо.

Он облизнул губы, и мои глаза нацелились на его язык. Он сжал меня.

– У тебя большая душевая?

Вместо ответа я схватил его за руку и повел в ванную. Душевая была небольшой, но мне было плевать; вдвоем прекрасно можно уместиться. Я включил краны, потом повернулся к нему. Футболку он на место не вернул, а брюки до сих пор были расстегнуты. Я обратил внимание на едва прикрываемую трусами выпуклость.

– Черт, как эротично, – пробормотал я, прижимаясь к нему и шепча в губы: – Оказывается, ты любитель выражаться.

Он ухмыльнулся.

– В тихом омуте...

Улыбаясь, я поцеловал его и опустил ладони ему на бедра, стаскивая брюки. Потом обхватил его яйца и наблюдал, как глаза его закатились, а дыхание перехватило. Он обнял меня и опустил руки к моей заднице, стягивая джинсы и трусы за один присест.

Являть свою наготу Эндрю – совсем другие ощущения. Я почти нервничал, что было для меня в диковинку. Словно снял я не только одежду – он как бы видел меня.

Обнаженным он смотрелся блистательно. Прекрасно сложенный мужчина с впечатляющим «достоинством», обрезанным и немалой длины, горделиво красующимся в поросли светлых волосков. Кожа на груди, животе и руках была безупречна. Никаких отметин, никаких шрамов. Только бледность и совершенство.

Глазами он сканировал мое тело: татуированные руки, голую грудь и ниже до члена.

Когда наши глаза встретились, выглядел он немного опьяненным. Я усмехнулся и встал под душ.

– Чего смешного? – поинтересовался он, следя за мной в кабину.

Я намылил грудь и оттер живот.

– Ничего. – Я наклонил голову под поток горячей воды и быстро сполоснул лицо, протягивая ему мыло. Только вот когда открыл глаза, он сидел на коленях под водными струями и смотрел на меня. – О, Господи.

– Сейчас уже не так смешно?

Я все равно хохотнул и прислонился спиной к плитке, бедра остались неподвижны.

– Боже, Эндрю.

– Не возражаешь, если я отведаю тебя? – хрипло спросил он.

О, черт. От его слов в животе все сжалось.

– Мне начать умолять?

Он обнял меня рукой у основания, а я совершил ошибку – посмотрел на него. Черт. Головка моего члена касалась его губ, глаза потемнели, по коже стекали капельки воды, а язык… о, боже, его язык доставлял просто неземное блаженство, облизывая меня. Я осторожно провел пальцами по его волосам. Никакого руководства или настойчивости. Просто хотелось коснуться его. Потом он принял меня в рот, и мой глупый мозг замкнуло. Одной рукой он стискивал меня, второй ласкал яйца, а рот руководил головой. И он высосал из меня оргазм.

Твою. Же. Мать.

Голова закружилась, в закрытых глазах замерцали звездочки. И вот его руки уже оказались на моем лице, и он впился в мои губы поцелуем с привкусом воды и меня самого. А затем он выключил краны. Покидая душ, головокружение все еще имело место быть, но его эрекцию я пропустить не смог. Я быстро обтерся и обернул полотенце вокруг бедер. Он все еще вытирался, но я схватил его за руку и потащил обратно в спальню.

– Твоя очередь, – заявил я. – Ложись.

Он плюхнулся на кровать и резво отполз назад, потом улегся, поправляя подушки и оказываясь почти в сидячем положении.

– Что? – спросил он, когда я засмеялся. – Хочу видеть.

На коленях я встал между его ног. Он действительно был великолепен. С возвращением долга я затягивать не стал. Приподнял его внушительный член и облизал от мешочка до головки. Он зашипел.

Когда я попробовал маленькую щелочку, дыхание его перехватило, а оказавшись у меня во рту, застонал. Голосил он активно, каждая реакция – вознаграждение за мои усилия, стимулировавшие меня. Как бы мне ни хотелось все продлить, выманивая каждый звук, я желал полакомиться большим.

Его руки нашли точку опору в моих волосах, и он без всяких колебаний продемонстрировал мне, как ему нравится. Черт. А потом я глянул на него: губа закущена, грудь тяжело вздымалась, глаза пылали вожделением, сконцентрированные на исчезавшем в моем рту члене.

– О, Господи, – с трудом произнес он. – Сейчас кончу.

Я вобрал его глубже и доводил до изнеможения, пока он не напрягся подо мной и не выстрелил мне в горло, хрюкнув вскрикнув. Все тело содрогалось от накрывшего его оргазма, и только когда он откинулся на подушки и начал извиваться, я его отпустил. Я поцеловал его в сосок, отчего он усмехнулся. Потом в губы, из-за чего он замурлыкал. Я натянул на нас покрывало и улегся рядом с ним на подушки. Он придвигнулся ближе, мы обнялись и, глубоко вздохнув, погрузились в дрему.

Давно такого не было, чтобы я просто спал в постели с мужчиной. Обычно я проводил время с парнями только ради секса, но это было… приятно.

Правда-правда, чертовски приятно.

Было тепло и спокойно и надежно.

В голове не укладывалось, что каких-то две недели назад я не был знаком с этим мужчиной. Даже более того: до вчерашнего дня я пытался свести его с бывшим. Не то чтобы прям офигеть как пытался – их примирения я хотел меньше всего. Хотелось, чтобы он был со мной, и вот он в моей постели. В моих руках.

А началось все, потому что он заплатил мне за воссоединение с бывшим, и я задумался: а не выглядела ли оплата странно?

Словно прочитав мои мысли, он сказал:

– Хм, насчет договора...

Я вздохнул.

– Мы можем просто расторгнуть его?

Он поднял голову посмотреть на меня.

– Я до сих пор тебе денег должен.

Я оглушительно расхохотался.

– А, нет, не должен. По сути, мне стоит вернуть то, что ты уже заплатил.

Он покачал головой.

– Нет, не нужно.

– Мне так будет спокойнее, – честно ответил я.

– Но ты выполнил свою работу. Все твои планы сбылись.

– Я не *планировал*, что ты выберешь меня, – мягко поправил я. – Хотя мне *хотелось*.

Он хмыкнул.

– Извини, неверный выбор слов. Но все–таки свою работу ты выполнил.

– Не могу я взять твои деньги.

– Спэнсер, тебе нужно платить по счетам, питаться.

– Мне кажется… неправильным, если я их возьму. – Я поежился.

Он нахмурил брови.

– Почему же?

– Не знаю, – бросил я. – Словно я мальчик по вызову или типа того.

Рот Эндрю распахнулся.

– О, Спэнсер. Нет.

– Да, – я ухмыльнулся. – Мальчик по вызову, которому платят за услуги.

– А я тогда кто?

– Мой сутенер.

Он рассмеялся.

– Благодарю.

Я фыркнул.

– Лучше уж быть сутенером, чем шлюхой.

На лице отразилась задумчивость.

– Как сказать. Шлюха хотя бы может перепихнуться.

Я расхохотался до упаду.

– Подумать только: ты говорил, Эли не слишком–то интересовался сексом. Я начинаю считать его чокнутым.

Эндрю притих, а мне стало любопытно: я брякнул что–то не то?

– Вроде наоборот все логично, если у него на повестке дня стоял вопрос свистнуть мои оригиналы.

– Он же заявил, что не крал?

– Да.

– Ты ему веришь?

– Как ни странно, да. Признавался он вполне искренне.

– Как он отреагировал прошлым вечером? – спросил я. – Когда ты высказал ему.

– Особо не удивился. Но выглядел расстроенным.

– Он и должен был так выглядеть.

– Сказал, что уже видел нас вместе, в тот раз в баре, где его подруга отмечала день рождения. – Он вздохнул. – Все немного запутанно, но честно, я счастлив, что все завершилось именно так, потому что мы с тобой познакомились.

Я слегка его сжал.

– Я тоже.

– А еще он рассказал, что ты приходил к нему на работу. Он узнал тебя.

Я уже говорил Эндрю, что ходил повидаться с Эли, и меня это не заботило.

– Он нашел что-то подозрительное в моем поступке? Ты говорил ему, что нанял меня?

Ну, знаешь… в самом начале?

Его смех поразил меня.

– Господи, нет. Зачем? Он просто прикинул, что ты любопытничал.

Я посмотрел ему в глаза и произнес правду.

– Так и было. Хотелось посмотреть на парня, с которым имел дело, в ситуации, не включавшей тебя. И мне необходимо было понять, какой он из себя, – признал я. – И если уж совсем на чистоту, хотелось посмотреть, почему ты выбрал его.

Эндрю самодовольно ухмыльнулся. Выглядел он сонным и удовлетворенным. Даже воодушевленным.

– Не выбирал я его. Он выбрал меня. Во всяком случае, в самом начале.

– Значит, он *не совсем конченый*. – Мне не хотелось спрашивать, признал ли Эли, что выделил Эндрю из толпы ради его работ – одна только мысль об этом приводила в ярость – и не хотелось, чтоб Эндрю чувствовал себя попользованным. Больше, чем уже чувствовал. – Он все равно мудак. Но у вас совместная история, и я ее уважаю.

– Мы можем не говорить о нем? – спросил он, проводя рукой по волосам и на секунду посмотрев мне в глаза. – Мне интереснее поговорить о тебе. И если мы в ближайшее время не встанем с постели, думаю, мы не покинем ее весь день.

От его намека я замурлыкал.

– Да уж, непростое решение. Чем заняться: стиркой или тобой? – Он рассмеялся, но скатился с кровати, а я рухнул лицом в подушку. И застонал. – Значит, стиркой.

Глава 3

— Мы можем сегодня вздремнуть? — спросил я, сидя в машине на пути к его дому.

— Тебе что, пять?

Я потер глаза костяшками пальцев.

— Последствия прошлого вечера дают о себе знать.

— Или ты просто стараешься затащить меня обратно в постель?

— Возможно. А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

Он усмехнулся.

— Возможно.

— Я правда очень извиняюсь за вчера. Я не часто так напиваюсь, — пояснил я. — Потому-то и был таким разбитым.

— Все нормально, Спэнсер, — откликнулся он, переведя взгляд с дороги на меня, и улыбнулся. — Эмилио объяснил мне, что ты не любитель. Можешь себе позволить время от времени парочку пива, но не крепкий алкоголь. — Он хохотнул. — Кажется, они переживали, что ты упадешь в моих глазах. Ну, судя по тому, как меня убеждали в твоей положительности.

Я покачал головой.

— Я никого не просил.

— Да знаю. Они беспокоились о тебе.

Я вздохнул.

— Походу, я должен их хорошенько отблагодарить. Обедом или типа того.

— Еще мне поведали, что с первого дня ты вел себя со мной по-другому, — как бы вскользь заметил он. А в глазах поблескивал намек на юмор.

— Да ну?

— Ага. Сказали, что ты постоянно прикуривал лыбился, когда упоминал мое имя.

— Ладно. Забираю назад предложение о покупке обеда.

Он расхохотался.

— Так это правда?

— Ответ зависит от того, согласен ли ты подремать днем.

Он прыснул.

— Принимаю как «да».

Я ощутил, как от смущения вспыхнули щеки.

— Я уже говорил, что ты был другим. Но я против определения «прикуривал лыбился».

Паркуя машину возле своего жилища, он все еще ухмылялся. Я вытащил свою сумку с бельем с заднего сиденья и проследовал за ним внутрь.

— Не знаю, Спэнсер, — произнес он, кладя ключи и кошелек на тумбочку. Голос его стал тише, серьезнее. — Мне вроде как понравилось слышать, что с первого дня ты считал меня особенным. Когда мне рассказали, Лола рассмеялась и заметила, что моя улыбка такая же прикуриватая. Так что мы равны.

Я стоял, держа сумку с бельем, понятия не имея, что с ней делать. Внезапно напала нервозность. В доме мы были одни. То есть мы провели наедине все утро, но здесь было иначе. Словно мы находились в шаге от перевоплощения в кроликов, или он вот-вот должен был сообщить мне, что передумал.

Он долго вглядывался в меня, потом медленно подошел и встал передо мной. Опустил руку к моей сумке, которую я безбожно стискивал. Его пальцы дотронулись до меня, по

руке прокатилось тепло, заставившее запорхать в животе стайку бабочек. Он смотрел мне в глаза. Я облизнул губы, желая его поцеловать, а он наклонился лишь на мгновение, после разрывая прикосновение.

– Давай, я это возьму, – хрипло произнес он и забрал сумку из моей руки. Сделал шаг назад, а я часто задышал.

– Жесть, – пробормотал я, на самом деле не планируя произносить слово вслух. – Пытаешься убить меня?

Он хмыкнул.

– Просто проверяю, не было ли произошедшее случайностью.

– Случайностью? Какая еще случайность? Что я нахожу тебя невероятно сексапильным, или что из-за тебя мой глупый мозг выходит из строя?

Он тихо рассмеялся.

– Наверно, все сразу.

– Мог бы просто спросить меня, – сказал я, поправляя свой теперь уже набухающий – благодаря нему – член.

Он посмотрел на мою руку на промежности, ноздри его раздулись, на шее пропустил розовый оттенок. Голос его надломился, когда он проговорил:

– Нам лучше начать стирку.

Он развернулся и устремился по коридору мимо ванной комнаты в предположительном направлении прачечной, поэтому я последовал за ним. Он перевернул сумку, содержимое которой высыпалось на кафельный пол.

– Я умею сам, – изрек я. – Я не жду, что ты или кто-то другой станет стирать за меня. – Я подобрал рубашку и отложил ее в одну сторону, простыни – в другую. А приступив к сортировке темного и цветного, ощутил на себе его взгляд. Я поднял глаза и улыбнулся. – Что?

– Ты сортируешь белье, – пробормотал он.

– Разумеется. По цветам и тканям.

На лице промелькнула улыбка, и он закусил губу.

– У тебя какой-то бзик на стирке, о котором я не знаю? – поинтересовался я.

Он хохотнул.

– Нет. Просто я тоже всегда так сортирую: сначала по цветам, потом по типам ткани. Эли никогда так не делал, чем сводил меня с ума. – Он пожал плечами. – Мне нравится, что ты разделяешь белье.

– Раз нравится, значит, подпадает под категорию бзиков.

Он мягко рассмеялся, потом собрал простыни с пола и закинул в машинку. Добавил порошок и запустил программу стирки. И вот мы стояли рядышком без преград между нами. Внезапно воздух в крошечной комнатке наэлектризовался. Я видел, как вздымалась и опадала его грудь, видел пламя в его глазах.

Твою мать.

Между нами возникла химия, которой у меня не наблюдалось ни с кем. И не давая своему мозгу возможности врубиться, что к чему, я провел рукой по его подбородку и притянул его губы к себе. Он прижался ко мне бедрами, обвил руками. Как же стало хорошо.

Как же правильно.

Эндрю наклонил голову и углубил поцелуй, а я прижал его к машинке.

Возбужден он был не меньше моего, и наши члены прижимались друг к другу сквозь ткань штанов. Он провел руками по моей заднице и притянул ближе, а я безо всякого стыда застонал.

Стоило только подумать переместиться в спальню – мне не хотелось, чтоб наш первый секс случился на полу в прачечной – его телефон напугал нас своим пением. Не разрывая поцелуя, он улыбнулся, а потом отстранился. Мы оба дышали с трудом. Глаза его потемнели, губы опухли, а щеки полыхали румянцем. Тогда–то я и решил: вот мой любимый образ.

Он достал телефон из кармана, показал мне имя звонящего и ответил.

– Сара?

Не желая упускать момент, я прильнул к нему и поцеловал в шею. Благоухал он невероятно, а на вкус был еще лучше. Я прижался к нему, мурлыча от того, насколько же наши тела подходили друг другу.

– Правда? – взволнованно спросил он. – Сейчас? А подождать никак?

До меня доносилось лишь жужжение, точных слов было не разобрать. Разочарованно простонав, он сбросил вызов.

– Моя сестра скоро будет здесь.

– Сколько времени у нас есть? – прошептал я, прокладывая дорожку поцелуев до его уха.

– Она только что прошла мимо моей машины, так что в курсе, что я дома, – с придыханием ответил он. Ему явно нравилось, где я его целовал.

Погодите. Что? Я отступил назад.

– Она здесь? Сейчас?

Он фыркнул и кивнул.

– Более неподходящего момента она выбрать не могла.

Я сделал шаг назад и накрыл ладонью свой каменный член.

– Ох, блин. К слову о неловкости.

Эндрю проделал то же самое со своей эрекцией и зашипел.

– Ага, расскажи мне.

Раздался стук в дверь, и Эндрю со стоном опустил голову.

– Думай о чем–нибудь отвратительном, думай о чем–нибудь отвратительном, – бормотал он под нос, пытаясь избавиться от стояка, пока шагал открывать дверь.

– Ага, например, о помехе во время самого распаляющего поцелуя в моей жизни, – добавил я.

Эндрю расхохотался, распахивая дверь, и влетела Сара. Меня она не заметила, неотрывно глядя на брата.

– Расскажи мне, что произошло, – попросила она. – Я собиралась звонить, но находилась неподалеку и решила, что могу лично вызнать все подробности. Так расскажи же, что вчера случилось?

– Ну, – медленно начал Эндрю, закрывая дверь. Потом кивнул туда, где стоял я.

Сара перевела взгляд в этом направлении.

– Привет, – помахал я ей.

Она мгновенно вспыхнула улыбкой и расслабилась.

– О, слава тебе Господи! – она повернулась к Эндрю и обняла его. – Я так рада. Я знала! Так и знала! После того, как увидела вас двоих за ужином, я просто знала! – Сара выпустила Эндрю и обернулась ко мне. – О, погодите, твое присутствие здесь означает именно то, что я думаю? – спросила она и взглянула на Эндрю. – Что с Эли?

– Эли в прошлом, – ответил Эндрю. – И да, означает именно то, что ты думаешь. Ну, мы так считаем. – Он посмотрел на меня и вздрогнул. – Над деталями мы еще работаем.

– Да, – согласился я. – Хотя вроде бы звучал термин «официальные отношения»?

Эндрю улыбнулся.

– Да, что-то припоминаю.

– Ах, мальчики, – произнесла Сара. – Как же мило! – После утомонилась и посмотрела на брата. – Расскажи мне все.

– Пойду в ванную, – сказал я, оправдывая свой уход. На самом деле я немножко схитрил, давая им побывать пару минут наедине. Ну, и, разумеется, у меня самого появилось немного времени удостовериться, что я не щеголяю стояком во время беседы с его сестрой. Своим появлением она без сомнения убила весь настрой. После того, как умыл лицо, а мой член достаточно успокоился, чтоб позволить мне отлить, я присоединился к ним.

Их приглушенный разговор доносился со стороны кухни, поэтому я отправился на звук. Почувствовал запах варящегося кофе и обнаружил три пустые чашки на стойке. Эндрю и Сара беседовали по душам.

– … я спал на его диване, – излагал Эндрю. При моем появлении общение прекратилось. Здраво рассудив, я решил внести свой вклад в рассказ.

– Ага, я набухался в хлам. Решил, что упустил его из-за ублюдского бывшего, – выпалил я. Смущаться было нечего. – Эндрю разыскал меня, застал рыдающим в пьяном состоянии и отвел в постель. Утром мы поговорили. И вот теперь мы здесь.

Эндрю хмыкнул и перевел взгляд на сестру.

– Да. Примерно так все и прошло. Утром его друзья поймали меня и целый час убеждали дать ему шанс.

– Правда? – изумилась она. – Они так поступили?

Эндрю кивнул и пожал плечами.

– Я и так собирался. В смысле дать ему шанс, – сказал он. – Зачем тогда ехать к нему, если б мне было неинтересно?

Я глянул на Сару.

– Между прочим, никогда и никому я не покупал проигрыватели.

Сара хихикнула одновременно с писком кофемашины. Эндрю наполнил две чашки и тормознул перед третьей.

– Черт. Ты же не пьешь кофе, а чая у меня нет.

– Кофе подойдет, – откликнулся я. – Вдруг поможет. Похмелье начинает усугубляться.

Эндрю нахмурился.

– Если хочешь прилечь, так и скажи.

– Позже, – ответил я, принимая чашку. По правде говоря, кофе я не любил, но прикинул, что кофеин сможет прочистить шлам в голове. А еще важнее: если уж и ложиться в его постель, то, разумеется, не в одиночку.

Сара отпила кофе.

– Значит, Эли правда собирался забрать твои борды?

Эндрю вздохнул.

– Не знаю. Изначально, думаю, да. Может, его намерения заключались не только в этом. Понятия не имею. Мне больше по душе вообще не знать. Просто хочу двигаться дальше.

Сара медленно кивнула, тепло улыбнувшись.

– Я рада, что все так вышло. И Эндрю, дорогой мой братишка, ты сильно мне задолжал.

– С какой стати?

– Именно я все устроила, помнишь? – указала она по очереди на нас с Эндрю. – Ты даже знакомиться со Спэнсером не хотел.

Эндрю бросил на меня взор, улыбнулся и пожал плечами.

– Правда.

Я изобразил обиду.

Сара фыркнула.

– О, Спэнсер, ты должен был его видеть. После встречи с тобой в кафе он так паниковал. «Он слишком сексуален для меня. Эли поймет, что все подстроено, потому что такой парень ни за что бы меня не выбрал», бла–бла–бла.

Я расхохотался над ее пародией, а Эндрю закатил глаза.

– Мне не стыдно, – заявил он, а вот румянец доказывал обратное.

– Мне приходится лишь гадать, какого лешего он не видит себя моими глазами, – сказал я и дождался, пока Эндрю посмотрит на меня. – Если припомнить, он был на обложке «Сексуальных ботаников», а мне досталась только двадцатая страница «Модного ЛА».

Эндрю хохотнул.

– Страница была не двадцатой, а четвертой.

– Ты–то был на обложке!

– Я внес поправки в твою обложку, – ухмыльнулся он. – Да я даже нарисовал твою обложку. Где иллюстрация моей обложки?

– Поверь, мне не стоит ничего рисовать. Я даже фигуру из палочек не изображу по–человечески.

Сара хотела вместе с нами, но явно не понимала, о чем речь.

– Что вы вообще несете?

– Не важно, – отмахнулся Эндрю, отпивая кофе и улыбаясь.

– Ну, что ж, – произнесла Сара, допивая кофе. – Пойду я. Спэнсер, ты не представляешь, насколько я счастлива, что здесь ты. Я рассчитывала застать подхалима Эли. – Она чмокнула меня в щеку, что было удивительно, но вместе с тем мило. – Эндрю, проводишь меня?

Даже мне было известно, что слова являлись кодом для «поговорим наедине».

Я не возражал. Раз ей требовалось поговорить с ним без моего присутствия, значит, учитывая, насколько она была честна во всем остальном, сказанное ею мне не приглянется. Я сделал еще глоток и вылил остатки в раковину. Я и так умудрился вылакать полчашки, что на какое–то время позволит мне войти в клуб любителей кофе. Я так и не определился: стало голове лучше или нет? Просто наливайте мне ежедневно зеленый чай.

Я помыл кофейные чашки и вытирали их как раз в момент возвращения Эндрю.

– Все в порядке? – спросил я.

– Конечно, – отозвался он. – Она хотела прочитать мне лекцию.

– На тему?

– Чтоб я все не испортил.

– Какого черта ты должен натворить, чтоб все испортить?

Он пожал плечами.

– Она говорит, что я спешу. Наверно, правда. Например, как было с Эли. Она просто хочет, чтоб я взял паузу и… ну, знаешь, не съехался с тобой спустя пару месяцев и не обручился через полгода. Все в таком духе.

Вот дермо.

– Думаешь, мы слишком торопимся?

Он снова пожал плечами.

– Нет, но с Эли я тоже так не думал. Но оглядываясь назад, оказывается было наоборот, так что возможно в ее словах есть смысл. По факту мы встречаемся всего несколько часов. Я рассмеялся.

– Хорошо, раз ты так ставишь вопрос.

Уголки губ опустились.

– Хотя мы изображали отношения две недели.

– Кстати, их я тоже считаю, – добавил я. – Те две недели были потрясающими. И пусть мы познакомились не самым традиционным способом, я не жалею. То есть мне жаль, что Эли тебя обидел, но если б он не был кидосом, мы бы не встретились.

– Кидосом?

Я улыбнулся.

– Ну, то есть мудаком.

Он подошел ближе, нежно коснулся бороды и улыбнулся, но глаза остались серьезными.

– Я не хочу ничего портить.

– Я тоже, – признал я. – Откровенно говоря, именно я могу облажаться. У меня проблемы с отношениями, помнишь?

Он мягко поцеловал меня.

– Тогда, может, тем более не стоит спешить? Если б Сара не притащилась, не сомневаюсь, мы бы сейчас были в постели.

Я вздохнул и притянул ближе.

– Согласен. Вообще–то, я планировал, что мы будем развиваться, как кролики, прямо на полу в прачечной.

Он усмехнулся и немного отодвинулся, но руки остались на моей талии.

– Думаю, нам стоит прояснить. Под «не спешить» мы понимаем подождать с… ну, с проникающим сексом? В принципе я не возражаю. Но от других вещей не отказался бы.

– Например, каких?

Его щеки зарозели.

– Например, которыми мы занимались чуть раньше.

– Минет и мастурбация? Формально это секс.

Румянец окрасил и шею.

– Ты меня понял.

– О, ты об анале? О трахе в задницу? О кроличьем сексе?

Несмотря на пылающую краску смущения, от моей непроходимой тупости он побледнел и кивнул.

– Прости, не стоило шутить. – Я коснулся ладонями его лица. – В последний раз я вспоминаю его имя, но: нежелание Эли заниматься с тобой сексом и мое согласие не спешить не означают, что ты не притягателен. Серьезно, Эндрю, ты невероятно сексуален.

– Его щеки заалели. – Как и ты, я хочу, чтоб наши отношения основывались не только на физике. Но я реально без понятия, как определить, что спешка, а что нет, поэтому буду брать пример с тебя. Если чтоб трахнуться как кролики на полу в прачечной, тебе нужно подождать неделю, месяц или год, подожду и я.

– Год?

Я расхохотался над выражением ужаса на его лице.

– Окей, давай согласимся, что год – слишком долго.

Он снова усмехнулся.

– Я раздумывал насчет пары недель... Честно говоря, не знаю, смогу ли ждать так долго. Кажется, у меня хроническая проблема из-за твоего присутствия рядом. – Он прижался ко мне бедрами, доказывая свою правоту.

Его хроническую проблему я ощутил. Она касалась моей хронической проблемы сквозь брюки. Я рассмеялся. Или застонал. Может, все сразу.

– У меня тоже.

Он прижался ко мне губами, но, не давая поцелую перерasti во что-то серьезное, запищала стиралка. Разочарованно простонав, он отстранился.

– Спасены в последнюю минуту, – пробубнил я, пытаясь перевести все в шутку.

Он решительно покачал головой.

– Нет. Я закину твои простыни в сушилку, включу следующий режим, а потом мы отправимся в постель. И после порции минета или взаимной мастурбации ты сможешь спать.

А вот и командир–Эндрю вернулся. Следовало признать: мне нравился командир–Эндрю. Он покинул кухню с решительным выражением лица, а я последовал за ним. Только он свернулся по коридору в прачечную, а я направился к лестнице. И подумал: ему не придется гадать, куда меня унесло, если разбросать одежду. Рубашка упала на нижнюю ступень, ботинки я снял наверху, брюки возле входа в спальню, а нижнее белье возле кровати.

Отследив цепочку и увидев мое нижнее белье на полу, он уже понимал: под покрывалом я лежал обнаженным.

– Какую сторону предпочитаешь? – спросил я.

Зрачки его расширились, губы приоткрылись, вдохи стали резкими, а в брюках виднелась очень заметная выпуклость. Не произнеся ни слова, он стянул футболку, потом расстегнул брюки и стащил по бедрам, демонстрируя свой восхитительный член. Я откинулся на секунду застопорился.

– Не переживай за простыни, – сказал я. – Обещаю, я не потеряю ни одной капельки.

Он сипло простонал и опустился коленями на кровать.

– Дело не в этом, – тихо произнес он. – Просто мне нравится, как ты смотришься в моей постели.

Я обвил руками его бедра и принял в рот. И в третий раз за сегодняшний день мы довели друг друга до кульминации.

После, переплетаясь с ним в единое целое на самой комфортной постели в мире, я уснул мертвейским сном.

Глава 4

Проснулся я в одиночестве. Осознание, что Эндрю нет в комнате, заняло секунду: его сторона кровати была пуста. Разочарование свернулось во мне, подобно змее, но потом я услышал…

Он играл на рояле.

Моя одежда лежала на постели сложенная пополам, и я улыбнулся от того, что он ее собрал. Такой простой, но в то же время заботливый жест. До нелепого смешно, каким счастливым я тут же стал.

Одевшись, я воспользовался его ванной: помыл руки, затем лицо, выдавил немного пасты на палец, короче, привел себя в порядок, насколько возможно, и спустился вниз. Не хотелось пропустить его игру.

Он все еще сидел за роялем и улыбнулся, когда я вошел. Не сбиваясь с ритма, мелодия перетекла во что-то фанковое и оживленное – какой-то джазовый номер, который он знал наизусть, и, слушая, я не мог не улыбаться.

Композиция подошла к завершению. Он убрал руки с клавиш.

– Спал хорошо?

– Лучше не бывает, – сказал я и кивнул на клавиши. – Не останавливайся.

От улыбки в уголках глаз простирали морщинки, и он перешел к чему-то классическому. Какому-то отрывку из фортепианного концерта, который, не сомневаюсь, он заиграл, только чтоб впечатлить меня. Сработало. А если серьезно, он мог бы исполнить «Сияй, сияй, маленькая звездочка¹», и я бы офигел, но эта мелодия была потрясающей.

В этот раз ноты трансформировались во что-то неожиданное, почти комичное. А из-за его улыбки я задумался: эта мелодия из никогда не виденного мной мультика, или она являлась музыкальным продолжением его счастья? Потому что в тот самый момент, стоя в его гостиной, я понял – назад пути не было.

По крайней мере, для меня.

Кажется, в тот день он завоевал частичку моего сердца. Если к тому моменту еще не заполучил его полностью, то, безусловно, теперь владел частью.

Ничего не мог с собой поделать. Я подошел к нему, взял его лицо в руки и наклонил голову немного назад, чтоб поцеловать. Его пальцы соскользнули с клавиш, и он расхохотался мне в рот.

– Знаешь, ты необыкновенный.

Он промурлыкал в ответ:

– М–м–м, мята.

– Воспользовался пастой. Надеюсь, ты не против. – Пока он не успел подумать, что я повел себя омерзительно, взяв его щетку, я поднял палец. – Я использовал палец. Не круто, но лучше, чем ничего.

– Могу выделить тебе зубную щетку, – произнес он. – Уверен, у меня целая куча запасных.

Я поднял руку, тормозя его.

– Медленно, помнишь? Думаю, обмениваться зубными щетками преждевременно.

Он нахмурился и кивнул.

– Да, конечно.

¹ Английская колыбельная

Тогда–то я и заметил огни на улице.

– Который час? – спросил я, вытаскивая телефон. Начало седьмого. – Боже, пора домой.

Эндрю медленно поднялся из–за рояля.

– Я отвезу тебя.

– Я могу прокатиться на автобусе.

– Меня не напряжет. Все равно нужно заскочить в магазин. Как хороший мальчик, я каждый день собираю себе обед – готовить не умею, зато могу сделать сэндвич. Обычно я хожу за покупками утром, но выходные пошли кувырком.

Я улыбнулся.

– В плохом смысле?

– В противоположном слову «плохой» смысле. – Проходя мимо, он провел ладонью по моей руке. – Только захвату твое белье. – Он вернулся с постиранными, высушенными и аккуратно сложенными вещами.

– Что? Ты их не погладил?

Он возмутился:

– Я тебе не прислуга.

Я рассмеялся и чмокнул его в щеку.

– Шучу. Я очень благодарен, что ты вообще предложил постирать здесь.

Он глубоко вздохнул.

– Не за что.

– О, пока не забыл. Где твоя мобила?

Он с опаской вытащил трубку из кармана.

– Вот. А что?

– Нам нужно выложить фотку на «фейсбук».

– Ой. – Щеки его окрасились восхитительным розовым оттенком. – Точно.

– Все хорошо?

– Конечно.

Я взял его телефон, нажал на иконку камеры и, обняв его и уткнувшись носом ему в щеку, мы позировали для сэлфи. Отсняв несколько штук, он выбрал лучшую – имеется в виду, ту, где, по его мнению, он выглядел лучше всего – и загрузил на свою «ленту».

– Хм, может, мне… – Он замолчал. – О, не беспокойся.

Меня бесило, когда люди так говорили. Разумеется, я начал беспокоиться.

– Может, тебе что?

– Просто задумался… – Он покачал головой. – Знаешь, люди меняют статус отношений…

Глупость, не переживай.

– Нет, не глупость.

– Просто я пребываю в полнейшем восторге, – сказал он, глядя на телефон, а не на меня, но я заметил румянец на его шее. – Но мне стоит сбавить обороты. Наверно, рассказывать миру о нас слишком рано. Сара была права. Я действительно порю горячку. Без оглядки ныряю в каждые отношения. Постить фотки – одно дело; анонсировать – немного другое.

– Эндрю, – тихо заговорил я, дождался, пока он посмотрит на меня, и только потом продолжил. – Если хочешь постить, значит, делай. Поведай всему миру, что заполучил самого сексуального бойфренда. Хотя и по фоткам понятно.

Он засмеялся и перевел взгляд на телефон.

– Нет, не буду. Не сейчас. Не хочу сглазить. Хотя мне придется рассказать на работе. Ну, Мишель сразу же все поймет. Она для меня, как для тебя Лола. Она все прочтет на моем

лице, я даже слова сказать не успею. Еще и часа не пройдет, а она уже прокомментит фото. И наверняка захочет вызнать каждую подробность.

Я застонал, а он поднял глаза на меня.

– Ты напомнил мне. Лола, несомненно, еще торчит в салоне, ждет моего возвращения.

Раньше полуночи она свой допрос не прекратит.

– Что ты ей скажешь? – спросил он. В глазах мелькнула уязвимость, видеть которую я не любил.

– Что мы решили не спешить, но звучал термин «официальные отношения».

Эндрю улыбнулся.

– Неплохо.

– Ну, и какие у нас планы на неделю? – поинтересовался я. – То есть мы же строим планы? Пары же именно этим занимаются? – Показалось странным произносить подобные слова. – В этом суть официальных отношений? Понятия не имею.

– Вполне уверен, что пары строят планы, – медленно кивнув, проговорил он и сдержал улыбку. – И да, именно в этом суть официальных отношений.

– Ужин во вторник? – предложил я. – Я готовлю.

– Ты готовишь?

Я притворился обиженным.

– Умею ли я готовить? Ты должен знать: я делаю лучшие спаг бол в мире. Блюдо не гламурное, но вкусное.

– Спаг бол?

– Спагетти болоньезе.

– Такая австралийская фишка?

– Ага. Мы все сокращаем. Не переживай, привыкнешь.

На несколько секунд я нежно приник к нему губами.

– Спасибо за сегодняшний день. Спасибо, что приехал ко мне вчера. Спасибо, что велел этому кактамегозовут потеряться. Спасибо за завтрак. Спасибо за твой невероятный аромат. И спасибо, что сыграл мне на рояле.

Эндрю рассмеялся, коснулся руками моего лица, закрыл глаза и поцеловал меня. Его лоб прижался к моему лбу, и он глубоко вздохнул.

– Всегда пожалуйста. – Он отстранился и произнес: – Лучше мне отвезти тебя домой или «не спешить» не прокатит. А я сомневаюсь, что за день могу кончить четыре раза.

Я хохотнул и всю дорогу домой улыбался.

До тех пор, пока не вошел в салон, и Лола буквально не протащила меня от передней двери до кабинки, зашивывая вопросами как из пулемета. О, да кого я обманываю? Я даже тогда улыбался.

Глава 5

– Он не хочет торопиться? – спросила Лола. – Тут два варианта: он либо милый, либо безумный.

— Он говорит, что именно так себя и ведет, — пояснил я. — Опережает события и чрезмерно увлекается, а заканчивается все полнейшим бардаком. Он не хочет, чтоб так же случилось со мной.

— Видишь? Все-таки он милышка, — сказала Лола.

— Сюда входит и воздержание отекса.

— А вот это безумие.

Я рассмеялся.

— Он не идеален.

— Сильно.

Я ухмыльнулся.

— Сильно.

— Я рада, что ты решил рискнуть, — проговорила Лола, сжимая мою руку. — Ты заслуживаешь счастья.

— Спасибо, — смущенно пробормотал я. — Он потрясающий.

Лола подскочила и завизжала.

— О, посмотри на себя! Влюбленный котеночек.

Влюбленный котеночек? Клянусь, часть моей мужественности только что умерла.

— Пообещай больше не использовать такие слова.

Она улыбнулась и задумчиво замурчала.

— Он спокойно воспринял, что завтра ты встречаешься с новым клиентом?

Oй.

— Не думаю, что он знает.

Лола уставилась на меня.

— Он же нормально отнесется?

— Должен, — сказал я. — Он знает, кем я работаю. За ночь ничего не поменялось.

Она кивнула, как бы потакая, и завела новую тему.

— Значит, во вторник ты готовишь ему ужин?

Таким образом наш разговор продолжался до тех пор, пока Габ не вышел из себя — или, может, пожалел меня — и не уволок ее домой. Я поднялся наверх, перестелил постель и уставился в телефон.

Стоит ли написать ему? Бойфренды так делают? Будет ли сообщение считаться нарушением границ «не спешить»?

Игнорируя телефон, я поужинал, а потом подумал... почему он не написал мне?

Я положил телефон на стойку и таращился на него, будто он выбил весь мой мир из колеи. Примерно так и было. Ну, не конкретно из-за телефона. С каких пор меня беспокоило подобное дерньмо? Сколько прошло? Гребаный день?

Я схватил мобилу, открыл «сообщения» и нашел его имя.

«Мои сообщения относятся к спешке? Потому что я начинаю надумывать лишнего обо всей этой пугре и не хочу ничего портить. Но если есть желание, я же могу писать тебе?»

Нажал «отправить», не давая себе возможности передумать, и бросил мобильник на стойку. Я вынимал воду из холодильника, когда звякнул телефон, и сердце защемило: вдруг это он ответил?

Эсэмэс пришло от него.

«Писать сообщения нормально. Больше, чем нормально. И пкс²: выложенное на «фейсбуке» фото заручилось огромным количеством комментов».

Я улыбался, как влюбленный школьник, потом, разумеется, огляделся вокруг убедиться, не видел ли кто моего нелепого вида, а затем покачал головой. Жил–то я один. Конечно, никто меня не видел. Я переместился с телефоном и бутылкой воды на диван, все еще улыбаясь маленькому экрану.

Я быстро ответил: *«Заручилось? Ты реально использовал слово «заручилось»?»*

Реакция была незамедлительной: *«Завали».*

Я раскатисто расхохотался. *«Комментарии, которыми заручилось фото, положительные?»*

Я ожидал быстрого эсэмэс, но вместо него телефон запел. Звонил Эндрю.

– Ты меня высмеиваешь?

Я снова покатился со смеху.

– Точно. В Австралии мы бы употребили слово «стебаться». Ты серьезно велел мне завалить?

– Да. – Он глубоко вдохнул. – Я рад, что ты написал.

– Я не собирался, – признал я. – Потом пытался разобраться с критериями «не спешить» и подумал: согласно пособию «Этикет для бойфрендов» после двух проведенных вместе дней сообщение считается пересечением каких–то границ? А затем до меня дошло, насколько по–идиотски я себя веду, и решил послать все к черту. Посему сообщение.

– Посему. И ты еще – как ты там говорил? – «стебешься» над моим «заручилось».

– Завали.

Он засмеялся в телефон, и от этого звука в моей груди потеплело.

– Лола устроила мне инквизицию, которой гордилась бы Испания, – рассказал я ему. Он хмыкнул.

– Ага, недавно мне звонила Сара. И мама. Демонстрация миру через социальные сети, насколько мне уютно с новым кавалером – ее слова, не мои – при этом не рассказав ей, стоила мне обеда, где названная испанская инквизиция без сомнений будет иметь место. Теперь смеялся я.

– Звучит здорово.

– Ага, столь же здорово, как раны Черного рыцаря.

– Ты только что процитировал «Монти Пайтона»?

– До тебя дошла моя цитата из «Монти Пайтона»?

Я фыркнул.

– «Священный грааль» – один из моих любимчиков.

Клянусь, я услышал его улыбку.

– Моих тоже.

За заднем плане раздался звонок в дверь.

– Кого–то ждешь? – спросил я.

– Ага. Ужин. Говорил же, что не готовлю.

– И что сегодня в меню?

– Мексиканская кухня. Салат из бобов с гарниром из буррито.

Он меня рассмешил.

– Окей. Я отпущу тебя. Развлекайся. Напишу тебе завтра вечером.

²² Просто к сведению

– Хорошо. Пока.

Отключив звонок, я улыбался телефону как простофиля, пока не отправился в постель. Хотя так и не сообщил ему о завтрашней встрече с клиентом. О таких вещах я раньше не парился, но после упоминания Лолы нельзя было не задаться вопросом, что подумает Эндрю. Я взял мобилу с прикроватной тумбочки и почти отправил сообщение с напоминанием, что завтра у меня начинается новое дело.

А потом сдрейфил: а если его не устроит? Затем велел себе врубить мужика и рассказать ему. Только я собрался, как в моей руке зажужжал телефон.

Сообщением от Эндрю.

«*Пкс, сомнения в моей способности кончить четыре раза за день были беспочвенными*».

Я застонал, мысленно представляя, как он передергивал в кровати. Или в душе. Или мне на живот, или в рот... Яйца изнывали от желания.

«*Так не честно*».

Ответ пришел спустя какое-то время: «*Не стоит благодарности*».

Излишне говорить, что в этом состязании я не мог позволить ему победить.

На встречу с новым клиентом я прибыл рано. Я предпочитал создавать впечатление невозмутимого, спокойного и собранного парня, потому что чаще всего клиенты находились в состоянии стресса и убивались горем, и нуждались в человеке, который держал бы все под контролем.

Лэнс был иным. Мои услуги ему рекомендовал один из друзей, мой старый клиент Джерард, который не особо мне нравился. Ублюдок считал, что может купить что угодно и кого угодно, и мне было известно еще до того, как Лэнс открыл рот – он ничем не отличался.

Местом встречи послужила кофейня на Уилтшире в центре ЛА. В нем выдавали подонка не дорогой костюм и не итальянские кожаные «лоферы», и даже не гладко зачесанные назад волосы или подобострастная улыбочка. Что-то было в его глазах – темных, почти черных. Не то чтобы это было плохо – мне доводилось видеть пылающие надеждой темные глаза – но они не выражали никаких эмоций. Как у акулы. Было в нем что-то такое, что запеленговал мой козломер, но вовремя припомнив про презумпцию невиновности, я поднялся, пожал ему руку и представился.

– Спасибо, что встретился со мной, – сказал он. Махнул рукой и щелкнул пальцами официантам, словно личной прислуге, даже не глянув в их сторону и не улыбнувшись. Ага, мой козломер официально заработал.

Но он являлся платежеспособным клиентом, поэтому я отпил зеленого чаю и улыбнулся.

– Значит, меня рекомендовал Джерард. – Это не было вопросом.

– Да. Ты на самом деле симпатичный, как он и говорил. Думаю, ты отлично справишься. – К нашему столику подошел официант, и Лэнс пролаял заказ. Я поблагодарил официанта, поскольку Лэнс явно считал ниже своего достоинства продемонстрировать хотя бы подобие долбаных манер.

Я послал Лэнсу натянутую улыбку и сразу перешел к делу.

– Вы хотите вернуть кого-то в свою жизнь?

– Да.

– Мужчину, женщину?

– Мужчину. – Он сощурил глаза. – Это проблема?

Предполагалось, что дружок Джерард сообщил ему о моей гомосексуальности. Все—таки я работал с ним и его бывшим парнем. *Лэнс проверял меня?* Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Безусловно, нет. По оплате: половина — вперед, половина — по завершении работы.

Нельзя не отметить: финальный результат может совпасть с вашими желаниями, а может и нет. Я не могу гарантировать его реакцию. Но я гарантирую ответ и правдивость. Моя работа состоит не в том, чтобы убедить его вернуться к вам. Моя работа состоит в том, чтобы заставить его ревновать. И надеюсь, он поймет, что совершил ошибку, и пожелает вернуться. Условие: полная оплата, независимо от исхода.

Официант поставил кофе на стол, и опять Лэнс даже не оценил старания бедного паренька. Серьезно, грабаная улыбка или кивок не стоили ни цента. Вместо него он улыбнулся мне.

— Звучит разумно. Но я имею в виду не твой обычный стиль работы.

Я сохранил на лице нейтральное выражение.

— А что же?

— Я не хочу притворяться, что мы пара. Я хочу, чтобы ты подружился с ним.

— И с чего бы мне это делать?

— Подыскать маленькую сексуальную попку и полапать в баре не составило бы особого труда, если бы мне требовалась ревность. — Он самодовольно вздохнул. — Мне не это нужно. Мне нужно, чтобы ты подружился с ним и втерся в доверие.

Окей. А вот и странности пошли.

— Зачем?

— Он не хочет меня видеть.

«По уважительной причине», — подумал я.

— Тогда встречаться нам было излишне, мистер Нейдер. Если клиент отказывается видеться или говорить с вами, я не могу ничем помочь. — Я поднялся, завершая встречу. Он схватил меня за руку.

— Все не так. Дело в его семье. Очень большой греческой семье. Когда они узнали, что он встречался со мной... — Он покачал головой и впервые с момента знакомства показал хоть какие—то эмоции. Я уселся обратно, решив выслушать. Он зашептал: — Когда он пришел ко мне с заявлением, что все кончено, у него были синяки. — Он указал на скулу. — Я умолял рассказать, кто его обидел, но он не сознался. Он просто ушел.

Oх, дерньмо.

— Если у него проблемы, вам стоит обратиться в полицию. А не ко мне.

— Он станет все отрицать, если его будут допрашивать, — протараторил Лэнс. — Он боится отца. Не сомневаюсь. Потому—то мне и нужно, чтобы ты подружился с ним. Поговорил с ним.

Какое—то время я всматривался в него, оценивая откровенность. Его реакция казалась искренней и честной. Хотя не то чтобы я хорошо его знал.

— А потом что?

— Скрывать не стану: хочу увидеться с ним. — Он тяжело сглотнул. — Я люблю его.

— Как давно он ушел?

— Три недели назад.

— С тех пор вы общались?

Он покачал головой.

— Сколько ему лет?

— Двадцать один.

Лэнсу запросто могло быть тридцать, может, даже тридцать два – тридцать три.

– Где вы познакомились?

– В «Стандарте». Понимаю, он моложе меня, но между нами было нечто… особенное.

Что-то щелкнуло с первого дня. Знаешь, как бывает?

Как ни странно, теперь я знал.

– Как долго вы пробыли вместе?

– Год.

– Его имя?

– Янни Томарас.

– Место работы?

– Он обучался в лос-анджелесской актерской академии – колледж в Западном Голливуде.

Но он вроде отчислился или взял временный перерыв. Раньше работал в кафе рядом с кампусом, но после ухода от меня на смену не выходил.

– Вы пытались его выследить?

– Только в школе и на работе, – сознался он. – Где не вызнает его семья.

– С чего вы взяли, что я вообще способен его найти? Я не частный сыщик. Обычно я не ищу пропавших людей.

– Джерард сказал, ты лучший. И Янни не пропал. Он просто притих из-за своей гомофобной семейки. Одному Господу известно, чем они ему угрожали. Мне бы не хотелось привлекать полицию, а частные детективы еще хуже копов. Он может попасть в более затруднительное положение, если они начнут совать нос в его семью, понимаешь? Я глубоко вдохнул и взвесил свои возможности. Разумеется, Лэнс – мудак, но если парнишка находился в беде, вероятно, мне стоило помочь. Или, как минимум, выследив его и оценив всю долбанутость ситуации самостоятельно, решить, что делать. В том случае, если найду его.

Я вытащил из кармана пиджака маленький блокнот и протянул ему.

– Напишите его имя, дату рождения, наименование колледжа, посещаемые уроки, название кафе, места тусовок, имена друзей. Все, что сможете припомнить. Также мне понадобится ваш е-мэйл и прочие контакты.

Он застучил с бешеною скоростью, и, принимая от него блокнот, я произнес:

– Никаких обещаний. Понятия не имею, смогу ли его отыскать.

Лэнс улыбнулся.

– Я в тебя верю.

Следующей на очереди была встреча с Лолой и Эмилио. Эмилио согласился, что с этой историей что-то не так, а Лола посоветовала прислушаться к интуиции.

– Знаю, знаю, – поддакнул я. – Лэнс Нейдер придурок, но что если его бывшему нужна помощь? Не помешает разобраться.

– То есть если б ты встретил мистера Мерзость в баре…? – намекнула Лола.

– Я бы сбежал подальше, – без колебаний ответил я. – Мой козломер заработал еще до того, как он заговорил.

Лола скривила рожицу, прямо заявлявшую мне, что я идиот.

– Я бы поняла произносимые тобой слова, если б ты отказался от работы, – сказала она.

– Знаю. – Я громко вздохнул. – Возможно, я даже не смогу отыскать парня.

Она погладила мою руку.

— Я доверяю твоему мнению, Спэнс. Если что-то смущает, просто выскажи мистеру Мерзость, что именно по *bueno*³.

Наконец-то я улыбнулся.

— Выскажу.

— Хорошо выглядишь сегодня, — произнесла она, уходя от темы моего нового клиента с громким прозвищем мистер Мерзость. Именно мерзостью он и являлся.

Я осмотрел свою рубашку и штаны. Я уже и надевал.

— Хм, спасибо.

Она хохотнула.

— Дело не в одежде. Дело в тебе. Посмотри, какой ты счастливый.

— Ой. — Я понимал, на что она ссылается. Наверняка, собиралась поведать мне что-то насчет внутреннего сияния из-за любви или секса или чего-то наподобие. — Мне нравится твое платье. Новое?

Ее было не обурить.

— Классная попытка.

— Я серьезно. Цвет солнечно-желтый?

Она прищурила глаза и продолжила распаковывать коробку украшений для Даниэлы.

— Новые образцы для принца Альберта?

— Ага. Хочешь?

От одной только мысли мой член уменьшился в размерах.

— А, нет, спасибо.

Она прыснула.

— Эндрю может понравиться.

Я проигнорировал ее.

— Желтый цвет твоего платья подходит к розовому цвету волос, — добавил я. — Тот же тон.

А тонкий черный ремешок сочетается с черными каблуками. Отличная комбинация.

Она расхохоталась и покачала головой.

— Не меняй тему разговора, Спэнсер Коэн. Не думай, что я не понимаю, чего ты добиваешься.

— Ничего я не добиваюсь, — солгал я.

Она ушипнула меня за бороду.

— Я рада за вас с Эндрю. Даже если ты не хочешь это обсуждать.

Я скептически рассмеялся.

— Я уже обсуждал. Рассказал тебе все, что мог, о нас с Эндрю. Разве что без разглашения нашей любимой смазки.

Кто-то хихикнул за кабинкой.

— И на этой ноте, — сказал я, проходя к шторке, и обратился к тому, кто подслушивал. — Увидимся с вами, добрые люди, завтра. — Я высунул голову, замечая Эмилио. — Что-то нужно, дружище?

Он оторвал взгляд от клиента.

— Не.

— Позже перекусим?

— Сегодня нет свиданки?

Я простонал.

³ Не хорошо (исп)

– Нет.

– Завтра вечером, – провопила из кабинки Лола.

Я сделал глубокий вдох, чтобы хоть немного тормознуть предательский румянец, обжигавший мои глупые щеки.

Эмилио засмеялся.

– Не, сегодня заканчиваю пораньше. Салон закроется в семь.

– Окей. Позвони, если что-то понадобится. И передай Даниэле «спасибо» за вчера. И за позавчера, что помогла мне с представлением «Мэйкерс Марк». – Я поежился от воспоминаний о бурбоне. – В любой день недели обед за мой счет.

Эмилио ухмыльнулся.

– В любой, кроме завтрашнего.

– Ну, нет, завтра… да по фиг, только не завтра.

Он хмыкнул.

– Я сообщу своей прекрасной женщине, – проговорил он. – Она поймает тебя на слове, друг мой.

– Отлично. Нацелимся на пятницу, если ничего не поменяется, – обрадовался я и направился к запасному выходу. – Лола, вы с Габом тоже идете. Я угощаю.

– А Эндрю присоединится? – поинтересовалась она тоном, сочетавшим в себе издевку и надежду.

– Без понятия, – тихо ответил я. – Я спрошу.

Ее улыбка была прекрасна.

– Хорошо!

Я сдержал стон и улыбнулся в ответ. А еще задумался: я когда-нибудь прекращу улыбаться?

Весь день я гуглил Янни Томараса. В социальных сетях аккаунтов обнаружено не было, по крайней мере, зарегистрированных на настоящее имя. В общем, отыскать я не смог. По перекрестным ссылкам местоположений и фото, даже по «лайкам» не найдено ни одного Янни, похожего на человека с присланных Лэнсом изображений.

Я перепробовал всевозможные комбинации имени, даты рождения и адреса. Потом добавил колледж в сочетании с местом работы и на удивление добился определенного прогресса.

Должно быть, я потерял счет времени, потому что совершенно неожиданно зазвонил мобильник. Имя Эндрю высветилось на экране.

– Привет, – ответил я.

– Привет.

Я на сто процентов был уверен, что придурковато лыбился от одного только звука его голоса.

– Как прошел день?

– Хорошо, – отозвался он. – Пережил инквизицию от коллег, правда с трудом.

– Было жестко?

Он застонал.

– Смертельно.

Я усмехнулся.

– Да, сегодня Лола вновь привязалась ко мне. И пресекла мои махинации с комплиментами ее наряду. Правильно говорят: сопротивление бесполезно.

Он издал радостный звук.

– Завтра я обедаю с мамой.

– Помни, – серьезно проговорил я. – Если есть сомнения, хвали ее наряд.

– Ты только что сказал, что это не сработало.

– Не сработало с Лолой. Она видит насекомые все мои хитроумные планы.

– Ты только что процитировал «Черную гадюку»?

– Ты знаком с «Черной гадюкой»?

– Очевидно же.

Я хмыкнул.

– Тетя Марви обожала британские шоу.

– А мой отец родился в Англии, – сообщил Эндрю. – Сюда переехал очень маленьким, но его семья тоже их любила. Мы выросли на просмотре «Би–Би–Си».

– Не знал, – высказал я, – что ты наполовину англичанин.

– Откуда, по–твоему, у меня такой шикарный загар?

Он рассмешил меня.

– Ну, между прочим, я слышал, бледность – новый вид загара. Последний пик моды в ЛА. Видел в статье «Жизнь Белоснежек».

– Ты не смешной, – сказал он, хотя я мог слышать улыбку в его голосе. – И я не Белоснежка.

– Нет, должен признать: у тебя отличная кожа. Когда придешь вечером на ужин, тебе придется раздеться, чтобы я убедился.

– Неужели?

– Да. Совершенно точно.

Он вздохнул.

– Думаю, смогу что–нибудь устроить. Не хотелось бы тебя огорчать.

В месте, где он находился, было тихо. Никаких фоновых шумов.

– Ты уже дома?

– Ага, давно.

Я проверил часы. Черт, половина седьмого.

– Я и не знал, который час.

– Чем ты сегодня занимался?

– Встречался с новым клиентом.

Тишина.

– Ой.

– Да, – брякнул я, защищаясь. – Он кретин, и, честно говоря, все немного странно.

Снова тишина.

– Эндрю?

– Да, я здесь. Просто... почему ты мне не сказал?

– Сказал. Только что.

– Нет, я имею в виду раньше. Почему ты раньше не сказал?

– По правде говоря, забыл. Как можно припомнить, выходные перевернули всю мою жизнь. Планировал рассказать прошлым вечером, но ты приспал мне сообщение о четвертом разе, и мой глупый мозг отправился в поездку в порнвилль. Назад пути не было... Ну, то есть... Мне пришлось проверить, смогу ли я осилить четыре раза за день – с семнадцатилетнего возраста – нельзя было позволить тебе переплюнуть меня. Люблю посоревноваться.

После долгой тишины он расхохотался.

– Что?

– Хочешь, чтобы я повторил?

– Ты не писал мне про четвертый.

– Благодаря тебе я пребывал в оргазмической коме. Я был не в состоянии написать.

Он засмеялся, но спросил вполне серьезно:

– Выходные изменили всю твою жизнь?

– Да. Кажется, я заполучил мега соблазнительного бойфренда. Для меня это впервые.

Бойфренд в любом проявлении, то есть. – Я вздохнул и тихо продолжил: – Так что прости, если я забыл что-то рассказать... Я никого не впускал в свою жизнь. Никогда.

Я уловил, как он резко втянул воздух, и после недолгого молчания мягко спросил:

– Мега соблазнительного?

– Да, абсолютно. Он был на обложке «Жизнь Белоснежек».

Он снова засмеялся.

– Прости. Я склонен обороняться.

– Ничего. Я склонен к бестолковости. Мы равны.

Он протяжно выдохнул.

– Новый фейковый бойфренд?

– Если ты имеешь в виду клиента – да. Но с ним мне не придется притворяться.

– То есть?

До меня дошло, как прозвучали слова.

– Нет, нет, нет. Мне не придется притворяться, что мы в отношениях и всякое такое. Не придется знакомиться с ним или касаться, да даже тусоваться.

– Ой.

– Тебя бы это обеспокоило? – поинтересовался я. Хотя ответ и так был мне известен.

Ясное дело, обеспокоило бы. – Это моя работа. Таким образом мы встретились. Ты был в курсе, кем я работаю, Эндрю.

– Знаю, – тихо ответил он. – И пытаюсь не раздувать проблему, но от мысли, что ты проводишь время с другим парнем, как со мной...

– Я провожу время с другими, как проводил с тобой. Обычно я и половины не делаю с другими клиентами. Говорил же: ты был другим. С самого первого дня с тобой все пошло иначе.

– Знаю, – повторил он. – Мне позволительно немного поревновать. Или ты предпочитаешь, чтобы я замалчивал свои чувства?

– Нет, я не хочу, чтобы ты цензурил себя.

– Я понимаю, что это твоя работа, Спэнсер, и меня не напрягает твое занятие. Просто... тебе придется его целовать?

– Нет, не придется. Дело странное. Он не хочет притворяться парой. Но не могу обещать, что в следующий раз мне не придется держать парня за руку или танцевать с ним в баре. Что-то в таком духе.

Опять тишина. Но я должен был сказать. Я не обязан отказываться от своей работы, только потому что у меня появился парень. Или обязан?

– Можно задать вопрос? – тихо спросил он.

– Конечно.

– Тебя бы встревожило, если бы в выходные мне пришлось по работе пойти в бар на свидание и ради сделки с кинокомпанией целовать другого парня?

Я представил: он улыбается какому–то незнакомцу и целует его, притворяясь или нет, и мой желудок скрутило узлом. Встревожило бы меня?

Да. Да, да, да. Черт, да.

– Нет.

Он расхохотался.

– Ты не умеешь врать.

– Окей, встревожило бы. Мысль, что тебя целует другой, беспокоит меня. – Я застонал и прижал ладонь к глазам. – У меня яркое воображение. Ты одет в сине–красный свитер с ромбиками, от смеха в уголках глаз проступают морщинки, а потом вы смотрите друг на друга, он касается тебя иприникает ближе... И да, меня это пугает.

– Как много деталей.

– Говорил же: фантазия у меня будь здоров.

Он хохотнул.

– Я не возражаю, потому что это твоя работа. Я понимаю. Я был в курсе, соглашаясь дать отношениям шанс. Но меня волнует, что кто–то может касаться тебя. Даже если без подтекста. Я бы никогда не попросил тебя бросить твоё занятие, Спэнсер. Пожалуйста, скажи, что понимаешь.

– Разумеется. – Бросить свое дело никогда не приходило мне в голову. В финансовом плане можно было бы вообще ничем не заниматься, но мне нравился человеческий фактор. Я любил разнообразие личностных характеров, и мне нравилось помогать людям возвращать их жизни на прежние рельсы.

– А значит, если ты ведешь парня на фейковое свидание, то для начала должен что–нибудь для меня сделать.

Наконец–то я улыбнулся.

– Запросто.

– Мне конкретизировать?

– Пожалуйста.

– Я не против роскошного ужина.

– Реально? Еда? Ты имеешь возможность подбить меня на что угодно и выбираешь приглашение на ужин?

– В чем проблема?

– Если честно, я ожидал чего–то поразвратнее. Например, обнаженного массажа всего тела или умопомрачительного римминга.

– Спэнсер!

Я засмеялся.

– Что? Поверь, выставляя требование что–то для тебя сделать, надо называть подобные вещи.

Он усмехнулся.

– Римминг? Ты не можешь...

– Что не могу?

– Не можешь такое говорить.

– Ты покраснел?

– Не скажу.

– Значит, покраснел, – со смешком сказал я. – Что говорит мне об одном из двух. Первое: ты любишь римминг. Или второе: ты никогда не пробовал. Всегда хотел узнать, что это такое, но слишком боялся попросить.

– Вето.

Я загоготал.

– Не говори вето! Правило снято с повестки дня. Хотя уже не важно. Твое вето подсказало мне: определенно номер два. К твоему заду никогда не прикасались мужские губы.

Я слышал, как он сглотнул.

– А ты хотел бы. И Эндрю?

Он прокашлялся.

– Да?

– Я буду счастлив угодить.

Он нервно хихикнул.

– Каким образом беседа так быстро скатилась в канаву?

– Мы два мужчины, пытающихся воздержаться от того, чтобы затрахать друг друга до смерти. Тема будет подниматься постоянно, пока это не произойдет, – откликнулся я. – А после может стать еще хуже.

Он застонал в трубку.

– Ты убиваешь меня.

– Если ты закончишь разговор, чтобы передернуть, я очень разочаруюсь.

Он захохотал, но в смехе слышалась боль.

– А если я сказал бы, что мне привезли ужин?

– Я бы ответил: «Чушь собачья». И все равно разочаровался бы, что ты не позволил мне послушать.

Он тяжело задышал мне в ухо.

– Как думаешь, завтра после ужина мы могли бы положить уже конец нашим страданиям?

– Нет, слишком рано. – А еще слишком забавно. – Но к твоему сведению: я собираюсь вылизать тебя.

Дыхание его перехватило, а потом я услышал... Ширинку.

– Ты расстегнулся? – тихо спросил я. – Твоя рука уже на великолепном члене?

– Эм...

Я улыбнулся. Кто бы сомневался.

– Отлично. Трахни свой кулак так, как хочешь трахнуть мою задницу.

– О, Спэнсер, – прошептал он. До меня доносились приглушенные звуки двигающейся по члену руки. От ментального образа на кончике члена выделилась смазка. Я скользнул рукой под пояс брюк. Да – кончик был влажным. Я потянул себя несколько раз, воображая, что он занят тем же.

– А завтра вечером я трахну твою задницу своим языком.

Кончая, он издал задушенный вскрик. Он явно старался вести себя потише, но не смог сдержаться.

– О, боже.

– М–м–м–м, – простонал я, зная, что мои слова подстегнули его разрядку. – Ты охренеть как возбуждаешь.

С губ сорвалось рваное дыхание, и он разразился хохотом.

– Не верится в то, что я сделал. – А потом, не давая ему застесняться еще больше, раздался звонок в дверь. – Черт! Мой ужин. Не шучу. Мне пора.

Отключая звонок, он все еще смеялся. Но вот мой стояк никуда не делся. Я подумывал пойти в душ, но потом решил послать все к чертям. Расстегнул штаны, спустил по бедрам и, вспоминая звучавший в моем ухе оргазм Эндрю, достиг кульминации.

Спустя примерно пару минут я все еще лениво улыбался, уставившись в стену в гостиной, и тут мой телефон звякнул сообщением.

«*Доставщик китайской еды считает меня чудиком. Я виню тебя.*»

Я ответил: «*Обращайся. Китайская еда в понедельник вечером? Серьезно?*»

«*Заткнись. У меня тут суп–вонтон⁴ и овощи на пару. Именно поэтому я так много занимаюсь.*»

«*Я научу тебя готовить.*»

«*Ты будешь голым?*»

«*Да.*»

«*Так–то лучшее.*»

Печатая ответ, я придуруковато лыбился в телефон: «*O, кстати, только что ты довел меня до оргазма*»

«*Разговор об обнаженной готовке довел тебя до оргазма?*»

«*Нет, твои секс–звуки в телефоне.*»

«*Ой.*»

«*Ты краснеешь?*»

«*Вето*».

⁴ Разновидность пельменей, обычно подаются в супе, но иногда и жарятся.

Глава 6

Следующим утром я вновь пробежался по е-мэйлам Лэнса и выписал детали на листок, чтобы разложить все по полочкам в голове. Посещаемая Янни школа располагалась в Мелроуз, как и кафе, в котором он работал. Так что с них я и начал. Набрал номер, и после нескольких гудков ответила девушка. В трубке раздались грохот и шумы кафе.

– Здравствуйте, – бодро начал я. – Ого, вы походу очень заняты. Я вас надолго не задержу. Просто хотел поинтересоваться, не могли бы вы подсказать мне: сегодня Янни выходит на работу?

– Хм, – застопорилась она. – Подождите секунду.

Звуки приглушились, словно она приложила руку к микрофону. Потом заговорил мужчина.

– Кто это?

– Меня зовут Спэнсер, – отозвался я. – Мы с Янни вместе учимся, и я давно его не видел. Подумал, вдруг он до сих пор работает у вас.

– Он здесь больше не работает, – ответил он.

– А вы не знаете, где я смог бы его отыскать? – надавил я.

– Ничем не могу помочь, – прямо заявил он и отключился.

Ну, ладно. Следующей попыткой стал колледж. Который, конечно же, был дохlyм номером. Разговаривать с женщиной, на которую я нарвался, было все равно, что общаться с кирпичной стеной.

– Я бы не стала разглашать персональные данные студентов, даже если б это не противоречило законодательству, – выдала она и велела мне больше не звонить. Честно говоря, ничего другого я и не ждал, но попытаться–то стоило.

Я закрыл ноутбук, засунул в карман телефон и отправился вниз помочь Эмилио в салоне. Мне нравилось заниматься обыденными вещами, на которые у Эмилио не хватало времени. Я принял доставку стерильного оборудования, определил коробки в шкаф, быстренько провел ревизию запасов, заказал чернила, отвечал на звонки, записывал людей на сеансы, перепроверяя временные промежутки, и помогал Даниэле, когда ей требовалась дополнительная пара рук. Я вписывался туда. Я подходил. Благодаря надетой на мне футболке люди видели мои татуированные руки и лишний раз не пялились. По сути, я знал по именам почти всех постоянных клиентов Эмилио и болтал с ними, пока они ждали своей очереди на татуирование или пирсинг. А иногда они просто заходили поздороваться.

Развитая деятельность помогла мне выкинуть новое дело из головы. Ну, я так считал.

– Все в порядке, Спэнсер? – спросил Эмилио. – Ты уже до дыр затер стеклянную столешницу.

Я даже не осознавал, что до сих пор ее протирал. Я посмотрел на бумажное полотенце. Оно походило на лохмотья.

– Да. Просто этот новый клиент, – откликнулся я.

– Ты слишком беспокоишься, – произнес Эмилио. – Стоит объяснить клиенту, что помочь ты не можешь.

Я кивнул.

– Да знаю.

Лола нарисовалась откуда–то со спины. Розовые волосы были уложены в виктори роллс, что сочеталось с черным платьем в стиле рокабилли, а розовые высокие каблуки

сочетались с волосами. Смотрелась она на миллион баксов. Я даже не заметил ее присутствия – верный признак рассеянности. Я поведал о своих находках, вернее их отсутствии, на парня по имени Янни.

– Завтра я еду в центр, – сказала Лола. – Если хочешь, могу подбросить.

– Не помешает, – ответил я. – Спасибо, было бы неплохо.

Лола настороженно посмотрела на меня.

– Уверен, что больше ничего не тревожит?

– Например?

– Эндрю.

– А что с ним?

Она улыбнулась.

– Он нормально отреагировал?

– Да. В начале переживал, но под конец успокоился. Он вроде как подзабыл, чем я занимаюсь. – Я пожал плечами. – Вечером мы увидимся и обсудим подробнее.

– О–о, какие–то планы?

– Готовлю ему ужин, – с гордостью отчеканил я. – Хочу соблазнить его научиться делать спагетти болоньезе. Ничего роскошного, но, учитывая, что он даже тост поджарить не в состоянии, я подумал, что лучше начать с основ. Что напоминает мне, – я посмотрел на часы, – о походе в магазин. Кому–то что–то нужно?

– Нет, – отозвалась Лола. – Мне нет. Я скоро ухожу, а завтра заберу тебя в восемь.

Я чмокнул ее в щеку.

– Ты – лучик света в моей жизни.

Она захлопала ресничками и изобразила благородную даму.

– Спасибо, конечно, но я видела, как ты смотришь на другого, и считаю, что меня вытеснили на второй план.

Я схватился за сердце и игриво ахнул.

– Никогда! Мое сердце твое и только твое.

Лола подыграла, приложив ладонь ко лбу.

– Увы. Если б мы только родились в иное время.

Я поклонился ей.

– Если б только твое сердце не принадлежало другому.

Лола присела в реверансе.

– Если б только у меня был пенис.

Все расхохотались. Даже Эмилио прервал нанесение чернил, смеясь на пару с клиентом. Мы с Лолой всегда прикалывались друг над другом.

Как истинный джентльмен, я поцеловал Лоле ручку и направился к двери, крикнув:

– Последний шанс на заказ из продуктового.

Никому ничего не понадобилось, поэтому с улыбкой на лице я вышел на улицу. Я старался не думать о том, насколько же в тот момент жизнь была хороша. Не хотелось сглазить. Но я не мог припомнить, когда в последний раз чувствовал себя настолько счастливым. Много лет прошло с тех пор. Я также пытался особо не вникать в отношения с Эндрю. Разумеется, он был прекрасен и делал меня счастливым, но мое счастье полностью от него не зависело. Я бы не позволил. Если по какой–то причине он бы решил, что я не подходил ему, тогда окружающий мир не развалился бы.

Я не мог снова этого допустить.

Наверно, срабатывало что–то наподобие защитного механизма, выстроенного мной вокруг сердца. И от него нельзя было отказываться. Если бы Эндрю пришел к выводу, что мы не половинки друг для друга, я был бы раздавлен. Ясное дело, еще было слишком рано, но парнем он был впечатляющим. Он знал историю моей семьи и все равно был заинтересован познакомиться со мной, проводить время со мной. Отчего меня просто распирало от счастья. Но стоило выделить один факт: пропустить кого–то через оборонительную стену – огромный шаг для меня.

Этот самый шаг показывал, что, наконец–то, после стольких лет я был готов продолжить жить.

Я не был ничтожеством, как заявлял мой отец. Я не был нелюбимым, как он намекал. И даже если у нас с Эндрю не сложится, я подготовил отличный фундамент, которым гордилась бы мой психолог. Не сомневаюсь, она в точности повторила бы слова Лолы. Я заслуживал счастья. И я был счастлив. Моя жизнь в ЛА протекала превосходно. У меня были друзья, заменившие семью, а Эндрю стал вишненкой на торте.

M–m–m, торт. Мне стало любопытно, какой торт он любил. Он вообще любил торты? Никогда не приходило в голову спросить… Войдя в магазин, я направился прямиком в отдел выпечки, достал мобильник и послал ему сообщение.

«*Ты любишь торты?*»

Его ответ пришел спустя минуту: «*Это эвфемизм?*»

Глядя на экран, я рассмеялся. Меня совершенно не парили мысли стоящих рядом людей.

«*ЛОЛ. Нет. В прямом смысле торты. Шоколадный, карамельный, ванильный?*»

«*Фруктовый*».

Я сощурился. «*Что? Кому нравятся фрукты в торте? Ну, кроме старииков. На Рождество. Похоже на преступление против человечества.*»

Почти сразу же телефон залился трелью. Конечно же, звонил он. Ни тебе «привет», ни чего–то похожего:

– Преступление против человечества?

– Да. В торте не должно быть фруктов. Они оскорбительны для торта.

Он хохотнул.

– Где ты?

– В отделе тортов в суперсаме.

– Суперсаме?

– Ну, в продуктовом магазине. Серьезно, американцам следует поучиться у австралийцев.

У нас не торгуют фруктовыми тортами, разве что только в декабре.

– Да неужели?

– Была петиция. Все нормальные торты, вроде шоколадного и сливочного, решили, что фруктовый не считается тортом.

В его голосе слышалась улыбка.

– Нет?

– Не–а. Было решено, что фруктовый торт больше относится к фруктам, чем к тортам.

Следовательно, его лишили всех прав.

– В самом деле?

– Да. Но и во фруктовый отдел он тоже не вписывался. Да и алкогольному отделу не уперся.

– Беседа к чему–то движется?

– Да. Она возвращается к шоколадному торту.

Эндрю расхохотался.

– Тогда пусть будет шоколадный.

– Ты вообще торты любишь?

– Не особо.

Я остановился.

– А сказал, что любишь.

– Ну, я подумал, что обязан выбрать. Типа вопрос был пустячным или... Даже и не знаю.

– Господи боже. И ты выбрал *фруктовый*?

Он снова засмеялся.

– Если бы пришлось выбирать десерт, я бы выбрал не торт. Я бы выбрал мороженое.

Точнее джелато⁵.

Я развернулся к отделу с молочкой.

– Джелато подойдет. Твой любимый вкус?

– Правильный ответ есть?

Я хмыкнул.

– Да. Но я тебе его не назову.

– Я бы выбрал лимонный.

Я снова остановился.

– Серьезно? Что между тобой и фруктами?

Было ясно: он все еще улыбался.

– Если ты никогда не ел лимонного джелато, то многое упустил.

– Мне стоит попробовать?

– Непременно.

– Ладно. Но если это мерзость, тогда ты будешь должен мне шоколадный торт.

Он рассмеялся.

– По рукам.

– И хороший. Мне нравится с шоколадной глазурью и ганашом⁶. И не какой-то там покупной.

– Но мне-то ты предлагал покупной.

– Правда. То было раньше. Раз ты не готовишь дома, значит, и в магазин не пойдешь.

– Я хожу в магазин, – заступался он за себя. – Просто за... продуктами, не требующими приготовления.

Я хмыкнул.

– Сегодня готовишь ты.

Он простонал.

– Реально?

– Ага. Во сколько ты заканчиваешь работать?

– Буду у тебя около семи. Нормально?

Я посмотрел на часы. Было почти пять.

– Нормально.

– Я надеялся, насчет готовки ты шутил. Думал...

– Что ты думал?

⁵ Итальянский замороженный десерт из свежего коровьего молока, сливок и сахара с добавлением ягод, орехов шоколада и свежих фруктов.

⁶ Крем из шоколада и свежих сливок

Он прокашлялся.

– Неважно. Мне нужно идти. Увидимся вечером.

Трубка замолчала. Наверно, вошел кто-нибудь из коллег. Я завершил покупки, включая лимонный джелато, и отправился домой.

В пять минут восьмого раздался стук в дверь. Фоном играл выбранным им для меня джазовый альбом. Я распахнул дверь и увидел Эндрю. Выглядел он великолепно. И улыбался. Сколько там прошло с последней встречи? Два дня? Каким-то образом он стал еще привлекательнее, чем я помнил. Хотелось схватить его за трикотажный жилет, затащить внутрь и зацеловать, но вместо этого, поскольку манеры имели место, я отошел в сторонку.

– Пожалуйста, входи.

Он прошел внутрь и немного нервно спрятал руки в карманах.

– Ты проигрываешь выбранный мной альбом.

– Да. – Я закрыл дверь и подошел к нему вплотную, наши губы почти соприкасались.

Пахло от него свежестью и блаженством, и я вдохнул его аромат. – Здравствуй, – прошептал я.

Он поцеловал меня, и мне пришлось сдерживать желание прижать его к двери и целовать до тех пор, пока он не сможет стоять. А хотелось. Господи, как же хотелось. Я оторвался от его опухших губ, отчего он часто задышал, и умудрился выдавить из себя лишь одно слово:

– Ужин.

Эндрю нахмурился и даже надулся. Смотрел он прямо на мои губы, при этом облизывая свои.

– Мы можем сделать заказ. Я оплачу.

Я рассмеялся и отступил на шаг. Он слишком опьянял.

– Соблазнительно. Просто охренеть как соблазнительно, но нет. Я пообещал научить тебя готовить.

Он глянул в сторону кухни.

– Ты не прикалывался?

Я покачал головой.

– Нет. А с чего ты решил, что я пошутил?

Он разрумянился от щек до воротника. Именно тогда я и заметил, что перед приходом сюда он принимал душ. Вспомнился наш разговор об ужине и переход к беседе о римминге...

– Ты посчитал ужин эвфемизмом для чего-то другого? – спросил я.

Он стрельнул в меня глазами и пропищал:

– Возможно.

– Типа ужином станет что-то другое? Например, задница.

Он загоготал.

– Не говори так!

Я схватил его за руку и повел в кухню, точнее поставил перед разделочной доской, на которой лежали ингредиенты для ужина. Он посмотрел на них, словно они были китайским уравнением по тригонометрии, и, стараясь не взорваться от смеха, я встал позади него. Руки опустил ему на бедра, а губами приник к уху.

– Сначала мы едим ужин, а потом я съем тебя. Договорились?

– Не говори мне такие вещи, – прохрипел он, развернув голову и касаясь щекой моего носа. – Или мы вообще не будем готовить.

Боже, дай мне сил. Он убивал меня. Я игриво прикусил его за шею.

– Позже. Обещаю. А сейчас бери нож, Эндрю, – настоял я. – Нам нужно мелко нарезать лук.

С луком он «подзавис».

– Ты когда-нибудь резал лук?

– С чего бы мне этим заниматься?

Прижавшись к его плечу, я расхохотался.

– Ладно, придерживай луковицу на доске и отрежь верхнюю и нижнюю части, – проинструктировал я, положив ладони на его руки. Пока он держал нож, я направлял его, и вместе мы очистили и нарезали лук. Правда, он раз двадцать пожаловался на запах и жжение в глазах. Потом проделали то же самое с чесноком и помидорами, а я постоянно целовал его в шею или утыкался носом в волосы.

Еда никогда не была такой эротичной, и мой прижатый к его заду член не особо улучшал ситуацию. Но я вынудил его выполнить все самостоятельно, сам лишь помогал и инструктировал, в основном, чтобы иметь оправдание касаться его. Вернее стоять рядом, прижимаясь членом к его заднице, а губами к шее.

Загрузив все в кастрюлю, добавили говяжий фарш, банку соуса и к огромному разочарованию Эндрю секретный ингредиент тети Марви – несколько ложек измельченного ананаса – и я накрыл все это дело крышкой и убавил огонь.

– Теперь что? – спросил он.

– Какое-то время будет готовиться.

Он вытер руки о полотенце и положил его на стойку.

– Как долго? Что насчет макарон? Знаешь, мне понравилось. Готовить, то есть. Было здорово.

Я прикусил нижнюю губу и ощутил силу притяжения каждого гребаного сантиметра между нами. Он понятия не имел, насколько сексуален и насколько сильно сводил меня с ума.

– Минут сорок пять, может, час. Куча времени.

– Куча времени для чего? Макароны варятся быстрее, разве нет?

За два огромных шага я преодолел разделявшее нас расстояние и встал перед ним настолько близко, что, заговорив, касался его губ.

– Ты уже забыл?

Понимание заискрилось в его глазах, и он резко выдохнул.

– Ты же говорил после ужина...

– Говорил, но последние полчаса я только и делал, что представлял, как пробую на вкус твою задницу.

Он покачнулся, словно от моих слов у него подогнулись колени, и охнул.

– Так ты хочешь, чтобы я вылизал тебя? – поинтересовался я, касаясь губами его губ.

Он кивнул.

– Я принял душ, – выдохнул он. – И все удалил... там.

Я улыбнулся и быстро его чмокнул.

– Мне казалось, ты никогда этого не делал.

– Я погуглил, – выпалил он.

Я хмыкнул.

– Правда?

Он кивнул.

– Очень подробно. – Его передернуло. – А еще немножко мерзко и откровенно. Пришлось купить спринцовку, – сказал он. Потом зажмурился и пискнул. – О, боже. Не верится в то, что я произнес.

Я обхватил ладонями его лицо и поцеловал.

– Ты идеален. – Я взял его за руку и повел в спальню. Когда я обернулся, выражение его лица остановило меня. Казалось, он нервничал и волновался, щеки его полыхали розовым оттенком, губы приоткрыты и увлажнены, а глаза потемнели от похоти. – Какой же ты сексуальный, – пробормотал я, обвил его руками за шею и притянул для поцелуя. Он ответил на поцелуй крепко и требовательно, хватаясь за мою рубашку в попытках раздеть меня и при этом не прерываться. Сомнений не было: он был возбужден.

– Сядь на постель, – велел я.

Грудь его тяжело вздымалась, выглядел он немного растерянно, но мою просьбу выполнил. Я опустился перед ним на колени и развязал шнурки, снял с него ботинки и носки. Провел руками вверх по его ногам, стискивая бедра и сквозь брюки сжимая эрекцию. Я расстегнул пуговку, и он приподнял бедра, чтоб мне было удобнее стянуть с него брюки. Я швырнул их на пол и поднялся, предоставляя ему возможность полюбоваться выпуклостью в моих штанах. Я даже медленно провел по ней ладонью, больше для него, чем для себя. Когда он посмотрел мне в глаза, на лице читались два слова: секс и желание.

– Поднимись, – прошептал я. Он поднялся, а я стащил с него рубашку вместе с жилетом, засмотревшись на его тело. – Черт, какой же ты аппетитный.

Он резко расстегнул мои джинсы.

– Может, нам стоит пропустить римминг и перейти сразу к сексу? – прохрипел он.

Я взял его лицо в ладони и жадно поцеловал, исследуя его рот своим языком, отчего он захныкал. Он, блин, захныкал.

– На кровать, лицом вниз, – сказал я.

Он суетливо задвигался, сначала опускаясь коленями на постель, потом, широко расставив ноги, улегся с торчащей вверх задницей. Черт. Он решил показаться во всей красе. Намеренно или нет, он сводил меня с ума. Как же неистово хотелось трахнуть его. Хотелось встать на колени позади него, погрузиться в него и остаться там навечно. Но мне следовало придерживаться его желания подождать. Я был рад угодить другими действиями, а проникающий секс в тот момент находился вне зоны досягаемости. До тех пор, пока мы не сможем обсуждать его без двух решающих факторов – вожделения и либидо.

Я опустился на колени позади него, и мой каменно-твёрдый член запульсировал от желания. Кажется, он решил, что мы вот-вот должны начать развлекаться. *Дружище, как бы мне хотелось...*

Вместо этого я поцеловал его бедра. Он начал извиваться и раскинул руки на кровати.

– Спэнсер, – прошептал он.

Его задница была идеальной: бледной, крепкой, округлой и восхитительной. На ягодицах поблескивал легкий пушок, и я облизнул одну из них, а вторую нежно прикусил. В ответ он вздернул бедра.

– О, Господи, – пробормотал он.

Я раздвинул ягодицы и осторожно облизал чувствительную кожу вокруг его входа, вынуждая его сдерживать стон.

– Давай ты просто... – начал он. – Спэнсер, пожалуйста, просто трахни меня.

Я и трахнул. Своим языком. Реакция последовала незамедлительно: он извивался, наполовину стонал, наполовину смеялся и стискивал покрывало.

– О, боже.

Я оторвался от него.

– Тебе нравится?

Он снова застонал.

– Да. Не останавливайся.

Я улыбнулся и провел языком по его входу. Мне не нужны были от него подтверждения; реакция тела поведала мне все, что нужно знать. Я вновь протолкнул в него язык, и он застонал, а бедра взлетели мне на встречу. Черт, ему все было мало. Он так завелся, просто дьявольски возбудился. Я с нетерпением ждал, когда же мой член окажется внутри него. Он так чутко реагировал, а как голосил. Можно было лишь догадываться об издаваемых им звуках, пока его вдавливали в матрас. Или еще лучше: если бы он делал это со мной.

Он изгибался от прикосновений моих рук, от моего языка и издавал самые прелестные звуки. Просунул руку под бедро, обхватывая свой член, и одна только мысль о его мастурбации почти добила меня. Я отстранился и хлопнул его по бедру.

– Развернись ко мне, – велел я.

От моего бездействия он заворчал, но перевернулся и раздвинул ноги, чтобы я мог устроиться между ними. Член его был твердым и сочился смазкой, и, не тряся попусту время, он обхватил себя.

Я стянул трусы и выпустил на свободу свой страждающий член, облегченно мурлыча от прикосновения. Я навис над ним, бедрами касался его бедер и, обняв одной рукой за плечи, взял оба наших члена в другую руку.

У Эндрю перехватило дыхание, глаза оставались широко распахнутыми, пока он трахал мой кулак. Он обхватил мое лицо, но, не давая ему себя поцеловать, я отстранился, а рука задвигалась медленнее.

– Мой рот был на твоей заднице, – сказал я, как бы напоминая ему, что он, возможно, не захочет теперь целовать меня.

Ноздри его раздулись, и, притянув меня к себе, он страстно меня поцеловал. Офигеть как страстно. Я почти позабыл двигать рукой. Но вдруг он резко вскинул берда и, кончая, простонал мне в рот.

Ощущение от того, как он изливался и набухал в моей руке, по соседству с моим собственным членом, подтолкнуло меня к грани, и оргазм унес меня в круговорот. Когда комната перестала вращаться, и я наконец–то разомкнул глаза, Эндрю таращился на меня.

– Боже, Спэнсер...

Я рухнул на него и расхохотался в шею.

– Обращайся.

От усмешки его грудь содрогнулась.

– Почему ты до сих пор полностью одет, а я голый?

– Я намеревался раздеться, – произнес я, откидываясь назад, чтобы видеть его лицо. Подпер голову рукой и вздохнул. – Но ты невероятно великолепный.

Он зашелся в хохоте и покраснел вплоть до шеи.

- Могу заявить совершенно точно: меня впечатлило.
- Не то что мне нужно спрашивать, ответ и так уже известен. И все-таки: как первый римминг?
- Он расхохотался еще громче и от смущения закрыл ладонью глаза. Я отпихнул его руку, чтоб он посмотрел на меня.
- Не стесняйся, Эндрю. Ты даже не представляешь, как сильно завел меня.
- Он выпятил губу и охнулся. Он на полном серьезе не осознавал, насколько сексуален.
- Не шучу. Я мог бы буквально поедать тебя ложками.
- Наверно, это больно.
- Я фыркнул.
- Нам стоит привести себя в порядок.
- Давай ты проверишь ужин, а я просто полежу здесь, – сказал он. – Я сейчас под кайфом и даже не знаю, смогут ли мои ноги функционировать.
- Я засмеялся, а потом до меня дошли его слова.
- Блин. Ужин. – Я резво соскочил с постели и в гостиной споткнулся о собственные брюки, которые пытался поправить. Я помешал соус болоньезе, наполнил самую большую кастрюлю водой и поставил на плиту закипать. Потом отправился в ванную, привел себя в порядок, теплой водой смочил губку и вернулся в комнату. Эндрю все еще лежал, руки и ноги широко раскинуты, а простынь наброшена до талии. Несмотря на то, что голым в моей постели он смотрелся невероятно, больше всего мне нравилась ухмылка на его лице.
- Ты намереваешься выбираться из кровати?
- Улыбка стала шире.
- Нет.
- Я швырнулся в него губкой, и она приземлилась ему на живот.
- Ай! – вскрикнул он, замахав руками. Потом остановился. – О, тепленькая.
- Я засмеялся, разбежался и запрыгнул на него, возвышаясь над ним и наклоняясь поцеловать.
- М–м–м, мята, – сказал он.
- Ополаскиватель. Ну, знаешь… учитывая, что я ел последним.
- Понимание заняло секунду.
- О, боже.
- Ты реально стесняешься?
- Разумеется! Ты же говоришь о поедании моей…
- Задницы? – подсказал я, оседлав его бедра. – И она была вкусной.
- Он бросил губку мне в лицо, а потом закрыл свое лицо руками.
- Ужас, Спэнсер.
- Я рассмеялся и обтер губкой его живот и грудь.
- Не смущайся. Здесь только мы.
- Он убрал руки и долго смотрел на меня, словно мои слова щелкнули выключатель в его голове.
- Только мы?
- Да. – Я немного привстал и откинул простынь, чтоб пропустить его как следует. Он опять начал возбуждаться, его толстый член примостился на бедре. – Бесподобнее члена, чем твой, мне видеть не доводилось.
- Он хохотнул и покачал головой. Глаза рукой не закрыл, что я расценил как победу.
- Много видел? – спросил он.

– Несколько. Говорил же при первой встрече, что люблю задницы и члены.

– Правда. Говорил.

– Секс у меня всегда был защищенным, и я регулярно проверяюсь.

– О, – он моргнул, смена направления беседы явно шокировала его. – Аналогично.

Я тщательно обтер его, наслаждаясь весом его члена в моей руке, и швырнул губку на пол. Он прокашлялся.

– Можно задать вопрос?

– Конечно. – Я не смог сдержаться и снова оседлал его бедра. Я все еще был одет, а он все еще обнажен. – Спрашивай о чем угодно.

– Если бы я сказал, что твоя одежда меня оскорбляет, ты бы ее снял?

Я наклонился и нежно его поцеловал.

– Мне казалось, вопрос будет серьезным.

Он опустил ладони мне на бедра и немного приподнял свои.

– Он и был серьезным, – отозвался он. Глаза загорелись озорством. – Должен признать: вид отсюда просто потрясающий.

Я поерзал задницей по его увеличивавшемуся члену.

– Отсюда тоже вид не плохой.

Он закусил губу.

– Сколько еще мы будем ждать? – спросил он.

Ему прям не терпелось.

– Я беру пример с тебя, – ответил я. – Не хочу, чтоб ты пожалел.

Он рассмеялся.

– Пожалел? Боже, Спэнсер, да я думать больше ни о чем не могу.

Я снова скользнул задницей по его члену.

– Чувствуется.

Он откинулся голову и простонал.

– Я стараюсь быть хорошим. Просто хотелось, чтоб мы больше разговаривали и не оказывались в постели всякий раз, но, – он махнул рукой на кровать, – не вышло.

Я хохотнул.

– Давай хотя бы дождемся выходных.

– Но до них же так далеко. – Он надулся. – В следующий раз, когда у меня появятся великие идеи о воздержании, пожалуйста, вели мне очухаться.

Улыбаясь, я поцеловал его.

– Вряд ли мы воздерживаемся, учитывая наше недавнее занятие. Мы просто продвигаемся осторожно.

На лице отразилась задумчивость, потом он склонил голову.

– Что за звук?

Я прислушался. Похоже, этот самый звук доносился с кухни.

– Да что ж такое. Ужин. – Я соскочил с него и помчался на кухню, где в кастрюле яростно кипела вода.

Эндрю посмеялся, а затем крикнул:

– Видишь? Вот почему я заказываю!

– Большую часть взрослой жизни в твоей постели находился парень, отвлекавший тебя каждый вечер? – прокричал я в обратку.

Он ответил:

– Только лишь в запомнившиеся годы.

– К твоему сведению, я кладу спагетти в кипящую воду. Когда будешь готовить для меня, схема действий тебе уже будет известна.

Спустя мгновение он появился из моей комнаты в уже надетых штанах и натягивал рубашку.

– Я? Готовить для тебя?

– Ага.

Он отправился в ванную и, вернувшись пару минут спустя, подошел ко мне и посмотрел на торчавшие из кастрюли макароны.

– Говорил же, что не готовлю. Но разве они не должны находиться *в* воде?

Он меня насмешил.

– Ты серьезно никогда не делал спагетти? Они должны размягчиться.

Глядя на кастрюлю, он пожал плечами, притянул меня к себе и чмокнул в щеку, благоухая мятой. Видимо, воспользовался моим ополаскивателем.

– Никогда не делал спагетти.

– Как же ты выжил в колледже?

– Я жил дома.

– И родители тебя не учили?

– Пытались. Но когда я спалил дорогущую кастрюлю, мама вынудила меня пообещать, что больше попыток не будет.

– Тебе не позволяли готовить из-за кастрюли?

– Ну, из-за нее и еще части кухни.

Кажется, мой рот распахнулся. Я лишился дара речи.

Он пожал плечами.

– Да ничего особенного. Мама все равно хотела делать ремонт.

Я не смог сдержать смех.

– В таком случае, когда будешь мне готовить, лучше дождись моего прихода.

Он закатил глаза.

– Хочешь, накрою на стол? Думаю, я справлюсь.

Я поцеловал его.

– Спасибо.

Пока мы поедали ужин, он задал вопрос о новом клиенте, а я все ему выложил. Не хотелось, чтоб он считал, что я чем-то занят за его спиной. Если наши отношения сложатся, то когда моя работа вновь вернется к фейковым бойфрендам, Эндрю должен знать каждую деталь.

– Но ты не смог найти парня?

Я покачал головой.

– Нет. Он сменил адрес и работу. У него нет странички на «фейсбуке», по крайней мере, которую можно найти. Даже мерзкий Лэнс подтвердил, что профиль исчез. Походу, родители заставили его оборвать все ниточки.

Эндрю нахмурился, вероятно, понимая, что ситуация задевала меня за живое.

– Думаешь, он в порядке?

– Понятия не имею. Лола завтра работает в городе, так что подбросит меня до колледжа. Осмотрюсь, может, что-то и выясню. Если результата не будет, я свяжусь с Лэнсом и сообщу ему, что сделка отменяется.

– И чем тогда займешься?

– Перейду к следующему делу.

- Так просто?
- Конечно. Долго без работы сидеть не приходится. Сегодня пришло сообщение от потенциального клиента. Я перезвонил ему и оставил голосовое сообщение. Он скрчил рожицу, которую сложно было расшифровать.
- Сегодня я обедал с мамой.
- Внезапная смена темы, но да ладно.*
- И как прошло?
- Хорошо, – произнес он с выражением обожания на лице. – Она хотела вызнать про тебя все подробности. Разумеется, видела фотки, а Сара проболталась о моем новом бойфренде.
- Ну, такие дела могли принять любой оборот.
- И что ты ей рассказал?
- Что ты невероятно привлекательный австралиец, – ответил он. – Что если бы существовал журнал под названием «Жизнь сексуальных австралийцев в ЛА», ты был бы на обложке.
- Я фыркнул.
- Правда?
- Да. Она поспорила, что Хью Джекман или Крис Хемсворт были бы на обложке, но я лишь высмеял ее и заявил: «Подожди, пока не увишишь его». А потом, разумеется, она поинтересовалась, когда можно… увидеться с тобой, то есть.
- Я охнул.
- Он тихонько хмыкнул.
- Не переживай. Я сказал ей: «Когда мы будем готовы». Никакого давления. Нельзя отрицать: стало легче. Я не очень хорошо переносил встречи с родителями – чьими угодно родителями – и теплившуюся в груди надежду на их одобрение. Я вытер ладони о бедра и тяжело сглотнул.
- У меня трудности с родителями и поддержкой, вот и все. Ничего не имею против твоих предков, и это не показатель моих мыслей о нас.
- Эндрю коснулся ладонью моей руки.
- Знаю. Все хорошо. Она полностью поняла. Я рассказал ей, что стараюсь с тобой не спешить, и что знакомство с родителями не способствует сбыванию темпа.
- И она отреагировала нормально?
- Больше, чем нормально. Сказала: хорошо, что я стараюсь притормозить.
- Вот как.
- Эндрю расхохотался.
- Дело не в тебе, – проговорил он. – Дело во мне и моей привычке с самого начала нырять с головой. – Он собрал пустые тарелки и отнес на кухню. Поставил их в раковину и повернулся лицом ко мне. – Она спрашивала, кем ты работаешь.
- Ох.
- Я рассказал, чем именно ты зарабатываешь. Сказал, что ты «фиксатор отношений», – произнес он. – Рассказал, как мы познакомились. Что изначально все было уловкой, чтоб вернуть Эли.
- Я сглотнул ком в горле.
- И что она ответила?
- Эндрю пожал плечами.
- Да особо ничего. Эли ей никогда не нравился.

Я фыркнул.

– А кому–то нравился?

Он поморщился.

– Короче, – продолжил он, – смысл рассказала матери в том, что меня не волнует твоя работа. Я не собираюсь прятать тебя. Я сообщил Мишель, подруге с работы, чем ты зарабатываешь на жизнь, и она назвала твоё дело милым. Но я всегда был твердо уверен, что работа нас не определяет. Я рисую мультики, но они – не я. Ты ничем не отличаешься. Я громко сглотнул. Он так отлично меня понимал. Меньшее, что я мог предложить ему – честность.

– Можно я кое–чем поделюсь?

– Безусловно.

– Мне не *обязательно* быть «фиксатором отношений».

Он склонил голову, брови сошлись на переносице.

– Не хочу, чтоб ты строил из себя того, кем не являешься. Только что сказал.

Я почти улыбнулся.

– Нет, я о том, что мне вообще можно не работать. У меня… – я тяжело сглотнул. Не очень–то комфортно рассказывать о подобных вещах, – … есть деньги.

Он моргнул.

– Говоря, что тетя Марви оставила мне приличное количество бабла, я не шутил. Просто не рассказываю всем подряд. Они инвестированы и числятся на срочных вкладах, так что огромного денежного потока у меня не водится. В основном живу на проценты. А здесь я живу, потому что мне нравится. Конечно, квартирка маленькая, зато рядом с Эмилио и Лолой. Для счастья мне не требуются материальные вещи. Мое занятие не связано с деньгами. Мне просто нравится помогать людям.

Эндрю разглядывал меня, а потом рассмеялся.

– Интересный ты человек, Спэнсер.

– Тебе плевать?

– Почему мне не должно быть плевать? Сказал же: меня не тревожит твоя работа.

Я болтал о деньгах, но они его, по–видимому, тоже не беспокоили. Я поднялся из–за стола, подошел к нему, обхватил руками его лицо и нежно поцеловал.

– Ты в курсе, насколько прекрасен?

Он застенчиво улыбнулся.

– Ты говорил, у тебя есть джелато.

Со смешком я опустил ладонь на его плоский живот.

– Куда в тебя лезет?

– Не переживай. Такими темпами в зале я окажусь в четыре утра.

С упаковкой джелато и двумя ложечками мы усадили свои задницы перед ТВ и почти до полуночи смотрели повторы «Семейной вражды»⁷. Смеялись, спорили о победителе и стебались над ответами друг друга.

Он написал мне по приходу домой: «*Лучший вечер в моей жизни, спасибо*».

«*В моей тоже*», – ответил я.

«*В четверг вечером у меня?*»

«*Ты готовишь?*»

⁷ Американское шоу, в котором две семьи конкурируют за денежные и другие призы, угадывая популярные ответы на исследовательские вопросы. В России аналог «Сто к одному».

«Если придется. О, прости, долбаная автокоррекция. Должно было быть написано «если ты мне поможешь».

«ЛОЛ. По рукам».

«Поболтаем завтра?»

«Конечно».

«Спокойной ночи, Спэнсер. Сладких снов».

Утром, когда Лола забирала меня, я все еще улыбался.

Глава 7

Я забрался в «Синди Кроуфорд», «игрушечную» машинку восьмидесятых годов, и Лола резко впихнулась в движение. Я даже не успел поставить наши напитки в подстаканники и пристегнуть ремень. Кофе я ей протянул только после того, как мы проехали квартал. Вместо дороги она глазела на меня.

– Посмотрите, какая у него самодовольная улыбочка. Я так понимаю, с Эндрю все прекрасно?

– Не могла бы ты следить за движением? Я не в настроении сегодня умирать.

Она улыбнулась, отпила кофе, переключила скорость и одной рукой перестроилась в соседний ряд, все время поглядывая на меня. Можно было обойтись и без зеленого чая: поездка с Лолой за рулем вполне сошла за энергетик.

– Ну? – подстегнула она. – Я так понимаю, ты и Эндрю...?

– До сих пор не занимались сексом, – ответил я.

Машина вильнула, засигналила и выровнялась.

– В смысле? У вас определенно что-то происходит. Заметно же.

Я хохотнул.

– Точно. Мы... развлекаемся, делаем кое-какие вещи, но никакого проникающего секса. Пока что.

– Можно узнать почему? То есть по статистике у геев секса больше, чем у всех остальных, поэтому вы нарушаете кривую нормального распределения, дорогой. Из-за вас кривая станет похожа на шапку Смурфика. Тебе надо такое на себя брать?

Я почти выплюнул чай.

– Отсутствие непосредственного траха не означает отсутствие секса. Поверь, мы делаем все возможное, чтоб поддерживать кривую. Мы стараемся не спешить, не хотим выдохнуться раньше времени, вот и все. – Я заметил, что машины впереди затормозили, а Лола все еще смотрела на меня. Я уперся свободной рукой в приборную панель. – А, Лола?

Она ударила по тормозам и, нисколько не смущившись, произнесла:

– Ох, как мило.

Я успокаивающе вздохнул.

– Напомни мне в следующий раз пить чай с «ксанаксом»⁸.

– Думала, ты скажешь, что он сдерживается.

– А, нет. Для него воздержание проходит тяжелее, чем для меня.

– Не удивительно. Посмотри на себя. Весь такой элегантный.

На мне были надеты темно-синие брюки три четверти, белая футболка и жилет с ромбиками, доставшийся от Эндрю.

– Эндрю заявил своей матери, что я был бы на обложке «Жизнь сексуальных австралийцев в ЛА».

Она ухмыльнулась, вытаращив глаза.

– Он тоже придумывает обложки?

– Ага.

– Видишь? Вы созданы друг для друга небесами!

Я засмеялся.

⁸ успокоительное

– Тебе нравится на мне его жилет? Он оставил его у меня вчера.

– Тебе идет, – отозвалась она, опять вместо дороги глядя на меня.

– Э, машина. Машина!

Лола сбавила скорость, поэтому к счастью мы не втемяшились в тачку перед нами.

– Ты собираешься искать паренька в актерской школе?

– Да. Понятия не имею, в чем там дело. Но если сегодня не нападу на след, просто объявилю Лэнсу, что дело закрыто.

– О, тебе звонил Питер Ханников?

– Да, он оставил сообщение. Вы знакомы?

– Он друг коллеги Габа. Расстался со своим парнем. Все довольно грустно, но Минди, которая работает с Габом, предложила позвонить тебе. Может, стоит попробовать.

Я улыбнулся.

– Спасибо. Я перезвонил ему и оставил сообщение. Сегодня наберу снова.

Мы подъехали к актерской школе, и Лола остановила «Синди Кроуфорд» возле тротуара.

– До дома доберусь на автобусе. Спасибо, что подбросила.

– Всегда пожалуйста.

– О, и я все еще приглашаю на обед. В пятницу вечером подойдет? Закажу что-нибудь на всех в салон, скажем, на девять? Эмилио должен закрыться к этому времени.

– Звучит здорово!

Я выскочил из машины и едва успел захлопнуть дверь, как Лола уже унеслась в поток машин. Я смотрел ей вслед, пока она не испарилась, и поражался, как у нее до сих пор не отобрали права. Потом развернулся лицом к колледжу.

Школа изобразительных и исполнительских искусств явила собой огромное серое здание на территории кампуса с деревьями возле входа и широкой парадной лестницей. Вокруг бродили люди. Очевидно, студенты. Молодежь, одетая в джинсы, с рюкзаками за спиной. Большинство хохотали, болтали и размахивали руками, явно радуясь возможности обучаться в любимой школе. Почему-то не удавалось представить студентов, изучавших математику или законодательство, столь оживленными.

Не то чтоб мне было известно наверняка. Я никогда не учился в колледже – не хотелось. Но здесь особо из толпы не выделялся. Я вошел на территорию школы, словно на родную землю. Никто не таращился на меня и не раздумывал, с чего я там околачивался.

Прятаться я и не намеревался. Я понимал, что далеко не продвинусь, не задав об одном студенте парочку вопросов незнакомцам. Возле ступеней стояла компания из пяти человек, трех парней и двух девушек. Они улыбались и о чем-то трепались. Я подошел к ним.

– Не могли бы вы мне помочь? – перебил я. – Мне рассказывали о лучшем кафе под названием «Гранд» чего-то там. – Австралийский акцент плюс просьба подсказать дорогу позволили им предположить, что я был новеньkim.

Один из парней указал налево.

– «Гранд кафе». Полквартала отсюда.

– Благодарю, – произнес я с улыбкой и направился в предложенном направлении.

Нельзя было стоять на ступенях с фотографией Янни, допытываться до прохожих, не видели ли они его, и не вызвать подозрений, обеспечив себе тем самым встречу со службой охраны кампуса. Поэтому я рассудил, что кофейня – лучшее место для старта.

Мой звонок в кафе ни к чему не привел, но, может, с личной встречей сложится иначе.

Кафе было забито под завязку. Студенты употребляли кофеин. Кто-то убегал на занятия, кто-то с удобствами устраивался в кафешке. Я держался в сторонке в ожидании, пока очередь немного схлынет, чтобы пообщаться с девушкой за стойкой. Возможно, именно с ней я и говорил по телефону, и честно говоря, особо не рассчитывал на получение информации.

Я заказал зеленый чай и, заметив выставленные на продажу коробки, использовал их в качестве завязки диалога.

– Какие разновидности у вас есть? – спросил я.

– С медом, с лимоном, с апельсином, – откликнулась она, показывая коробки с зеленым чаем. – Они новые.

Я понюхал каждую коробку просто удостовериться, смогу ли уловить хотя бы намек на запах, и отложил апельсиновый.

– Я возьму этот, спасибо.

– Без проблем, – отозвалась она.

На бейджике значилось имя Джинг. Маленькая азиатская девушка казалась жизнерадостной и приветливой, и, заметив, что за стойкой она находилась одна, я протянул ей наличку и проговорил:

– Вчера я звонил, возможно, говорил с вами. Я ищу своего друга Янни. Очень за него переживаю.

Она посмотрела на меня, потом несколько нервно просканировала помещение на наличие коллег. Вручила мне сдачу и сказала:

– Если вы присядете, я принесу вам чай.

– Отлично, спасибо. – Я нашел место и уселся ждать. Только чай оказался готов одновременно с появлением поблизости двух ее коллег. Не намеренным. Они просто протирали столики и болтали с посетителями. Поэтому когда Джинг принесла чай, я знал: время не подходящее.

– Спасибо. – Я улыбнулся. Она снова нервно огляделась и, не давая ей замкнуться, я произнес: – Часок послоняюсь по кампусу. Возле входа, под деревьями. Если вам есть, чем поделиться.

Протирая стол, она несколько раз моргнула и едва заметно кивнула, после отправляясь за стойку.

Я допил чай, забрал коробку с заваркой и вернулся к колледжу. Ждать.

И ждать. И ждать.

Я дал ей час. Потом еще час. Мне нравилось наблюдать за людьми, так что я не возражал. В теньке было довольно уютно, большинство проходящих мимо людей мне улыбались. Я уже собирался сдаться, как вдруг Джинг вывернула из-за угла. Увидела меня и замедлила темп, устраиваясь рядом.

– Пришлось задержаться, простите. Думала, вас уже нет.

– Спасибо, что пришли, – проговорил я.

– Янни был моим другом, – добавила она. – Мы не были очень близки, но он по-доброму относился ко мне. Я тоже переживаю за него.

– В последнее время вы его видели?

Она покачала головой.

– Последний раз я видела его недели две назад. Он пришел на работу заявить Саше – он наш начальник – что больше не сможет выходить на смену.

– Он не пояснил почему?

Она посмотрела на меня.

– Нет, но он весь был избит. Под глазом фингал и порез на щеке.

О, Господи. Внутри буквально все опустилось.

– О, нет.

– Он не признался, кто это сделал, – тихо продолжила Джинг. – Сказал только, что переехал и сменил школу.

– Он когда-нибудь упоминал о семье? – спросил я. – Его родители строгие или религиозные, или что-то подобное?

Она покачала головой.

– Нет. Он никогда о них не рассказывал.

Я уже и так походил на интервьюера, а не на обеспокоенного друга.

– Просто он однажды говорил, что они плохо относятся к некоторым вещам. Ему с ними было не просто.

– Из-за гомосексуальности? – поинтересовалась она.

Я кивнул.

– В основном. Он рассказывал о Лэнсе? Они какое-то время встречались.

Джинг покачала головой.

– Нет. Я догадывалась, что он с кем-то встречался, но мы не обсуждали подобные темы.

Вы общались с ним, с бойфрендом?

– Да. Он тоже ничего о нем не слышал.

Она нахмурилась.

– Ой. Не к добру.

Я откинулся назад и вздохнул, не сомневаясь, что снова находился в тупике.

– Спасибо, что поговорили со мной, Джинг. Благодарю за помощь.

– Как считаете, сможете его найти?

Я глянул на нее и честно ответил:

– Не думаю, что он хочет сейчас оказаться найденным. Он сменил номер телефона, работу, школу и не сообщил никому, куда собрался.

– Думаете, у него все хорошо?

Я посмотрел ей прямо в глаза.

– Надеюсь.

Джинг поднялась, казалось, что она боролась с принятым в голове решением.

– Я... не знаю, стоит ли говорить... Но по вашим глазам заметно, что вы переживаете.

Я не притворялся. Чем больше слышал о Янни, тем больше беспокоился.

– Говорить что?

– Слышала, он перевелся в «Пол», но не уверена, что это правда.

– «Пол»?

Она сощурилась.

– Академия «Пол». Знаете?

– Разумеется. Простите, конечно. – Я совершенно не понимал, что она несла, но раз уж притворился учившимся с Янни другом, значит, такие вещи должен был знать. Я потер рукой лицо. – Попытаюсь там. Большое вам спасибо.

Она отошла на несколько шагов и остановилась.

– Если найдете, передавайте «привет».

Я улыбнулся.

– Передам. Спасибо. – Я еще какое–то время посидел, покручивая трубку в руке и размышляя, какого лешего сказать Лэнсу. По этому делу он являлся моим боссом, и я должен был проинформировать его о своих находках. Хороших новостей никто не обещал.

Я пролистал контакты, нашел его номер и нажал «позвонить». Перевод на голосовую почту не удивил, но передавать новости о синяке Янни по телефону не хотелось.

– Лэнс, это Спэнсер Коэн. Мне удалось напасть на след Янни. Хотя все может оказаться очередной «пустышкой». Еще следует проверить. Для меня это последняя надежда. Как только выясню, выйду на связь.

Я запрыгнул в автобус и весь день помогал Эмилио, радуясь возможности отвлечься.

Глава 8

Следующим утром я изучал информацию об академии «Пол», оказавшейся маленькой актерской школой. Судя по просмотру улиц в «гугле», походила она на обычный магазинчик в каком–нибудь глухом переулке, но никак не на школу или колледж. И была полярной противоположностью ранее посещаемому Янни колледжу.

Это был такой компромисс с родителями? Что–то вроде наказания?

Было трудно собрать воедино кусочки пазла о парне, с которым я не был знаком, да и в глаза не видел, если уж на то пошло. Я вновь набрал Лэнса. На сей раз он ответил.

– Спэнсер, – отозвался он.

– Да. Вчера я оставлял сообщение.

– Заработался допоздна, – объяснился он. – Извини, что пропустил твой звонок. Что–то нашел?

– Честно говоря, пока не уверен. Мы можем увидеться? – поинтересовался я. Беседовать по телефону не хотелось.

– У меня весь день встречи … – Я уловил на заднем плане голоса. Лэнс пробормотал что–то наподобие: «Вернусь через пять минут», а затем заговорил в телефон: – … которые, кстати говоря, почти начались. До обеда не освобожусь. Сейчас поговорить нельзя?

– Можно, почему нет. Я наведался в его старую школу и переговорил кое с кем из бывших коллег.

На секунду он замолк.

– И?

– Никто его не видел.

Он вздохнул в телефон.

– Ох.

– Знаю. Он словно испарился.

– Но у тебя есть зацепка?

– Да. Правда, может оказаться ничем. Просто хотел оповестить вас о своих стараниях, но пока добавить больше нечего. Если за следующие несколько дней ничего не выйдет, на том все и завершится.

Он прокашлялся.

– Какая жалость.

– Такие дела мне не привычны. Я даже не знаком с этим парнем.

– Хотелось бы все–таки выяснить, что с ним стряслось.

– Да, понимаю. И простите за мои следующие слова, но коллеги, с которыми я общался, сообщили, что в последнюю их встречу, то есть в день его увольнения, он был избит. Под глазом красовался фингал.

До меня донесся слабый вздох, а после повисла тишина.

– Лэнс?

Раздалось шуршание, словно он переместил трубку к другому уху, а потом:

– Он рассказал, кто это сделал?

– Нет.

– Что у тебя за зацепка? – спросил он. – Что ты рассматриваешь?

Понятия не имею, почему колебался, и понятия не имею, зачем солгал, но слова вылетели без моего на то согласия.

— Кажется, кое-кто видел его в городском книжном магазине. Вроде бы он там работает. Схожу туда, вдруг удастся его найти или поспрашивать персонал, может, его знают. Предприятие рискованное, но больше у меня ничего нет.

— Который книжный?

— «Барнс и Ноубл» в «Гроуве». — Ложь произнеслась без малейших затруднений. Магазин был выбран из-за громадного размера и огромного количества работников, поэтому будет сложновато назвать мои слова брехней, если ему придет в голову проверить самостоятельно. — Больше мне ничего не известно.

— Ладно, мне пора.

— Наберу вам завтра.

— Набери.

Он оборвал звонок. Я нажал на сброс и швырнул трубку на стол.

— Козел, — пробормотал я под нос и направился вниз на случай, если Эмилио или Даниэле требовалась какая-то помощь. И следующие полчаса ворчал без остановки. — Парень сволочкой. Я бы не отказался найти этого Янни и поздравить с тем, что умудрился вышвырнуть его из своей жизни.

Эмилио, не отрывая взгляда от клиента, фыркнул.

— Расскажи, что думаешь на самом деле.

Даниэла заметно волновалась.

— Считаешь, он в опасности?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Последний раз его видели с бланшем под глазом. Плюс он бросил работу и учебу. Лэнс винит во всем отца Янни.

— Но?

— Без понятия. Что-то в Лэнсе не приглянулось мне с первой же секунды нашего знакомства. Типа, знаешь, голосок в голове нашептывал: «Что-то здесь не так».

Даниэла рьяно кивнула.

— Шестое чувство.

Я продолжил:

— Сначала я опустил этот момент. На его счастье он слишком богат, правда еще высокомерен и эгоистичен. Считает, что может покупать людей, что даже в хорошем настроении я терпеть не могу. Но что если здесь что-то большее? Что если синяк у Янни появился *из-за него*? Что если у Янни имелась очень веская причина уйти?

Эмилио присел, прекратив нанесение чернил.

— Серьезно?

— Да не знаю я. — Я вздохнул. — Не понимаю, что делать. Когда я рассказал ему о синяке, первый прозвучавший вопрос: «Он рассказал, кто это сделал?». Не «все ли с ним в порядке?» или «о, боже мой» или что-то в том же духе.

Даниэла нахмурилась.

— И что думаешь делать?

— Я сказал Лэнсу, что Янни работает в городе.

Эмилио сощурился.

— Ты рассказал о месте его работы?

— Нет. Я знать не знаю места работы Янни. Пришлось хоть что-то брякнуть. А вечером собираюсь в город. Устрою слежку в книжном, где по моим же словам трудится Янни.

Заодно посмотрю, нарисуется ли Лэнс. Знаете, что–то вроде проверки на вменяемость и сталкерство.

Губы Эмилио растянулись в широченной улыбке.

– Классная мысль.

– Будь осторожен, – произнесла Даниэла.

– Буду. Подумываю взять с собой Эндрю и сделать из этого свидание. – По правде говоря, мысль посетила меня только в тот момент, но чем дольше я размышлял, тем больше идея мне нравилась.

Даниэла уставилась на меня так, словно я лишился рассудка.

– Хочешь позвать Эндрю следить за настоящим шизанутым сталкером?

– Да, куплю ему книгу. О–о! – воскликнул я, пролистывая местный гид по развлечениям, как появилась новая идея: – Стоит подыскать в городе джаз–бар. Обещал его сводить, но до сих пор так и не вышло.

Вернувшись к работе Эмилио проговорил:

– Ты купишь ему книгу и отведешь в джаз–бар?

– Да. А что?

Глаз он не поднял, но улыбку и так было заметно.

– Будь осторожен, Спэнсер. Мальчик может на тебе жениться.

Отодвинув шутки в сторонку, я написал Эндрю: «Занят вечером?».

Ответил он спустя примерно час, вероятно, в обеденный перерыв. К этому времени я успел вымыть полы, убраться в зоне ожидания и проверить телефон всего–то пару сотен раз. «Как сказать. Собирался заказать на ужин салат, послушать подаренные моим сексуальным бойфрендом виниловые записи, и провести сеанс «игры в руку». Сойдет за занятость?»

Хмыкнув, я написал ответ: «Нет, сойдет за соблазн, а не за занятость. И не сомневаюсь, что «играть» придется обеими руками. Твой член довольно большой».

«ЛОЛ. Ты что–то предлагаешь?»

«Хочу пригласить тебя на свидание. Книжный магазин и джаз–бар. Пойдет?»

«Мишель хочет знать, почему я только что хохотал и обнимал телефон. ПКС: я его не обнимал. Она лжет».

Мишель – его коллега, с которой за последние несколько лет он очень сдружился. Он мимоходом о ней упоминал, но знакомы мы не были. Вообще–то ни с кем из его друзей я не был знаком. «Передавай ей привет».

«Тебе тоже привет. Она спрашивает, есть ли у тебя старые тату–журналы, которые можно одолжить. Хочет сделать первую тату».

«Разумеется! Вечером принесу. Ей стоит познакомиться с Эмилио».

«Я ей так же сказал».

«Встретимся в шесть?»

«Не могу дождаться».

Я счастливо вздохнул и убрал трубку в карман, а потом обратил внимание, что Эмилио на пару с клиентом наблюдали за мной.

– Что?

Эмилио медленно кивнул.

– Да ты влип, друг мой.

В ту же секунду во входную дверь впихнулась Лола, руки ее были заняты коробками. Я быстро парочку забрал, пока она их не выронила.

– Они цепляют меня, – пожаловался я.

Она выпрямилась и включила свое обычное гlamурное «я».

– С чего вдруг?

Эмилио рассмеялся, параллельно набивая татуху парню в кресле.

– Он втюрился в Эндрю. Он только что лыбился в телефон, словно выяснил, что любимый порно–сайт отменил абонентскую плату.

– Видишь? – обратился я к Лоле. – Сплошные измывательства.

– Но, дорогой, это не измывательства. Это правда.

Они все расхохотались, а я, потерпев фиаско, вздохнул.

– Полагаю, ты ждешь моей помощи? – Я поднял коробки, которые у нее забрал.

– Безусловно. – Она продемонстрировала превосходную улыбку. Ее нежная помада сочеталась с цветом волос. – Расскажи мне, чего новенького с Эндрю?

– У него свиданка вечером, – прокричала из дальней кабинки Даниэла. – Он ведет его в книжный магазин выслеживать какого–то безумца, а потом в джаз–бар.

Вздернув бровь, Лола глянула на меня.

– Слежка за безумцем? Мы день не виделись, Спэнсер. Один день. Какого дьявола я пропустила?

После моего объяснения и сортировки палеток с тенями, помадами и румянами, я рассказал, что надеялся найти Янни в актерской школе «Пол».

– Могу тебя завтра подвезти, – предложила она.

– Мне нужна вторая половина дня. Судя по расписанию на сайте, по четвергам уроки начинаются позднее, чем в остальные дни.

– Прекрасно. Даже больше подходит. А ты поможешь мне в пятницу. Я работаю в Пасадене. По времени займет всего несколько часов. Так нормально?

– Отлично.

Мое волнение было до нелепого смешным. Вроде бы обычная вылазка в книжный и джаз–бар, но в то же время наше первое официальное свидание. Вечер должен был выдаться идеальным. Если не считать выслеживания психопата. Мне не было известно, реально ли он тронутый, как и не было известно, появится ли он вообще. Я надеялся всеми возможными видами надежд, что он все–таки не нарисуется: в таком случае он не оказался бы психом, как предполагалось, и плюсом у меня бы появился шанс провести с Эндрю весь вечер.

В начале шестого я уже был одет и готов к выходу, выглядя максимальным образом привлекательно.

– Если каждые тридцать секунд таращиться на часы, время быстрее не побежит, – поддела Лола. Со своими делами она почти закончила, а я видимо начал дергаться.

– Смехотворно, да? – спросил я. – Разве я не смехотворен?

Она ухмыльнулась и взяла сумочку.

– Вообще нет. Пойдем, подвезу тебя.

– Его, наверно, еще нет дома. А его соседка и без того считает меня долбанутым. Не сомневаюсь, она с удовольствием распылила бы мне в лицо газовый баллончик.

– Тем лучше для нее. Если ты долбанутый, она и должна тебя обезвредить.

– Я сказал Эндрю то же самое.

Лола засмеялась.

– Ты очарователен.

Мы забрались в «Синди Кроуфорд», и, застегнув ремень, я постарался незаметно перекреститься, но Лола все-таки засекла.

– Ты только что читал молитву?

– Может быть.

Она ахнула.

– Из-за моего вождения?

– Возможно.

– Ты так делаешь каждый раз, попадая в мою машину?

– Хм...

Она врубила задний ход и переключила передачу, паркуя «Синди».

– Спэнсер Коэн, я глубоко оскорблена.

– Я расцениваю молитву скорее как признак веры, – пояснил я, когда она с молниеносной скоростью вновь влилась в движение. – Ты пугаешь меня до чертиков, и, тем не менее, в машину я все равно сажусь охотно.

– Не такой уж и плохой из меня водитель, – заявила она.

– Нет, ты хороший водитель, – согласился я. – Если не брать в расчет скорость езды и полнейшее отсутствие внимания к другим водителям и физике в целом.

Она зыркнула на меня.

– Пожалуйста, смотри на дорогу, – попросил я. – Я не в настроении сегодня умирать. Или получить серьезную травму.

– Ох, –sarкастично пропела она. – С появлением бойфренда ты начал париться о безопасности.

Я рассмеялся.

– Да, именно поэтому я и не хочу умирать.

Она драматично вздохнула.

– Теперь мне все ясно.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Как заправский гонщик, она перестроилась в другой ряд и тормознула на красный свет.

– Не уверена... – Она фыркнула.

– Я уже говорил, что сегодня ты особенно великолепна?

Больше сдерживаться у нее не вышло. Она хохотнула.

– Ты гаденыш.

– В курсе.

Мы вывернули на улицу Эндрю. Его машина стояла на парковке.

– О, он уже дома.

– Ты писал ему, что приедешь пораньше?

– Нет. Хотел внести элемент спонтанности.

– Типа: «Черт, я забыл»?

– И это тоже. – Улыбаясь, я отнял ее руку от руля и, как истинный джентльмен, поцеловал. – Спасибо, что подбросила.

Она закатила глаза.

– Мне жаль, что ты посчитал, будто умрешь.

– Увидимся завтра?

– Да. И мне нужны подробности. Все.

С тату–журналами в руке я выбрался наружу и дождался, пока она уедет. Счастливо мурлыча под нос, пересек улицу и нажал на звонок. Моя придурковая улыбка умерла, когда дверь отпер не Эндрю. Этого человека раньше мне встречать не доводилось. Блин, да я даже фоток никогда не видел, но совершенно точно понял, кто передо мной: они были дьявольски похожи.

Мне улыбалась мать Эндрю.

– Ты должно быть Спэнсер.

Глава 9

Я замялся в поиске правильных слов, при этом отчаянно желая дать деру, но понимая, что не стоит. И тут мой бесполезный мозг заговорил без моего на то разрешения.

– Вы реально симпатичная.

Она откинула голову назад и расхохоталась, а я начал мечтать о смерти. В прямом смысле о смерти. В ту самую секунду мне захотелось обратно в машину Лолы, пробираться сквозь пробки со скоростью сто километров в час, весело мчась на встречу погибели. Вместо этого мои глупые ноги приросли к полу, а глупый рот продолжал трещать. И правда, на фига останавливаться на смущении? Ведь опозориться по полной гораздо веселее.

– Для женщины, то есть.

– Спэнсер? – прокричал Эндрю из коридора. – Ты рано.

«*O, слава тебе, Господи*».

– Выручай. У меня глупый мозг.

Теперь рассмеялся он, а его мать, даже не сомневаюсь, посчитала меня идиотом.

Сложившаяся ситуация ее явно забавляла, можно даже сказать развлекала, а я все стоял

возле двери. Эндрю закусил губу, тормозя растущую ухмылку, и втянул меня внутрь.

Мать была точной его копией: высокая, стройная, изящная и держалась с достоинством. Одета она была в безупречные светло-зеленый топ и белоснежные брюки. Золотые украшения смотрелись элегантно и не претенциозно. Ей не нужно было напоминать людям о своей роскошности; она витала в окружавшем ее воздухе.

– Спэнсер, это моя мама, Хелен. Мам, это Спэнсер.

– Приятно познакомиться, – вежливо отозвалась Хелен. – Эндрю просил меня испариться до твоего появления, но ты пришел раньше.

– Да, простите. Лола предложила подбросить, а «Синди Кроуфорд» по-любому лучше автобуса, пусть и велика вероятность умереть.

Они вдвоем уставились на меня. Эндрю обвил меня рукой и хмыкнул.

– Мам, «Синди Кроуфорд» – машина Лолы.

Она приложила руку к сердцу и охнула.

Хуже было уже просто некуда.

– Мне правда очень жаль. Можно начать сначала? – я протянул руку. – Я Спэнсер Коэн.

Счастлив с вами познакомиться. Обычно я не веду себя как идиот. Просто нервничаю.

Хелен, по-доброму улыбаясь, пожала мою руку.

– Приятно познакомиться. Пожалуйста, не нервничай. Эндрю предупреждал, что такое возможно, поэтому меня и просили уйти заблаговременно. Он говорит, ты ведешь его в книжный магазин и джаз-бар?

– Да, мэм.

Она драматично вздохнула.

– Вот такой мужчина мне по душе.

– Ладно, мам, – надавил Эндрю.

– Да-да, – сказала она, подхватывая с дивана свою дизайнерскую сумочку. Она чмокнула Эндрю в щеку, он пообещал ей позвонить. И она снова посмотрела на меня. – Очень приятно познакомиться, Спэнсер. Ты и в самом деле необычайно красив и очарователен, как Эндрю и рассказывал.

Я почувствовал, как лицо вспыхнуло от смущения, а Эндрю поволок мать к двери. После ее ухода он прислонился к двери и выдохнул.

– Прости.

– Не извиняйся, – произнес я. – Я появился без предупреждения!

Эндрю нахмурился, на лице отразилась неуверенность.

– Ведь все прошло не так уж и плохо?

– Я ляпнул, что она реально симпатичная, – с ужасом вспомнил я. – Для женщины.

Эндрю рассмеялся и, подойдя ко мне, обнял за талию.

– Между прочим, ты ей вроде как понравился.

– У меня глупый мозг, несущий нелепые вещи.

Он чмокнул меня в лоб.

– Ты продолжаешь говорить о глупости своего мозга, но я должен не согласиться.

Я вздохнул.

– Ты правда говорил, что я красивый и очаровательный?

Он нежно меня поцеловал.

– Да. Маме нельзя лгать.

Я сделал глубокий вдох и попытался отыскать положительные стороны.

– Ну, по крайней мере, со знакомством покончено.

Он фыркнул.

– Ты как будто говоришь о вакцинации или ректальном обследовании.

Я хохотнул.

– Ничего не имею против иголок, – заявил я, задирая рукава и демонстрируя татуировки. – И так сложилось, что я люблю ректальные обследования.

– Произнося последние слова, я знал, куда ты вырулишь.

Все еще улыбаясь, я протянул ему сложенные журналы.

– Для Мишель.

– О, спасибо. Ей понравится. – Он положил их на обеденный стол. – И почему длинные рукава?

– Обычно я не показываю свои тату, – отозвался я.

– Я всегда видел тебя с закатанными рукавами или в футболке, – продолжил он.

– Не нравится моя одежда? – я посмотрел на свою светло-синюю рубашку на пуговицах, темные джинсы и любимые синие «лоферы». – А я считал, что отлично справился.

Он заурчал и, вернувшись ко мне, обхватил рукой за шею и поцеловал.

– Ты выглядишь соблазнительно. Как всегда.

Я слизнул с губ его сохранившийся привкус.

– М–м–м. А твой вкус хорош.

Он скользнул рукой по своей промежности и чуточку «поправился».

– Черт. Видимо, у меня из-за твоего присутствия рядом одна и та же повторяющаяся проблема.

Я поиграл бровями.

– Буду счастлив тебе с ней помочь. – Я подтолкнул его к роялю, прижимая к нему спиной, и облизнул губы. – Но пока не начал, ты должен кое-что узнать. – Настроение, скорее всего, будет убито, но мне хотелось выкинуть отвлекающий фактор из головы. – Есть еще причина, по которой надеты длинные рукава.

– И что за причина?

– Татуировки бросаются в глаза. Люди их запоминают. Я сообщил мерзкому Лэнсу, что в книжном работает Янни. И хочу посмотреть, появится ли он там.

Эндрю склонил голову, брови нахмурились.

– Значит, свидание не настоящее?

– Нет, настоящее. Книжный можно засчитать как дополнительный бонус, а джаз–бар полностью ради тебя.

– Почему ты не хочешь, чтобы мерзкий Лэнс появился в книжном?

– Считаю, что именно из–за него исчез Янни.

Эндрю моргнул.

– Серьезно?

– Нельзя знать наверняка. – Потом я поведал о своей поездке в колледж и что Янни видели с синяком под глазом, о своем результативном звонке Лэнсу, и бегавших из–за него по коже мурашках.

На секунду Эндрю задумался.

– То есть ты берешь меня на тайную операцию, чтобы проверить клиента на признаки кретинизма.

– Да.

– А если он все–таки кретин?

– Будем решать проблемы по мере поступления, когда до них доберемся.

Он медленно кивнул.

– Правильно.

Я сделал шаг назад.

– Я прощен?

– Нет, – заявил он, а потом накрыл ладонью свой член. – Помнится, ты собирался мне помочь.

– Я не заслужу прощение, пока не отсосу тебе?

Он покраснел или завелся. Сложно было определить разницу.

– Для начала.

Улыбаясь, я опустился на колени, расстегнул ширинку и вытащил набухший член. Я поднял на него взгляд. Облокотившись на рояль, он смотрел на меня. Глаза были сосредоточены на мне, губы слегка приоткрыты. В ожидании, в предвкушении...
Выглядело чертовски эротично.

Не разрывая зрительного контакта, я открыл рот и, касаясь его языком, впустил внутрь.

Он отреагировал всем телом, вздрагивая и извиваясь, глаза моментально зажмурились.

Может, это и было началом, но до финиша я его довел в самые кратчайшие сроки.

Без особых происшествий мы добрались до города на такси. Эндрю рассказал мне о прошедшем дне, я пересказал свой, и вскоре мы оказались в центре. Вышли из машины и направились к книжному магазину, как вдруг Эндрю остановился.

– Что такое? – спросил я.

– Можно взять тебя за руку?

Забавно, как от простых слов сердце может начать сбиваться с ритма.

– Хм, да, – ответил я, не сомневаясь, что губы растянулись в придурковатой улыбочке.

Эндрю глубоко вздохнул.

– Просто хотелось спросить. Некоторые такое не любят; некоторые слишком боятся, что какой–нибудь незнакомец устроит целую проблему из двух держащихся за руку парней.

Некоторые предпочитают вообще не держаться за руки, что вполне нормально. Раньше я не спрашивал, нравится ли тебе...

– Эндрю?

– Да?

Я протянул руку ладонью вверх.

– Завали и возьми уже меня за руку.

Он улыбнулся, но, переплетая наши пальцы, зарычал.

– Ты до сих пор не прощен за хитрость с книжным магазином. Свидание все равно фейковое.

– Нет, не фейковое, – запротестовал я. По пути я наклонился к нему и зашептал: – Но если хочешь, могу отсосать тебе в уборной. Ну, знаешь... чтобы заслужить прощение.

Ото лба до воротника он побагровел и осмотрелся вокруг, точно прохожие могли нас слышать.

– Спэнсер!

Я притворился, будто не произнес ничего сверхъестественного, потому что так и было, и стиснул его пальцы.

– Как приятно. Мне вроде нравится ходить на свидания и держаться за руки.

Он остановился и уставился на меня, из-за чего идущие позади нас люди вынуждены были нас обходить.

– Прошу прощения, – обратился он к ним и, вытаскивая из толпы, прижал меня к стене. Выглядел он обеспокоенным или растерянным. Возможно, все сразу. – Ты когда-нибудь прогуливался по улице, держа парня за руку? По-настоящему?

Я покачал головой.

– Нет.

Он вздохнул, и его плечи опустились.

– Извини, я должен быть понять. Не стоило вести себя так легкомысленно.

– Ты и не вел себя легкомысленно. Ты же попросил разрешения. И мне правда приятно.

– Тебе комфортно?

Хотелось сказать, что ничего особенного не происходило, но, честно говоря, было все с точностью до наоборот. Хотя и не должно бы. Геи не занимаются подобными вещами, опасаясь репрессий, нежелательного внимания и других ублюдских проявлений мира. Тот факт, что Эндрю был достаточно уверен в себе и хотел держать меня за руку, много значил.

– Вполне. И спасибо, что спросил. Еще одно впервые, которое я могу вычеркнуть из списка «благодаря Эндрю».

– У тебя есть такой список?

– Да, список имени тебя. Если можно закончить предложение словами «благодаря Эндрю», оно идет в список.

Он усмехнулся.

– Мне стоит знать?

– Разумеется. Причем сейчас же. У меня появился первый настоящий бойфренд благодаря Эндрю, – пояснил я. – Или так: я постоянно лыблюсь как идиот благодаря Эндрю.

Он рассмеялся.

– А что в списке под номером один?

— Я передергиваю по пять раз на дню благодаря Эндрю, — проговорил я. Он от души расхохотался. — Первый пункт с лихвой обходит остальные. Номер два: вчера я слушал онлайн классическую фортепианную музыку благодаря Эндрю.

Лицо его просветлело.

— Да?

— Ага. Хотя, может, он и не номер два. Может, номер три, а номер два — идиотская улыбочка. В принципе оба пункта очень похожи.

Он лучезарно улыбался.

— Какой же ты смешной.

— А теперь, если не возражаешь, мне нужно проверить книжный, а в ожидании психа Лэнса необходимо сотворить что-то очень романтичное. Например, прикупить книгу, которую полюбит мой парень.

Эндрю все еще улыбался.

— Н-да? Например, какую?

— Например, «Как заниматься сексом с бойфрендом, если у него как у коня», — пошутил я.

— О, погоди, нет. Эта для меня. Для тебя я куплю «Как пережить воздержание от секса и не умереть».

Он засиял смехом.

— Да неужели?

— Ага, она — хит продаж.

— С тобой не заскучаешь?

— Надеюсь, нет.

Довольно долго он вглядывался в меня, словно собираясь что-то сказать, но так и не вынудив себя. Вместо этого он сжал мою руку и повел в сторону магазина.

— Пойдем, вдруг ты найдешь такую книжку.

— Ту, в которой рассказывается о бойфренде с конским «болтом»?

Он хмыкнул.

— Ага. Почему-то мне кажется, что ее можно отыскать рядом с книгой под названием «101 вариант использования смазки».

Мне нравилось, что он подыгрывал.

— Превосходно. Надеюсь, там будут бесплатные образцы.

Он застонал.

— Нам не стоит обсуждать подобные темы на людях.

— Почему нет? — я оглянулся на проходивших мимо людей. — Да всем плевать.

— Разговоры с тобой об... — он покосился на меня, — ... этом провоцируют появление прежней проблемы.

Я рассмеялся. Какой же он был упорный.

— Сначала подыщем уборную?

Он зарычал и, пробормотав что-то вроде «не искушай меня», потянул меня в магазин.

В уборную он не пошел, а через кофейню направился прямиком к ведущему на второй этаж эскалатору.

— Куда мы?

— Наверх, — откликнулся он. — Оттуда будет удобнее наблюдать, если вдруг придет этот катамегозовут.

— Верно, — признал я. — Хотя я слегка разочарован, что ты не ведешь меня в уборную.

Он обернулся через плечо и зыркнул на меня.

– Как мы сможем дождаться субботы, если ты все время соблазняешь такими вот предложениями?

Я тихонько хохотнул, игнорируя появившееся благодаря всем этим секс–разговорам ноющее ощущение в яйцах.

– Не смешно, Спэнсер, – буркнул он. – Наверно, мне просто стоит уже трахнуть тебя.

Я споткнулся о последнюю ступеньку эскалатора.

– Боже, Эндрю.

Настал его черед хохотать. Он провел меня к стеллажу книг возле балкона.

– Когда роли меняются, уже не так смешно?

– Ты застал меня врасплох, вот и все, – пробормотал я, притворившись, что он не шокировал меня до смерти. – И вообще–то, визуальный образ был очень даже привлекательным.

Эндрю сделал глубокий вдох и сменил тему.

– Как этот парень выглядит?

– Как гнусный слизняк. Полагаю, он еще только выходит с работы, поэтому будет здесь минут через двадцать в дорогущем костюме и с дешевой улыбкой. – Я бросил взгляд на вход, но не увидел никого хотя бы отдаленно напоминавшего его и взял Эндрю за руку. – Не хочу, чтоб он видел нас вместе.

Эндрю стрельнул в меня глазами, полными обиды и нетерпимости.

– Почему же?

Я мягко улыбнулся.

– Не хочу тебя впутывать. Других причин нет. Если он на самом деле козел, как я предполагаю, не хочется, чтоб он тебя видел. Даже чтоб просто находился рядом с тобой.

– Ой.

– Ты решил, будто я не хочу демонстрировать миру наши отношения? – поинтересовался я. – Давай я закажу рекламу по «Си–Би–Эс»?

Теперь он улыбался, уголки губ стеснительно приподнялись.

– Спасибо, нет необходимости.

– Нет?

Он покачал головой.

– Объявления в «ЛА таймс» будет достаточно.

Я фыркнул.

– И все?

Он кивнул.

– Или объявление на всю страницу в «Сексуальном ботанике». Слышал, издали специальный выпуск под название «Как постоянно радовать своего сексуального ботаника».

Я не смог сдержать усмешку.

– Правда? Мне определенно стоит его купить.

– Тебе стоит подписатьсь, – проговорил он, как неопровергимый факт. – А теперь, учитывая, что мы соблюдаем инкогнито, я спущусь вниз выпить кофе и заодно проверю, смогу ли «снять» какого–нибудь красавчика.

Рот мой распахнулся, болезненный укол пронзил сердце. Каким образом мы перешли от шуток к его желанию найти другого?

– Что?

Он быстро схватил меня за руку и сжал ее.

– Я просто пошутил!

– Ох.

Думаю, втайне моя реакция ему польстила.

– Но позже, если этот катамегозовут не появится, я буду слоняться по книжному, делая вид, что мы не знакомы. И если ты... будешь не очень занят, то сможешь опробовать на мне свои лучшие пикапские фразочки. – Выражение его лица смягчилось. – Ты мой «какой-нибудь красивчик», Спэнсер.

Мое сердце воспарило.

– Тогда ладно. Потому что если бы существовал журнал под названием «Единственный желанный парень для Спэнсера», ты был бы на обложке.

Его улыбка была такой прекрасной. Одновременно радостной, самодовольной и застенчивой.

Я осмотрелся в поиске ближайшей уборной, чтоб затащить его туда. Серьезно, я хотел его. Не только в постели, но и в своей жизни. Насколько получится. Возможно, навсегда. И осознание – насчет навсегда – потрясло меня. Мы были знакомы всего несколько недель, но для меня он был идеален: инь для моего янъ, кусочек моего пазла, джаз и классика для моих рока и блюза. Мы были совместимы на интеллектуальном и физическом уровнях... ну, пока что можно было лишь догадываться, как все будет, когда наконец-то придет время для настоящего секса. Я не сомневался, что мы никогда не остановимся. И слово «навсегда» не просто дрейфовало в моем подсознании как заблудшая мысль. Оно отплысывало там.

Я – парень, нарочно державший людей на расстоянии вытянутой руки, размышлял о постоянных отношениях. Может, во всем были виноваты абсурдные бабочки в животе, из-за которых смехотворные эндорфины перемешали синапсы глупого мозга?

– Ты в порядке? – спросил он. На лице запечатлелось беспокойство.

– Я просто супер в порядке, – отозвался я, игнорируя пытающихся вырваться из груди бабочек.

– Супер в порядке? Такое бывает?

– Да. – Согласно моему глупому мозгу, еще как бывает. – Да.

Он засмеялся.

– Ладно. Пойду выпью кофе, – сказал он, оставляя меня на втором этаже. Мой мозг все стопорился на одном и том же слове. Навсегда. Из-за чертовых бабочек меня замутило, ноги прилипли к полу, а губы растянулись в нелепой улыбке. Было не совсем ясно, чего хотелось больше: вылезти на крышу и орать о своем счастье или проблеваться.

Только когда какой-то парень глянул на меня, точно на извращенца, я заставил себя шевелиться. Я встал за полками, где открывался вид на входную дверь, а еще на столики в кофейне. Эндрю сделал заказ и присел, смотря на вход, но его лицо было мне отлично видно. Его улыбка ничем от моей не отличалась. Она была неудержимой, из разряда «не могу ее остановить» и «он просто обязан чувствовать то же самое».

Я уже почти решил забить на всю эту глупую тайную операцию и утащить оттуда Эндрю. Намеревался послать джаз-бар к чертям собачим и отвезти его домой, и уложить в постель. Но сообразил, что должен хотя бы притвориться, что просматриваю книги.

Находился я в секции детективов. Жанр оказался не для меня. Одним глазом поглядывая на дверь, а другим на полки и все еще улыбавшегося Эндрю, я достал мобильник и послал ему сообщение: «Знаешь, ты очень сексапилен».

Было заметно, как он вытащил телефон и мгновенно ухмыльнулся. Потом запечатал что-то на экране, и моя мобила почти сразу же звякнула. «Это твоя лучшая пикапская фраза? Ее нужно доработать».

Глядя в экран, я тихо хохотнул и быстро настрочил ответ: «О, я умею лучше...»

А потом мне бросился в глаза входящий в магазин знакомый парень и, взглянувшись, стало ясно: пришел Лэнс.

Сначала он, как бы держась в сторонке, прочесал первый этаж. Потом оказался под вторым этажом, прямо подо мной, и я потерял его из виду. Я послал Эндрю сообщение: «Он здесь», и убрал трубку в карман.

На секунду я забеспокоился, что Эндрю может начать озираться по магазину, но он ничем себя не выдал. Для сексуального ботаника, то есть. Он все еще улыбался в телефон, а глазами едва различимо осматривался. Отпив кофе, он отложил мобильник и взял журнал. Я спустился на эскалаторе на первый этаж и отправился в том же направлении, что и мерзкий Лэнс. Стоял он практически в самом конце, спрятавшись за полками, и, стараясь быть незаметным, сканировал помещение. Я прошел прямо к нему, и, заметив меня, он не поверил своим глазам.

– Лучшие умы мыслят одинаково, да? – Я протянул руку для пожатия.

Он ее пожал, но явно испытывал дискомфорт.

– Спэнсер? Что ты здесь делаешь?

– То, за что вы мне платите, – тихо ответил я. Разговор не предназначался для чужих ушей. – Проверяю зацепки и надеюсь найти Янни. Могу, кстати, спросить то же самое.

– Ну, ты упомянул, что он здесь работает, – сказал он. У него даже хватило наглости изобразить смущение. Потом он вздохнул и нахмурился, на лбу от беспокойства залегли морщины. – Просто хочу его увидеть.

А он был хорош. На очень краткий миг я задумался: а вдруг я лоханулся? Может, он в самом деле переживал за Янни, а я не неверно его прочитал? Ошибся с оценкой всей ситуации? Пришлось признать: теперь я сомневался. Но продолжая придерживаться лжи по поводу Янни, я произнес:

– Его здесь нет. Я уже поинтересовался.

– Но он здесь работает?

– Я пообщался с девушкой наверху. По ее словам, она трудится здесь недавно, но сегодня никакого Янни не было. Персонал работает до закрытия. Больше она ничего не сообщила. По расписанию его смена может быть завтра или на следующей неделе, или никогда. Без понятия.

Лэнс вздохнул и медленно кивнул.

– Хорошо.

Воспользовавшись возможностью, я глянул в сторону стеклянной стены. К счастью, Эндрю до сих пор находился в кафе.

– На улице уже стемнело. Вы только закончили работать?

– Да, – пробормотал он. – Наверно, мне стоит отправиться домой.

– О, конечно, – отозвался я.

Лэнс шагнул в сторону, потом остановился.

– Так ты об этой зацепке говорил? Вроде у тебя есть еще вариант его отыскать.

– О, да, есть. Вернее был, – быстро исправился я. – Если хотите, завтра я сделаю еще несколько звонков.

Он опустил глаза в пол, потом поднял на меня.

– Не знаю… Кажется, он исчез.

Черт. Либо парень вел себя искренне, либо заслуживал Оскара.

– Послушайте, завтра я посмотрю, что еще можно сделать. И буду на связи. Не принимайте решение сейчас.

Он кивнул, выдавил из себя улыбку и ушел. Я наблюдал за ним, а когда он исчез в ночи, нашел глазами Эндрю.

Он до сих пор сидел на прежнем месте, но теперь смотрел на меня. На лице отражались любопытство и немного беспокойства.

Я послал ему улыбку и припомнил игру, в которую он хотел сыграть. Я поднял палец, как бы говоря «секундочку», и испарился за стеллажами книг. Нужно было подобрать идеальную книгу… На это дело потребовалось больше секунды, но я нашел. Даже две. Держа одну из книг за спиной, чтобы он не смог разглядеть, я подошел ближе и остановился возле стоявшего перед ним стула.

– Простите, не возражаете, если я присяду?

Он улыбнулся, но подыграл.

– Пожалуйста.

Я уселся, вторая книга так и осталась вне зоны видимости.

– Можно задать вам вопрос?

– Безусловно.

– Вам никогда не было любопытно, почему самые распространенные проявления любви – цветы и конфеты?

Эндрю тихонько фыркнул.

– Никогда не задумывался, нет.

– А я задумывался.

– Да неужели? – поразился он, стараясь сохранять серьезность, и положил журнал на стол.

– И к какому выводу пришли?

Я вздохнул.

– Хороший знак внимания. Даже приятный, если человек, которого желаешь впечатлить, любит цветы и конфеты. Но все это очень безлико. Словно особо не заморачиваешься, чем порадовать получателя. Думаю, подобные поступки сохранились со времен наших дедов, когда жить было проще

Он задумчиво кивнул.

– Проще просто—напросто не бывает.

– Верно, – согласился я. – Но если б речь шла обо мне, хотелось бы думать, что я наверняка угадал бы с выбором. Подарок должен иметь какое–то значение. Что–то более личное, чем цветы.

Эндрю явно пребывал в восторге. Глазами он впился в книгу на моих коленях, пытаясь прочитать название.

– Даже так? Умоляю, расскажите, если б пришлось подбирать подарок – кому–то вроде меня – каким был бы ваш выбор?

– А, видите ли, тут–то и раскрывается суть моей дилеммы. Если была бы возможность выбирать, я бы склонился в пользу винилового альбома.

– Или целого проигрывателя…

– Да, и его тоже. Но я бы выбрал альбом Джейффа Бакли или Билла Уитерса.

Эндрю рассмеялся.

– Но мы не в магазине пластинок.

– Как проницательно! Ты прав! Вот почему я выбрал книгу. – Я протянул ему первую книгу.

Он прочел название вслух.

– «Кулинарное руководство для чайников». – Он оторвал взгляд от книги и посмотрел на меня, склонив голову и сощурив глаза, пребывая в шоке от моего выбора. – Реально? Мне стоит польститься, оскорбиться или посмеяться?

Я старался не лопнуть от смеха.

– Все сразу, разумеется.

– Ну, два пункта из трех не так уж и плохи. – Он пролистал страницы. – Таким образом ты пытаешься меня «склеить»?

Я медленно покачал головой и презентовал вторую книгу, вытащив ее из-за спины. Я держал ее перевернутой, поэтому ему была видна лишь задняя часть обложки, и мое сердце забилось в два раза быстрее. Я надеялся, что сделал правильный выбор.

– Вот.

Нервничая, я передал книгу.

Он прочитал название и стрельнул в меня взором. Улыбка медленно растягивала губы, глаза светились теплом. Он прошептал:

– Спэнсер... Она идеальна.

От облегчения я засмеялся.

– Правда?

Он кивнул и рассеянно перечитал название.

– «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». Абсолютная классика, Спэнсер. «Бегущий по лезвию» снят по этой книге.

– Знаю, потому–то ее и выбрал.

Он посмотрел на меня, потом на книгу, словно эмоции взяли над ним верх.

– Ты знаешь меня... – Он покачал головой, вроде как будучи не в состоянии закончить.

Я постучал ногой по его ботинку и дождался, пока он поднимет на меня глаза.

– А ты знаешь меня.

Он таращился на меня. Просто таращился. В конце концов, сглотнул и протяжно выдохнул.

– Мы можем уйти отсюда?

Я кивнул и встал. Протянул ему руку, которую он принял и позволил поднять его на ноги.

– Сначала мне нужно заплатить за книги, – сказал я. А потом эмоции одолели и меня. –

Так я сдал?

– Сдал что?

– Тест по пикапу.

Эндрю хмыкнул.

– Бессспорно.

Я ухмыльнулся и заговорил так, чтобы было слышно только ему.

– Сегодня мне повезет?

Он покраснел.

– Дай подумать... Ты покупаешь мне одну из самых крутых книг и ведешь в джаз–бар. С уверенностью можно предположить, что по возвращении домой удача определенно будет иметь место.

– Удача в чем именно? – прошептал я. – Знаю, мы договорились дождаться выходных, но парню позволено надеяться, да?

Эндрю злобно усмехнулся.

– Все зависит от того, чем ты меня накормишь.

– О, все ясно, – пошутил я. – Твои ожидания: книги, джазовая музыка и ужин.

Он фыркнул.

– У меня есть стандарты.

Я засмеялся и, взяв его за руку, повел к кассе. Эндрю посмотрел на книгу с рецептами.

– Ты серьезно купишь мне кулинарную книгу для «чайников»?

– Естественно. Миссия всей моей жизни – научить тебя готовить.

Он нахмурился, но вряд ли всерьез. Больше походило на улыбку, чем на обиду.

– Буду готовить, только если ты поможешь.

– По рукам. – Я заплатил за книги и, получив от кассира пакет, повернулся к Эндрю.

Глубоко вдохнул и медленно, словно букет, протянул ему. – Для тебя.

Я ждал язвительного комментария или хотя бы закатившихся глаз, но он лишь слегка зарделся и смущенно улыбнулся. И любезно принял книги.

– Спасибо.

Хотелось его поцеловать. Так сильно хотелось скользнуть рукой вдоль его подбородка до шеи, что аж ладонь покалывало. Но не стал. В магазине было полно народу, а мы еще не обсуждали публичные проявления чувств, если только речь шла не о темном баре.

Держаться за руки – одно дело, целоваться – другое.

– Нам стоит уйти, – прохрипел я и откашлялся. – Бар недалеко отсюда.

Эндрю облизнул губы, словно столь же сильно желал меня поцеловать, но вместо поцелуя секунду разглядывал меня, а потом кивнул.

– Да, стоит.

Я направился к выходу, напоминая себе, что обещал ему джаз–бар. Хотя вернуться к нему и улечься в постель казалось более привлекательной идеей. Но, как хороший мальчик, вместо поездки домой на такси, я указал вверх по улице.

– Сюда.

Глава 10

Свежий воздух, словно волшебный антидот, остыл возникшее между нами сексуальное напряжение. Потребность прижать его к стене в темном переулке и, проскользнув между бедер, целовать до тех пор, пока он не сдастся, будто растворилась в ночном ЛА. Но полностью не исчезла, а всего лишь спряталась, подбивая начать с места остановки, как только подвернется идеальный момент отправиться домой.

По пути мы по-быстрому перекусили, стремясь поскорее заценить джаз-сцену. А приблизившись к бару, нам пришлось перебегать улицу, и Эндрю взял меня за руку и отпустил только возле входной двери. В баре было темно и не особо людно, так что спокойно можно было остаться незамеченными и пристроиться в уголке со всеми удобствами. Стиль «потертый шик» напомнил мне о притоне богемных поэтов, однако смотрелся элегантно, видимо, только им и объяснялся смехотворный ценник на напитки. Я велел Эндрю занять столик, а сам направился к барной стойке. Пока ждал, обратил внимание на расположенную вдоль дальней стены сцену. Там разместились старое фортепиано, контрабас, кларнет и тромbones на подставках. Инструменты без музыкантов выглядели немного тоскливо и одиноко. А глянув на сидевшего за столиком Эндрю, я заметил, что тоже смотрел на сцену. И светился от радости.

Какого лешего бывший не водил его в джаз-бар мне так и не доведется узнать. Будь моя воля, приглашал бы его сюда ежедневно. Просто чтоб любоваться его улыбкой.

Прервавшему мои размышления бармену я заказал два пива и наконец-то рухнул на сиденье рядом с Эндрю. Протянул ему бутылку и прижался коленом к его колену.

– Неплохо смотрится, – кивнул я на сцену.

Все еще ухмыляясь, он согласился.

– Да. – Он сделал глоток. – Как ты и предсказывал, Лэнс появился. Что он сказал?

Я проглотил пиво.

– Что хочет с ним повидаться. Тут два варианта: либо он говорит и ведет себя искренне, либо талантливо играет.

– И что думаешь?

Я пожал плечами.

– Без понятия, что о нем думать. Хочется поверить, но есть в нем что-то неуловимое, что не поддается объяснению.

Эндрю отпил пива и кивнул.

– Знаешь, что говорят о шестом чувстве?

– Что можно видеть мертвых?

Он рассмеялся.

– Нет. Что это чувство без повода не появляется. Волоски на затылке встают дыбом по конкретной причине. Жуткое ощущение предупреждает об опасности. Такое вполне возможно.

– Ты в него веришь?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Да, верю.

– И в судьбу веришь?

Его глаза чем-то сверкнули – весельем, смелостью, честностью? – и ответил он спустя секунду.

– Никогда не приходилось. Я больше склонен к логическому и научному мышлению.

Скрывая улыбку, я отхлебнул пива.

– Ты использовал прошедшее время, то есть раньше не приходилось, а теперь приходится?

– Присяжные еще не заседают. Решение по мне еще не принято.

– Вопрос не такой уж и сложный. Да или нет?

– А ты?

– Да.

– Ты веришь, что если суждено, то так и случится?

– Думаю, мы выбираем наш собственный путь, самостоятельно принимаем решения, но мне кажется, люди не зря приходят в нашу жизнь.

– Значит, ты сам решил приехать в Америку?

– Сам, но мне было суждено здесь оказаться.

– В твоем умозаключении нет ни грамма логики, – оспорил он. – Двух вариантов быть не может.

– Кто сказал?

Он смущенно нахмурился.

– Правила судьбы.

– Правила судьбы?

Он зашелся в хохоте.

– Захлопни.

– Они что, существуют?

– Да! Я только что их придумал.

– Выходит, вся наша жизнь и наше существование – какая–то вселенская настольная игра, где наши создатели бросают кости и перемещают по доске крошечные фигурки?

Он снова засмеялся.

– Ага, именно, – произнес он, закатив глаза. – Как игра «Жизнь», только настоящая.

– Ну, тогда мне стоит от души поблагодарить своего создателя, что выбросил цифру, приведшую тебя ко мне, – сказал я и, не отрывая от него взора, отпил пива. – Встретив тебя, я очутился на Мейфэрэ.

– Мей кто?

– Мейфэр. Темно–синяя улицу для богатеев в «Монополии».

Он расхохотался.

– Ты, наверно, имел в виду Бордуок. Отношения к игре «Жизнь» он не имеет, но да ладно. В то же мгновение на сцену поднялись несколько парней и уселись на табуреты рядом со своими инструментами. Общаться стало невозможно. Все свое внимание Эндрю переключил на них. Ну, почти все. Он немного развернулся и теперь сидел к ним лицом, а его рука лежала на моем бедре. Судя по виду, он был счастлив и заинтригован. Выступала группа потрясающие. Звучали знакомые Эндрю композиции. Казалось, он по–настоящему впечатлился. Вряд ли меня можно посчитать экспертом, но я наклонился к нему и зашептал:

– Ты сыграешь гораздо лучше.

Эндрю хмыкнул.

– Пожалуй, нет.

Я откинулся на спинку сиденья.

– Пожалуй, да.

Он покачал головой, полностью отвергая мои слова.

– Думаю, ты субъективен.

– Думаю, ты сексуален.

Он рассмеялся, теплое дыхание защекотало мою шею, и я уже было собрался отодвинуться и поцеловать его, как вдруг музыка остановилась. Объявили небольшой перерыв. Помещение заполнилось болтовней, а фоном заиграла музыкальная запись, не шедшая в сравнение с тем, что мы только что слушали.

– Тебе стоит сыграть на фортепиано, пока идет перерыв, – предложил я.

– Что? – встревожился он. – Да ну!

– Ну, да. Преподай людям урок музыки.

Он покачал головой.

– Нельзя играть на чужом инструменте, Спэнсер.

– Это какой–то смертный грех?

– Безусловно.

– А если сначала все–таки спросить? – Я осмотрелся вокруг в поиске игравшего на фортепиано парня, но так его и не увидел.

Эндрю схватил меня за руку.

– Нет–нет. Даже не думай. – Он глянул на часы. – Пошли, пора домой. Утром на работу.

– Впереди еще сет, – глядя на сцену, попытался я его образумить, но Эндрю уже поднялся. И взял подаренные мной книги.

– Ничего, если мы уйдем раньше? Вечер прекрасный, но уже почти одиннадцать.

– Конечно, – отозвался я, тоже поднимаясь. – Я не хотел тебя пугать. Без твоего разрешения я бы не стал спрашивать.

Он натянуто улыбнулся.

– Не в том дело...

Бросалось в глаза, что было все совершенно иначе.

– Нам лучше доставить тебя домой до полуночи.

– Я не превращусь в тыкву, – пробормотал он.

– Какая жалость. Люблю поесть тыковки.

Он снова засмеялся. На этот раз от души.

Мы поймали такси и забрались на заднее сиденье. Эндрю назвал свой адрес, сел почти вплотную ко мне и взял за руку.

– Самый классный вечер в моей жизни, – признался он. Его явно не беспокоило, что таксист мог нас слышать. – Но я подумал, что нам потребуется время, чтобы сначала добраться до дома, а потом лечь спать... – Он покраснел.

М–м–м, внутри потеплело от одного только намека на нечто непристойное.

– Мне стоит знать о каких–то конкретных планах?

– Мы могли бы сымпровизировать, – ответил он.

– Импровизировать я люблю.

Он вздохнул и приник ко мне. Пробок на дорогах не наблюдалось, впереди нас ждала пятнадцатиминутная поездка. Я не осуждал его, что он чувствовал себя вполне комфортно. Я обвил его руками за плечи, а он довольно вздохнул.

– Могу я задать вопрос?

– Разумеется, – отозвался я, надеясь, что вопрос будет с подтекстом. Ментальная прелюдия всегда забавляла. – Но пока ты не спросил: нет, обнаженным в «Твистер» я не играл никогда.

Он фыркнул.

– Мой вопрос не о том.

– Жаль.

– А о твоей семье.

Я потрясенно моргнул. Неожиданная смена темы.

Он сел прямо.

– Нет, ничего, прости. Не стоило ничего говорить.

Я не мог сообразить, что ему хотелось выяснить. С нашего первого совместного дня я о них не упоминал. А точнее после моего срыва, когда я решил, что Эндрю вернулся к бывшему. Да я даже не думал о них с тех пор. Был слишком поглощен Эндрю. И слишком счастлив.

– Все нормально. – Я громко сглотнул. – Спрашивай.

– Нет, глупость. Не надо было о них вспоминать.

– Ты уже вспомнил. Так что спрашивай.

Он нахмурил лоб, и уголки губ опустились.

– Вопрос больше о судьбе и участии. Ты говорил, что веришь, будто все происходит по определенной причине... – Он пожал плечами. – Просто забудь. Извини.

– Раз я верю в наличие конкретных причин, что тогда может означать отказ от меня моей семьи?

Он нахмурился и отстранился, создавая тем самым расстояние между нами.

– Прости.

– Эндрю, прекрати извиняться.

Он покачал головой.

– Ты же знаешь, я так делаю. Разрушаю все. Оскорбляю людей своими словами, и все разрушаю.

– Ничего ты не разрушил.

Он закатил глаза, и было не совсем ясно: жест нацелен на меня или на него самого? Он точно на себя злился. Стиснув челюсти, уставился в окно, словно не мог вынести моего присутствия. И будто по щелчку от меня закрылся. Понятное дело, в отношениях я был новичком, во всей этой схеме ни черта не смыслил, да и от природы был склонен защищаться. Но его реакция на самого себя полностью сбивала меня с толку. Каким образом мы перешли от лучше вечера в нашей жизни к молчаливой пустоте?

– Эндрю, посмотри на меня.

Он посмотрел и ждал продолжения моей речи.

– Заданным вопросом ты ничего не разрушил.

– Он был бес tactным. Мне стоило думать лучше.

– Я не стеклянный, – проговорил я, начиная раздражаться из-за того, что он считал меня настолько хрупким. – Да, мне... тяжело рассказывать о семье. Тот срыв, когда мы встретились, сочетал в себе кучу факторов. Прости, что ты стал его свидетелем. Но это не значит, что теперь ты должен ходить вокруг меня на цыпочках. Если ты, мать твою, хочешь что-то знать, просто спроси.

Он шокировано моргнул.

– Ты злишься, – прошептал он. – Видишь, что я натворил?

– Я злюсь не из-за вопроса о семье, Эндрю. Я злюсь, потому что ты считаешь, что рядом со мной должен себя цензурить. И стоило мне засомневаться, как ты воздвиг между нами стену.

Он тяжело сглотнул.

- Прости.
- Пожалуйста, перестань извиняться.
- Но мне правда жаль. Я уничтожил идеальный вечер.
- Ничего ты не уничтожил.
- Ты на меня злишься. Вечер смело можно расценивать как уничтоженный.
- Я провел руками по волосам и заметил, что такси вывернуло на улицу Эндрю.
- Я не злюсь, – мягко заверил я.
- А сказал, что злишься, – возразил он.
- Такси остановилось, и я повергено вздохнул. Мне стоило выйти вместе с ним? Ему хотелось? Он опустил ладонь на дверную ручку.
- Просто езжай домой, – изрек он.
- Ну, ладно. Хоть гадать не пришлось.
- Он распахнул дверцу, а я схватил его за руку.
- Эндрю, что произошло?
- Он печально улыбнулся.
- Сказал же: я все разрушил. – Он передал водителю деньги и вышел. Обернулся ко мне, и от выражения его лица мое сердце сжалось. – Я тебе позовню, – выдохнул он и захлопнул дверь.
- И я остался в одиночестве. Голова шла кругом. Я не имел ни малейшего понятия, какого хера случилось.
- Куда? – спросил таксист.
- В зеркале заднего вида я посмотрел водителю в глаза. В подсознании промчались все раздражающие книги и все тупые фильмы, где герои препирались из-за какой-нибудь чуши и не планировали друг друга понимать, а гордость срать на все хотела. Как же бесило, что они ни фига не могли повести себя по-взрослому и поговорить. Какая банальность. Какая незрелость. А теперь я осознал, что такое бывает и в реальной жизни. Все равно подобное раздражало.
- Я вытащил кошелек и бросил таксисту десятку за ожидание.
- Прямо сюда, приятель. – Я выбрался из машины, захлопнул дверцу и направился к Эндрю.
- Он только что отпер дверь ключом.
- Что тытворишь? – поинтересовался он.
- Я схватил его за руку и втащил внутрь.
- Мы, блин, поговорим.
- В квартире, кроме слабо освещавшего гостиную коридора, царила темнота. Словно оборонительный щит, он держал в руках купленные мной книги, но я забрал их и бросил на диван. Он уставился в пол, и, казалось, будто готовился разреветься.
- Я сделал единственное, что смог придумать – притянул его к себе. Обхватил его руками, а он столь же крепко вцепился в меня. Как же было хорошо. Правду говорят: объятия обладают целебными силами. Он идеально мне походил. Не в сексуальном плане, а в смысле решения проблем. Я чувствовал, как напряжение покидало его плечи, а спустя мгновение он расслабился окончательно.
- Не знаю, что произошло, – пробормотал он мне в рубашку.
- Я немножко отдинулся и, приподняв подбородок, поцеловал его. Нежно. Эмоционально.
- Пожалуйста, никогда не отмалчивайся, – прошептал я. – Не отшивай меня, не игнорируй меня. Это единственное... – Я с трудом сглотнул. – Так поступили они.

Его глаза расширились, а потом медленно закрылись. До него дошло, что речь шла о моей семье.

– Боже мой, Спэнсер, прости.

– Злись, огорчайся, но, пожалуйста, никогда не уходи.

Он взял мое лицо в ладони и поцеловал, после чего я уткнулся ему в шею. А он крепко меня обнимал.

– Я не подумал, – сказал он. – И реально облажался.

– Нет, – пробубнил я ему в шею. – Мы учимся по ходу, вот и все.

– Спасибо, – прошептал он, прижимаясь губами к моему виску. – Спасибо, что не уехал домой. Спасибо, что заставил выслушать.

Я отступил назад и обхватил его лицо руками, пробегая большими пальцами по подбородку.

– Ты закрылся от меня.

– Знаю. Я не хотел. Вечер был идеальным – у меня правда был самый лучший вечер в жизни – и я мечтал вернуться с тобой сюда и вместе лечь в постель. Думал, что сегодня могла бы быть та самая ночь, понимаешь? Но потом я ляпнул те бессмысленные слова. Все из-за нервов. У меня отсутствует фильтр, и я всегда был социально неадаптирован. Мучительно так жить. Серьезно. Хотелось бы научиться не поганить настроение.

Я поцеловал его веки, щеки, затем губы.

– Ты ничего не поганил.

Он фыркнул.

– Ну, окей.

– Я все еще здесь, разве нет?

Он уставился на меня.

– Да. Спасибо, что вышел из такси.

– В фильмах меня всегда выводили из себя ситуации с недопониманием. Такое клише. К тому же, Эндрю, мы не клише. Мы не «Когда Гарри встретил Салли». Мы больше похожи на «Семь». С головой в коробке.

Он моргнул.

– «Семь»?

– Ну, не в плане убийц–психопатов, а в смысле неожиданности. Никто не ожидал головы в коробке.

Он наконец–то рассмеялся.

– Никаких изуродованных голов в коробках и никаких уходов.

– Да.

Он глубоко вдохнул и прильнул к моей руке.

– Не хочу заниматься сексом.

Я хохотнул.

– Ладно.

Как по тревоге, он выпрямился.

– Нет–нет. Я не о том. О, Господи, опять повторяюсь. В смысле сегодня. Случай неподходящий. Не хочу, чтоб происходящее напоминало трах из жалости.

Теперь я смеялся во все горло. Долго и громко.

– О, Эндрю… – Я поцеловал его. – Ты единственный в своем роде.

Плечи его опустились, и он отвел от меня взгляд.

– Ты все равно останешься?

Я приподнял его голову, чтобы он мог увидеть мою улыбку. И вновь его поцеловал.

– Останусь. Без секса. Но мне хочется проснуться рядом с тобой. Так пойдет?

Он кивнул.

– Вполне.

– И с тобой никогда не будет траха из жалости.

– Я несу тупейшие вещи.

– А у меня глупый мозг, так что мы идеальная пара.

– У твоего глупого мозга хотя бы есть фильтр. – Он моргнул. – Я не имел в виду, что твой мозг на самом деле глупый.

Я фыркнул.

– Давай на сегодня закончим.

Он медленно кивнул.

– Отличная мысль.

Взял за руку, я повел его наверх, в спальню. Мы не стали принимать душ и даже чистить зубы. Просто разделись до нижнего белья и легли в постель. Он скользнул ближе и положил ладонь мне на грудь, а мои руки инстинктивно его обняли. Дышал он ровно, а я чувствовал каждый взмах его ресниц. После долгого молчания я произнес:

– Можно ответить на твой вопрос?

Он молча ждал продолжения.

– Я верю в судьбу. Верю, что моя семья отказалась от меня по веской причине. В основном, конечно, родители. Я провел несколько потрясающих лет с добрейшей женщиной, тетей Марви. Хотелось бы думать, что последние несколько лет ее жизни благодаря мне стали счастливее. Да, она оставила мне денег, но я отдал бы их все в обмен на еще один проведенный с ней день. Я приехал в ЛА, встретил Лолу и Эмилио. Друзей лучше желать просто нельзя. И встретил тебя. – Сердце готовилось разорваться на части, но я должен был высказаться. – Именно такой жизнью я должен жить. Прямо здесь, прямо сейчас, с тобой в постели.

Эндрю приподнялся и посмотрел мне в глаза.

– Спэнсер, – прошептал он и, коснувшись ладонями моего лица, поцеловал. Ласково и сладко, без напора. Оторвавшись от меня, он прислонился лбом к моей щеке и улегся рядом.

Я сдвинулся на свою половину кровати. Он остался на месте. Голова его покоилась в сгибе моей шеи, и мы уснули, запутавшись друг в друге.

Глава 11

Я проснулся, когда Эндрю поднялся с кровати.

– М–м–м–м, – проворчал я. – Вернись. – Должно быть, во сне я жался к нему, потому что моему телу из–за его ухода стало холодно.

Он усмехнулся.

– Хоть кто–то из нас обязан пойти на работу, – сказал он, двигая в сторону ванной.

– Я работаю, – сонно возразил я. – Типа.

Послышался звук льющейся воды, и я перекатился на спину. Его постель действительно была самой удобной постелью в мире. Рука сама собой опустилась стиснуть утренний стояк. Единственное, что я знал наверняка: моему телу понравилось соседствовать с Эндрю.

Мое сердце тоже не возражало.

Несмотря на события прошедшего вечера, я не сомневался, что все у нас будет хорошо.

А потом до моего одурманенного сном мозга дошло...

Обнаженный Эндрю находился в соседней комнате, весь такой мокрый и в мыльной пене...

Вскочив с кровати и обратив внимание, что он оставил дверь приоткрытой, я постучал и осторожно вошел.

– Есть возражения против компании?

В его ладони был налит шампунь, но мои глаза сосредоточились на его обстоятельно набухшем члене. Я тяжело сглотнул, а мой член отяжелел от открывшейся взору картины. Он рассмеялся.

– Вообще никаких возражений. Но через двадцать минут я должен уйти. Я уже и так пропустил зал.

Я стянул трусы, выпуская на свободу свою страждающую и уже сочившуюся влагой эрекцию.

– В самом деле?

– Да. Проснулся–то я вовремя, но в моей постели лежал притягательный парнишка и обнимал меня, а его борода прижималась к моему уху.

Я шагнул под душ. Он не отрывал от меня глаз. Его самоконтролю можно было позавидовать. Я провел кончиками пальцев по бороде.

– Она тебе нравится?

– Я ее обожаю, – прошептал он.

Я встал прямо перед ним. Пар заполнял пространство между нами. И тут я припомнил его слова.

– Двадцать минут?

Либо он умел читать мысли, либо что–то в моем тоне выдало меня, потому что на его лице появилась улыбка.

– До выхода из дома. А не двадцать минут в душе.

Я опустился на колени.

– Я не долго.

Он застонал еще до того, как я принял его в рот. Пальцами он вцепился в мои волосы и направлял меня так, как ему нравилось. Никогда бы не подумал, что он любитель траха в рот. Но именно им он и занимался, а спустя всего несколько минут кончил мне в горло.

Он вырвался из моего рта и, потянув за волосы, откинулся мою голову назад, прижимаясь ко

мне губами. Затем поднял меня на ноги и опустился на колени, возвращая должок. Хотелось бы думать, что я продержался дольше, но, честно говоря, сомневаюсь. Меня буквально размазало по плитке, сквозь пар виднелись звездочки, а мысли в голове отсутствовали напрочь.

Он выключил воду и со смешком бросил мне полотенце.

– Ты там жив?

– М–м–м, вряд ли. – Я насухо вытерся и, накинув полотенце на голову, взлохматил волосы.

Эндрю стоял возле умывальника в обернутом вокруг талии полотенце и чистил зубы. А посмотрев на меня, хмыкнул.

– Классно смотрится, – побормотал он с зубной щеткой во рту.

Я набросил полотенце на плечи, стоя позади него обнаженным, и стащил со стойки расческу. Причесался, пригладив волосы и разделив их на пробор. Совершенно не моя прическа. Эндрю закончил чистить зубы и, заметив меня, зашелся в хохоте.

– М–м–м–м, – неодобрительно протянул он. Потом пробежался пальцами по моим волосам и взял расческу, укладывая так, как ему видимо было по душе.

В зеркале отражалась моя привычная прическа – выбритая по бокам, длинная на макушке, правда, он соорудил мне челку. Не произнеся ни слова, он начал наносить пену на лицо, а я, замерев, любовался им. Тщательно, штришок за штришком он удалял белую пену и щетину с лица, осторожно приподнимал и поворачивал подбородок, чтобы добиться удобного угла.

Мне на удивление понравилось наблюдать за ним.

Я осмотрел в зеркале свою бороду.

– М–м–м, может, мне побриться?

Эндрю ополоснул лицо и вытер его висящим на моих плечах полотенцем. И покачал головой.

– Ничего не менять.

– Тебе нравится моя борода?

Он улыбнулся. Можно сказать, смущенно.

– Да. До тебя не я задумывался о бородатых парнях. Но мне нравится, да.

Я снова посмотрел на себя в зеркало.

– Нужно ее подстричь.

– Стрижка еще куда ни шло, но не сбивай.

От его тона я улыбнулся.

– Звучит как приказ.

Когда я обернулся, он таращился на мою голую задницу. А поняв, что пойман, беззастенчиво пожал плечами.

– Я мог бы привыкнуть к такому виду по утрам.

Я кивнул в сторону душевой.

– Я мог бы привыкнуть к минету в ванной по утрам.

Набрасывая халат, он расхохотался.

– И к этому тоже.

– Эй, я возьму пасту? – спросил я.

– Разумеется, и тебе даже не придется ее возвращать. – Он остановился, стащив с талии полотенце, и нахмурился. – Я так и не купил запасную щетку. Думал, что у меня есть, а на самом деле нет.

– Мы вроде решили, что для зубных щеток слишком рано, – пошутил я лишь наполовину и поднял палец. – До возвращения домой он меня устроит. – Я выдавил немного пасты на указательный палец и, если так можно выразиться, почистил зубы. Прополоскал рот и сплюнул в раковину. – Все лучше, чем совсем не чистить.

– Верно, – отозвался Эндрю. Он уже натянул трусы, но мне выпало удовольствие подсмотреть, как он надевал синие брюки и белую рубашку. Застегивая пуговицы, он улыбнулся. – Так и будешь плятаться?

– Ага.

– А одеваться не планируешь?

Я все еще был обнажен.

– Только если придется.

– Я–то не против… – Он прошелся взглядом по моему телу сверху донизу. – Но общественность может не оценить подобный видок.

С собой чистой одежды у меня не было, поэтому, пожав плечами, я ворвался в его гардеробную. Нашел старые черные брюки, у которых пришлось подворачивать брючины, чтоб они хоть немного сошли за мои.

– Тебе придется весь день думать об отсутствии у меня нижнего белья, – произнес я. Он простонал, а я улыбнулся и вытянул из стопки аккуратно сложенных футболок розовую.

– Никогда не носил эту футболку, – сказал он. – Мама купила в прошлом году. – Он осмотрел меня с головы до ног. – Как ты умудряешься хорошо выглядеть в любой одежде? Ни за что бы не надел такое сочетание.

Я снял с вешалки серый жилет и вручил ему.

– С этими брюками? – Он посмотрел на меня так, словно я не в своем уме.

– Да.

Он что–то неразборчиво пробурчал, но жилет все–таки натянул. Я одобрительно кивнул и развернул его, чтоб он смог посмотреться в зеркало.

– О, не плохо.

– Не плохо? Охереть как круто. – Одной рукой я обнял его за шею и притянул для поцелуя. Другой рукой провел по заднице, приподнимая ногу и закидывая себе на бедро, и погрузился языком в его рот.

Когда с поцелуем было покончено, он был явно ошеломлен, отчасти расстроен и очень опьянен. И лениво улыбнулся.

– Ого.

Я рассмеялся.

– Об этом тоже можно думать весь день.

Медленно он произвел внизу небольшую корректировку.

– Спасибо.

– Большое пожалуйста. – Я собрал в спальне свои шмотки. – Идем, или ты опоздаешь на работу.

Он бросил взгляд на смятую постель, потом на меня и облизнул губы.

– Я подумываю сказаться больным.

Я хохотнул.

– Нет, не нужно. Не собираюсь нести ответственность за твою низкую продуктивность.

Пройдя мимо меня, он направился к двери.

– Оставшись здесь, мы могли бы быть очень продуктивными.

Теперь перестановка понадобилась мне, чего он, к счастью, не заметил. Если б увидел, не сомневаюсь, его дом мы бы еще долго не покинули. Когда я спустился вниз, он сидел на диване и надевал носки и ботинки, а закончив, поднял брошенный вчера бумажный пакет. Он вынул купленные мной книги и вздохнул.

– Еще раз спасибо, что купил их мне. Ну, – исправился он, – кулинарная не очень-то, но эту... эту я обожаю. – Он уставился на выбранную мной книгу «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». А потом поднял взор на меня. – И спасибо, что вчера не уехал домой, что не сдался.

– Пожалуйста.

Он поднялся и подошел ближе, посмотрел мне в глаза и произнес:

– Обещаю говорить с тобой. И больше не закрываться.

При свете дня собственная неуверенность ощущалась иначе. Не понятно почему, но разговаривать о подобных вещах в темной комнате казалось проще. Вновь поднятая тема слегка смущила. Какая ирония, сам же просил об общении.

– Спасибо.

– Мне правда жаль, что я должен идти на работу, – прошептал он.

– Мне тоже, – честно ответил я. – Но утром я обещал помочь Эмилио, а в обедник Лола отвезет меня в колледж на поиски Янни. Эта попытка станет последней.

Он сощурился.

– Что еще за обедник?

– Ну, в полдень. Австралийский эквивалент.

– А-а. – Он рассмеялся, взял ключи и кошелек и открыл дверь. – А австралийцы правда говорят «вот так да»?

Я прошел мимо него.

– Как правило, нет. Никогда.

Мы добрались до его машины.

– А «как оно, бро» вместо «привет»?

– Постоянно. Но обычно либо «как оно» либо «бро». Можно сказать «как оно?» либо «привет, бро». Вместе они употребляются редко. Если только в качестве стеба.

– То есть, чтоб стать австралийцем, все-таки нужна лоботомия?

Я уставился на него поверх крыши машины.

– Я оскорбился.

Он засмеялся.

– Не правда.

Он забрался на водительское сиденье, я – на пассажирское.

– К твоему сведению, я оскорбился. А еще обиделся, что утром ты не подал мне зеленый чай.

Он вырулил на улицу и осторожно глазел на меня.

– Для начала стоит его купить.

Я фыркнул.

– А завтрак? Он где?

– Хм, было уже поздно, а я и так пропустил зал.

– Белковый коктейль в душе был, конечно, хорош и всякое такое, но его явно не достаточно, чтоб быть в форме.

Он залился смехом, и его щеки порозовели.

– Боже мой, Спэнсер.

– Ты смущался?

Взглянув на меня, он пытался не улыбаться, но не вышло.

– Немного, да.

– И теперь ты думаешь о нашем занятии в душе?

– Я не думал. – Он поерзал на кресле. – Зато теперь думаю.

– А еще думаешь о том, что на мне нет белья?

Он стрельнул в меня глазами, потом перевел взор на дорогу и тяжело сглотнул.

– Нет.

– Врун.

Он поежился.

– Ненавижу тебя.

Я хмыкнул.

– Не правда. – Я взял его свободную руку и поцеловал. – Мне жаль.

– Нет, тебе не жаль.

– Вообще не жаль. – Мы оба улыбались, и я устроил его руку на своем бедре. – Но оставшуюся часть поездки обещаю говорить на другие темы.

– Надо было отправить тебя на автобус. – Он сжал мою руку. – Но смена темы – хорошая идея.

Я вздохнул.

– Чем займешься вечером?

– Собирался встретиться со своим парнем, но он ведет себя как придурок. Он явно хочет, чтобы на работу я пришел со стояком.

Я рассмеялся.

– До сих пор думаешь об отсутствии белья?

Он простонал.

– Ненавижу тебя.

– Не правда.

Он засмеялся.

– Не правда. Но я подумал сходить вечером в зал. Увидимся завтра вечером?

– Разумеется. О, завтра я покупаю всем обед в качестве «спасибо» за помощь, что не дали сбежать одному очень сексуальному парню, который мне нравился. – Я покачал головой.

– Неужели прошла всего неделя?

Он стиснул мою ладонь.

– Знаю. Верится с трудом, да? И для протокола: сбегать я не собирался.

Я поцеловал его руку и вернул обратно на бедро.

– Но в выходные ты полностью мой, так что планы не строй.

Он самодовольно улыбнулся.

– Полностью твой?

В обозримой близости уже замаячил салон Эмилио, времени было в обрез.

– Да. Мы же договорились дождаться выходных, чтобы затрахать друг друга до потери рассудка, помнишь?

Глаза Эндрю расширились, и он разрумянился.

– Точно.

– Я подумал, что всю субботу ты трахаешь меня, а в воскресенье – мой черед.

Дыхание его участилось, и он попытался перестроиться в другой ряд. Не произнеся ни слова, он остановился перед салоном, а я прижал его ладонь к своему набухшему члену и прошептал:

– От одной только мысли... – Я застонал. – Придется подняться наверх и позаботиться о себе.

Он всхлипнул и вздрогнул, отдергивая руку.

– Ненавижу тебя.

Я расхохотался, наклоняясь и целуя его в щеку.

– Не правда. – Я вышел из машины и смотрел в след уезжавшей машине. А входя в салон, все еще посмеивался.

– Привет. Ты слишком радостный для этого времен суток, друг мой, – сказал Эимлио.

– Дай мне десять минут. Нужно избавиться от шмоток. – Я указал на пакет со вчерашней одеждой. – Потом сбегаю за завтраком. Как тебе?

– Отлично, – откликнулся он.

Через черный вход я добрался до квартиры. Дело было не только в одежде. Говоря Эндрю, что мне придется позаботиться о себе, я не шутил. И спустя всего пару минут достиг кульминации, несмотря на то, что сегодня уже кончал. Одна лишь мысль о сексе с ним добила меня. Сполоснувшись и начав ясно мыслить, я послал Эндрю сообщение:

«Поздравляю, только что ты сыграл главную роль в самой быстрой мастурбации века».

Ответ от него пришел, когда я отправился за завтраком: *«Я прочитал твое смс и чуть не разбил машину»*.

Я набрал его номер.

– Ты в порядке?

Он засмеялся.

– Да, я в порядке. Но все равно тебя ненавижу.

Я хмыкнул в трубку.

– Не правда.

Голос его смягчился, когда он ответил:

– Действительно, не правда.

Глава 12

— Только посмотрите на его ухмылочку, — с улыбкой сказала Лола. — Я так понимаю, вы с Эндрю...? — она многозначительно умолкла и поиграла бровями.

Я оторвался от доставленных заказов, которые сверял по счету-фактуре.

— Мы с Эндрю впервые поругались.

Она остановилась, радость превратилась в замешательство.

— Что?

— Произошло что-то наподобие ссоры. Вроде как... Честно говоря, я не уверен.

— Но вы помирились?

— Да, — медленно кивнув, ответил я. — Отношения — странная штука.

— Насчет чего ругались-то?

Я выложил всю информацию о прошедшем вечере, начиная с появления Лэнса в книжном магазине до момента моего выхода из такси и разговора с Эндрю.

Габ сочувственно кивнул.

— Словами не передать, сколько раз мне приходилось униматить Лолу, потому что она психовала и не хотела разговаривать.

— Слишком психовала, чтоб разговаривать, — не очень-то вежливо поправила она.

— В этом суть отношений, — произнес Габ. — Они странные, сложные и требуют огромных усилий.

— Ты как будто о работе говоришь, — отозвалась она. — Разве оно того не стоит?

Габ улыбнулся и проговорил:

— Лола, любовь моя, ради одного дня с тобой я бы сгорел в геенне огненной.

Она хмыкнула и посмотрела на меня.

— Понял? Вот что называется верным ответом.

Она чмокнула Габа в щеку и сунула мне в руки набор для макияжа.

— Готов?

— Да. — После чего исправился: — Готов, что ты отвезешь меня на поиски Янни. Но не готов умереть в машине под названием «Синди Кроуфорд».

Лола зыркнула на меня.

— Я слышала, автобусы ходят по расписанию.

Я рассмеялся и направился к двери.

— Что-то похожее утром сказал Эндрю.

Академия актерского мастерства и кинематографии «Пол» оказалась крошечной. Если первый колледж больше походил на университет, то этот — на офис государственного ведомства или даже на медицинскую клинику. Он была старым, наверняка почти не финансировался и, скорее всего, имел волонтерский центр. Даже в старых брюках и простецкой футболке я смотрелся раздетым. Не важно, по какой причине Янни пришлось сменить колледж, но ясно было одно: ничего хорошего точно не произошло.

Радовали габариты административного здания: найти здесь человека не составит труда.

Быстро огляделвшись, на пробковой доске я обнаружил расписание занятий. Разумеется, имен студентов не было, зато были указаны преподаватели, названия предметов и время начала урока. Пока студенты входили и выходили, я слонялся поблизости и ждал окончания занятий, но так и не рассмотрел никого похожего на Янни. Когда мое

пребывание там перевалило за несколько часов, молоденький восемнадцатилетний парнишка с длинными волосами и в рваных кроссовках пожалел меня.

– Ты вроде как потерялся, – сказал он.

Я постарался улыбнуться максимально дружелюбно.

– Вообще–то я кое–кого жду. Но не уверен, что нахожусь в нужном месте.

Он осмотрелся.

– Ну, вот «Пол». Добавить больше нечего. Плутать особо негде.

Я немного нервно засмеялся.

– Ты знаешь Янни Томараса?

Секунду парень меня разглядывал.

– Думаю, да.

Вздохнув, я откинулся на спинку сиденья и попытался придать себе вид человека, готового прождать хоть весь день.

– Ну, по крайней мере, я в правильном месте.

Потом парниша крикнул кому–то:

– Эй, Гари? Видел Янни сегодня?

Парень по имени Гари ответил:

– Не, еще нет. Кажется, до четырех у него урок по импровизации.

Я проверил часы: половина третьего.

– Окей, круто, – сказал я. – Спасибо.

– Да без проблем, – отозвался первый парень и удалился к компании друзей обсуждать только что завершившийся урок, не давая мне возможности хорошенько все обдумать. Ожидание началось.

Нечего и говорить, что в пять минут пятого появился похожий на Янни парнишка. Это был он. Просто обязан был быть он. Высокий, оливковая кожа, зеленые глаза, привлекательный, несмотря на запечатлевшуюся на лице печаль. Я собрался встать и подойти к нему, как раз когда его окликнула девушка. Он обернулся, и, входя в класс, они о чем–то болтали.

Значит, я все–таки его нашел. Было не очень–то и сложно, и я задумался: в чем был прикол с Лэнсом?

Он реально был настолько бестолков? Или ему просто требовался человек для грязной работы? Или мероприятие носило секретный характер, потому что на нем висели судебные запреты? Я представления не имел.

В любом другом случае я тут же позвонил бы клиенту и сообщил, что установил контакт, или просто передал бы новости, но желания звонить Лэнсу не наблюдалось. Вначале нужно поговорить с Янни.

Ровно в пять студенты начали покидать классы. Янни плелся в хвосте. Большинство учеников уже удалились, когда он вышел в одиночестве.

– Янни? – позвал я.

Вздрогнув, он остановился. И почти попятился.

– Кто спрашивает?

– Кое–кто просил тебя найти, – сказал я. – Просто чтоб убедиться, что ты в порядке. За тебя переживают.

Он покачал головой. А я заметил, что он впился взглядом во входную дверь.

– Кто?

– Лэнс Нейдер.

Янни побелел; кровь буквально отлила от лица. И картинка сложилась в единый пазл.

– Дело не в твоем отце, – пробормотал я. – А в нем.

Голос его надломился, став почти шепотом.

– Как ты меня нашел?

– Он попросил тебя выследить, – пояснил я. Казалось, Янни вот–вот вывернет наизнанку.

Я поднял руки вверх. – Нет–нет. Я не знал. Он мне врал. Все его слова оказались ложью.

– Он в курсе, где я?

– Нет.

Он покачал головой и расплакался, внезапно начал потеть и позеленел. А заговорив, больше обращался к себе, чем ко мне.

– Я не могу себе позволить очередной перевод. Я бросил работу. Пришлось бросить. Я переехал, у меня нет денег. Если он меня найдет...

Я покачал головой и протянул руку коснуться его, но остановился. А он все равно вздрогнул.

– Не думаю. Прости. Я понятия не имел. Он сказал мне, что переживает о твоем благополучии. Он говорил, что всему виной жестокость твоего отца. Но дело не в нем, да? Вот скотина.

Янни расхохотался, здорово походя на сумасшедшего.

– Моего отца? – Он покачал головой, но слова его вроде как задели. Дыхание его стало хаотическим, пот покрывал по–прежнему бледное лицо. Если б мне вдруг стало интересно, почему он до сих пор не сбежал, ответ был очевиден: в тот момент он вряд ли был способен даже нормально дышать.

Я не мог его бросить. У него началась паническая атака из–за козла бывшего, оказавшегося насильником. Так и знал, что с ним что–то не так. Стоило довериться своим инстинктам и спустя пару минут после знакомства послать его на хер. Вместо этого я нашел бедного паренька и уничтожил жалкую попытку начать новую жизнь.

– Янни, ты должен понять. Я не знал. Он мне врал.

– Он... обижал тебя? – спросил он хриплым шепотом.

– Нет, со мной все иначе. Янни, может, нужно кому–то позвонить?

Он приложил руку к сердцу и вновь покачал головой.

– Нет... все нормально, – произнес он, пытаясь дышать.

– Я тебя не оставлю, пока не удостоверюсь, что ты в безопасности, – сказал я. – Давай присядем, ты сможешь отдохнуться. Я посижу с тобой.

Он не совсем согласился, но и не возражал. Я указал на скамейку в комнате ожидания, и, кивнув, он направился к ней и буквально рухнул на нее. Он обхватил голову руками, а я пристроился рядом и ждал, пока ему станет хоть чуточку лучше.

– Он не знает, где я? – опять поинтересовался он. – Зачем ты нашел меня?

– Нет. Он не знает, где ты. Я ничего ему не говорил. Он ужасно мутный. Он попросил меня выследить тебя. Говорил, что любит тебя и беспокоится, но я ничего ему не рассказывал. Как чувствовал, что с ним что–то не так.

Янни лишь моргал, а я засомневался, что он слышал хоть слово после «нет». У меня бывали срывы, и я понимал, что у всех они проходят по–разному, но лично мне всегда требовался кто–то рядом. Никаких прикосновений, никаких «успокойся» или «дыши глубже», никаких удушливых объятий и посягательств на мое личное пространство. Мне просто нужна была компания.

Я ждал его готовности к разговору. Если ему вообще захочется говорить. Я просто сидел рядом и наблюдал за шнырявшими туда–сюда детишками и надеялся, что никто не станет останавливаться и спрашивать, все ли в порядке. К счастью, никто не остановился.

Ожидание, пока человек заговорит первым, давалось мне легко. Но я даже не догадывался, что он произнесет именно такие слова.

– Он приехал сюда за тобой?

– Что? – брякнул я, не успев остановиться. – Нет. Не думаю. – Боже. С каким же типом мы имели дело?

Янни с трудом сглотнул и посмотрел на меня. В глазах плескался страх.

– Мне нельзя здесь оставаться.

Он оглядел комнату ожидания, словно не совсем понимал, как там очутился.

– Я ночую в хостеле. Мне больше некуда идти. – Казалось, его опять тошило.

– Янни. Меня зовут Спэнсер Коэн. Позволь отвезти тебя в безопасное место.

Он уставился на меня, вытаращив глаза, и вновь позеленел.

– Ты отвезешь меня к нему?

– Нет–нет, – я поднял руки. – Боже мой, нет. Янни, я же не знал. Он врал. Попросил найти тебя. Говорил, что беспокоится о твоем благополучии. Что семья, узнав о твоих отношениях с мужчиной, причинила тебе вред.

Янни маниакально расхохотался.

– Почти правда. Но это ничто по сравнению… – Слова иссякли, когда упала первая слеза.

– У меня никого нет.

Парнишка был мной. Он проживал то, через что прошел я. Только вот я обрел семью в лице Лолы и Эмилио. А Янни – стиснутый кулак и бог знает, что еще, от рук этого монстра Лэнса.

– Янни, я знаю, каково быть одному. Честно. Родители отказались от меня, вышвырнули и вычеркнули из своей жизни, когда мне было шестнадцать. Я не смогу помочь тебе с семьей. Но смогу помочь с Лэнсом. Можешь быть уверен: один ты не останешься. Я даже не догадывался, что означают мои поиски. Пожалуйста, позволь мне исправиться. Хотя бы на сегодня. Завтра мы что–нибудь придумаем, но сегодня ты ляжешь спать, не испытывая страха.

Пролилась новая волна слез, будто мои слова задели его за живое. Он потер ладонями лицо, стиснул челюсти и раздул ноздри, точно пытался призвать откуда–то из глубины души каждую унцию силы, что посторонним людям демонстрировалось редко. И едва заметно кивнул. И этим простым жестом, без единого слова, без каких–либо других движений, он протянул руку навстречу помощи.

Такой силой я не обладал никогда.

– Хорошо, спасибо, Янни. Я позвоню своей подруге, Лоле. Она приедет и отвезет нас ко мне домой. Мы сможем продумать, что делать дальше, но, по крайней мере, здесь тебя не будет.

Он кивнул.

Я достал телефон и набрал номер Лолы.

– Лола тебе понравится. Она крошка с розовыми волосами, похожая на симпатичных девчонок из пятидесятых, но жесткая и всегда придет на выручку. Еще она водит как ненормальная, танцует как балерина и поет как ошпаренная кошка. Не передавай ей мои слова.

Янни слегка улыбнулся как раз в момент ответа Лолы.

– Спэнсер?

– Ты далеко?

– В пяти минутах. Все хорошо?

– Броде бы. Объясню, когда мы окажемся в машине.

– Мы?

– Я нашел Янни и хочу отвезти его к себе. – Янни стрельнул в меня взглядом, а я взял его за руку и, сжав ее, посмотрел на него. – Здесь есть запасной выход или что-то типа того? Он кивнул, его лицо слегка порозовело.

– Кажется, мы в Юнион-Параде, – сказал он.

– Лола, можешь вернуться? Янни говорит, мы в Юнион-Параде, но я не уверен.

– Найду. До встречи, – и она отключилась.

После пятисекундной тишины я убрал трубку в карман.

– Янни, пожалуйста, знай: мне очень жаль. Я не хотел тебя пугать.

Тогда-то и полились слезы.

И не планировали останавливаться.

Я взял его за руку и повел в заднюю часть здания к пожарному выходу. И всего минуту спустя примчалась «Синди Кроуфорд». Лола тормознула машину, взглянула на плачущего паренька и не произнесла ни слова.

Вместе с ним я забрался на заднее сиденье, так и не сообразив, что еще сделать. Давить на него не хотелось, но и оставлять одного тоже. Вместо дороги в зеркало заднего вида Лола смотрела на меня. Каким, блин, образом она умудрялась вести машину мне никогда не понять. А вывернув на бульвар, она начала болтать.

Она рассказала нам о прошедшем дне, о работе, моделях, фотографах, прохожих, обо всех мельчайших подробностях, о которых обычно не говорила. Она просто продолжала балаболить, только не ясно, для чьего комфорта.

Не сомневаюсь, Янни не слышал ни слова. Он таращился в пустоту и продолжал рыдать. Думаю, именно плач и пугал Лолу.

Тихие слезы – хуже всего. Они – признак сломленного духа. Никаких звуков, никаких эмоций... только слезы. Молчаливые, безудержные слезы.

Бедный мальчик. Не важно, что он младше меня всего на несколько лет. Мне он казался ребенком. Беспомощным, беззащитным, нуждавшимся в безопасности, уязвимым настолько, что машина с двумя абсолютно незнакомыми людьми была для него более приемлемой альтернативой, чем нашедший его Лэнс. Он не мог знать наверняка, что с нами безопаснее, но продолжать шевелиться – элемент инстинкта самосохранения. А, может, он смирился с возвращением к монстру, что над ним издевался. Единственное, что пришло мне в голову – взять его за руку.

Вряд ли он заметил.

Лола припарковалась позади салона, и я повел оглушенного и растерянного Янни к себе в квартиру. Часы показывали всего пять тридцать, на улице было еще довольно светло. Слишком светло, на самом-то деле. Пришлось даже зашторить выходившее на бульвар Эббота Кинни окно. Я предложил Янни присесть в кресло из ротанга, принес ему бутылку воды и из гостиной притащил одеяло, укрыв им ноги Янни. Спустя несколько секунд он свернулся калачиком, все еще таращась в никуда.

Я не совсем понимал, что нужно говорить или делать, и, как и много лет назад, чувствовал себя беспомощным. Не прошло и минуты, как раздался стук в дверь. Янни вздрогнул, а я крикнул:

– Кто там?

– Эмилио, дружище, – отозвался знакомый голос.

Я отпер дверь, и Эмилио вошел вместе с Лолой.

– Он настоял, – прошептала она.

Эмилио посмотрел на меня, потом перевел взгляд на сжавшегося в круглом кресле возле окна мужчину.

– Все в порядке? – тихо спросил он.

– Насчет Лэнса я угадал, – проговорил я довольно громко, чтобы Янни мог слышать. – Во всем виноват он.

Желваки на скулах Эмилио заходили, и ноздри раздулись. Его неприязнь к незнакомому человеку была очевидна. Потом Эмилио прошел к Янни и опустился перед ним на колени. Заговорил он мягко, словно с испуганным ребенком.

– Здесь ты в безопасности. Спэнсер хороший парень. Мы позаботимся о тебе.

Янни кивнул, натянул одеяло повыше и закрыл глаза. Вряд ли он собирался спать, скорее просто отключился от окружающего мира.

Эмилио вернулся ко мне и зашептал:

– Он не может здесь оставаться.

И тут очень не кстати раздался еще один стук в дверь.

– Кто там? – крикнул я.

– Эндрю. – Послышался какой-то приглушенный бубнеж. – Я могу вернуться...

Я распахнул дверь. Он был усладой для моих глаз. Моментально захотелось наброситься на него. Я втащил его внутрь и именно набросился, но он напрягся и не обнял меня в ответ. Отстранившись, я заметил, что он таращился на Эмилио и Лолу и, разумеется, на незнакомца, свернувшегося калачиком в кресле из ротанга.

– Это Янни, – мягко сказал я. – Насчет Лэнса я был прав.

На его лице промелькнули десятки эмоций.

– Ты его нашел, – пробормотал он.

– Стоило назвать имя ублюдка, как он тут же испугался. Пришлось привезти его сюда. –

Тогда я обратил внимание, что Эндрю держал в руках виниловый альбом. – Что это?

Секунду он смотрел на Янни, потом на обложку альбома.

– О, да глупость. Хотел сделать тебе подарок в качестве извинения за вчерашний вечер.

Это фортепианное исполнение «Аллилуйя» Джеффа Бакли. – Он пожал плечами. –

Пришлось сделать несколько звонков, чтобы отыскать... Просто дарить цветы очень заурядно, а я хотел извиниться.

Несмотря на сумасшедший эмоциональный день, я тихонько засмеялся. Вот и доказательство того, насколько меня понимал этот прекрасный мужчина. Я обхватил ладонями его лицо и привлек для поцелуя.

Из-за моей демонстрации чувств перед Эмилио и Лолой Эндрю покраснел и никак не мог оторвать глаз от Янни.

– Он в порядке? – зашептал он.

– Будет.

– Дело было в бойфренде?

Я кивнул.

– Никогда не видел, чтоб кто–то так дрожал от страха, – прошептал я. – А ведь я всего–то упомянул его имя.

Эндрю печально кивнул.

Я тяжело вздохнул.

– Я не знал, куда еще его отвезти. А бросить не мог.

– Не думаю, что ему стоит здесь оставаться, – сказал Эмилио. – Если Лэнс прознает, то может завалиться сюда и найти его. Особенно если он в курсе, где ты живешь.

– Никогда не называл ему своего адреса, – ответил я.

Лола нахмурилась и спросила:

– А Джерард, твой предыдущий клиент? Он же рекомендовал тебя Лэнсу? Он приходил сюда, когда ты на него работал?

Я покачал головой.

– Нет. Мы встречались в кафе или барах. Я никогда не приводил сюда клиентов. Ну, кроме Эндрю.

Лола слегка улыбнулась, хотя выглядела обеспокоенной.

– Соглашусь с Эмилио. Если Янни считает, что Лэнс мог следить за тобой… – Она покачала головой. – Спэнсер, парень говнюк. Нельзя предугадать, что он может, а что нет. Эндрю посмотрел на каждого из нас, потом на Янни.

– Я знаю, где он может остаться.

Я покачал головой.

– У тебя он не останется. Не хочу тебя вовлекать.

Эндрю покачал головой и улыбнулся.

– Нет. В другом месте.

Глава 13

Мы проводили Янни до машины, и, попрощавшись с Эмилио и Лолой, Эндрю помчал нас по сияющему ночными огнями ЛА. Он точно знал, куда нас вез, и вскоре город сменился жилой зоной. И не просто жилой. О, нет, там красовались дома богатых и знаменитых, а названия некоторых улиц были знакомы мне из фильмов. В скором времени Эндрю подъехал к огромным воротам и ввел код безопасности. Ворота открылись, и он въехал на территорию, паркуясь возле входной двери.

Ну, ладно. Об этой части жизни Эндрю я представления не имел.

Он выбрался с водительского места и открыл дверь для Янни.

– Дом на охране. Без кода безопасности никто не выйдет и не войдет.

Молчавший почти весь день Янни вылез из машины. Он словно одеревенел, скорее всего, из-за усталости. Глаза его слипались, а я задумался: когда в последний раз он спокойно спал?

Входная дверь открылась.

– Эндрю?

Обернувшись, я увидел его маму, стоявшую в дверном проеме. Выглядела она, как и в прошлый раз, эффектно. Мы приехали в дом его родителей? *Господи боже!*

Она посмотрела на сына, потом на меня, затем на Янни и вновь перевела взгляд на Эндрю.

– Эндрю, все в порядке? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Можно нам войти?

Она отошла в сторонку.

– Конечно, пожалуйста.

Эндрю шагал впереди. Мы оказались в огромной дорого меблированной комнате отдыха. Или гостиной? Без понятия, как американцы зовут такие комнаты. У родителей и тети Марви была гостиная. Тогда-то я и обратил внимание, что Янни таращился на мать Эндрю. Он нервно вздохнул и уставился в пол.

– Миссис Хелен Лэндон, какая честь.

Окей, я растерялся.

– Ты знаешь его маму? – слова покинули рот, не давая моему глупому мозгу шанса среагировать.

Янни нервно зыркнул на меня.

– Прошу прощения. Я предполагал, что все знают. Извините, если сказал что-то неуместное, – прошептал он. Слова прозвучали настолько сломлено, что по ощущениям походили на пощечину. Какой же ад пережил парнишка?

– Все хорошо, дорогой, – откликнулась миссис Лэндон. – Меня все еще узнают.

Узнают. Я внимательно оглядел комнату и на камине обнаружил множество статуэток и наград. Потом припомнил слова Эндрю, что его родители «театралы». А Янни учился на актерском...

– Ой.

Эндрю переборол улыбку, но довольно быстро посерезнел.

– Мам, Янни грозит опасность. Он вырвался из насильственных отношений, но бывший парень пытается его найти. Ему нужно надежное место. Надеюсь, ты не против?

Его мать моргнула, потом повернулась к Янни. Он вновь побледнел, словно произнесенное вслух признание вызвало новую волну воспоминаний. Медленно она взяла его за руку и вынудила присесть на диван, осторожно опускаясь рядом.

— Я совершенно не против. Эндрю, будь добр, приготовь кофе. Без кофеина, пожалуйста. Эндрю развернулся и вышел в другую дверь. Я же, подумав, решил, что мне стоило дать Янни и маме Эндрю побывать наедине. Что также позволило бы мне разложить все в голове по полочкам. Кухня была огромной и роскошной, собственно как и весь дом. Эндрю пользовался кухней как своей, зная наверняка, где что лежало.

— Я вырос в этом доме, — объяснил он, распознав любопытство на моем лице.

— Твоя мама какая-то знаменитость? — спросил я. — Прости, я ее не признал. Наверно, она считает меня придурком.

Он тихо хмыкнул.

— Она театральная актриса. Раньше играла на Бродвее. — Он поставил кофеварку и, тяжело вздохнув, сказал: — Ее первый муж был ужасным человеком. Он был жесток и... — Он покачал головой. — В общем, она смогла от него уйти. Но никогда не скрывала, что ей пришлось пережить. Даже от нас. Она говорила, что если с нами приключится нечто подобное, мы не должны бояться попросить о помощи.

— Черт.

Он опять кивнул и улыбнулся.

— Она ему поможет.

Я не совсем понимал, что стоило сказать.

— Эндрю, я не знал.

И тут мы заметили сверкнувшие в кухонном окне автомобильные фары. Эндрю вытянул шею рассмотреть прибывшего.

— Отец.

Ох. В тот и без того головокружительный день я сомневался, что был готов к встрече с отцом Эндрю.

— Эй, — прошептал Эндрю, взяв меня за руку и дождавшись, пока я посмотрю ему в глаза.

— Знаю, для знакомства с папой слишком рано, но сегодняшний день и так весьма необычен. И ты уже дважды виделся с мамой, и все прошло хорошо.

— Но он твой отец.

— И?

— Это другое, — признал я. Не знаю, чем встреча с отцом отличалась от встречи с матерью. Просто отличалась и все.

По-видимому, Эндрю понял и коснулся ладонью моей щеки. А заговорив, ласково старался меня убедить. Я и не подозревал, что мне требовалось заверение.

— Он мой отец, а не твой. Он примет тебя, потому что ты — часть моей жизни. Другой причины ему не нужно.

Времени на ответ у меня не осталось, даже если бы я смог заставить свой глупый мозг придумать что-то более-менее достойное. Где-то недалеко хлопнула дверь, кто-то насвистывал веселенький мотивчик.

— Эндрю? — позвал мужчина и, войдя в кухню, остановился. Отец был почти точной копией Эндрю, только на двадцать лет старше. Красивый блондин с добрыми голубыми глазами. — Увидел твою машину перед входом. — Он бросил кошелек и ключи во фруктовую вазу на стойке.

— Привет, пап, — произнес Эндрю. — Пап, это Спэнсер. Спэнсер, это мой отец, Алан. Алан Лэндон, тепло улыбаясь, протянул руку.

— А, тот, о котором я постоянно слышу. — Он крепко пожал мою руку.

— Спэнсер Коэн, — представился я. К счастью, нервозность удалось спрятать.

Он повернулся к Эндрю и, явно хорошо зная сына, нахмурился.

– Что случилось?

– Мы кое-кого привезли, – пояснил Эндрю. – Он с мамой в комнате отдыха. У него небольшие проблемы, пап. Ему нужно где-то оставаться, и я привез его сюда.

Выражение лица Алана смягчилось.

– Так вот зачем кофе. Сделай и мне чашечку и принеси все туда, хорошо?

Эндрю улыбнулся.

– Разумеется.

И отец Эндрю удалился. Меня будто оглушило его полнейшее одобрение и способность даже глазом не моргнуть из-за новостей, что в доме находился какой-то проблемный незнакомец. Не говоря уже о находившемся в кухне новом бойфренде сына.

– Так просто? – прошептал я.

Эндрю опустил руку мне на грудь и долго всматривался в меня.

– Так просто.

Внезапная боль в сердце, точно топор в груди, заставила задуматься о собственном отце. И о том, что принятие подразумевалось в жизни Эндрю как само собой разумеющееся, а я должен был изо всех сил за него бороться, но меня отшили. С его же родителями такое прокатило. Они просто его приняли и даже нашли способ помочь молодому парню, тогда как моя семья сделала все с точностью до наоборот. Только вот мои родители отвергли не незнакомого гея. Они отвергли собственного сына.

Рука Эндрю подобралась к моей шее, и он притянул меня для поцелуя.

– Так просто, – повторил он. – Как и должно быть.

Кофе был готов, и Эндрю наполнял пятую по счету чашку.

– Черт, – буркнул он. – Здесь нет чая. Прости, забыл.

– Кофе сойдет, – сказал я. – Думаю, переживу.

Он поставил чашки вместе с сахарницей и сливками на поднос и понес в гостиную.

Миссис Лэндон сидела рядом с Янни, а мистер Лэндон напротив него, упервшись локтями в колени и внимательно вслушиваясь в слова Янни. Я уселся на одноместный диван, Эндрю – на подлокотник рядом со мной, и мы сосредоточились на рассказе Янни.

– Такая банальность, – мягко проговорил Янни. – Но в начале он правда был очарователен. Я даже не осознавал, что он меня изолировал. Полгода, что мы прожили вместе, у меня не было друзей. Да вообще никого, кроме него. – Янни покачал головой. – Я был таким наивным.

Миссис Лэндон коснулась ладонью его руки.

– Нет, не был, – мягко, но решительно произнесла она. – Виноват он, а не ты.

Глаза Янни наполнились слезами.

– Потом он превратился в собственника и постоянно злился, если я поздно приходил. – Он тяжело сглотнул. – Первый раз он меня ударил, перенервничав на работе. Он извинился, и я ему поверил. – Он вытер слезы. – Простите.

– Не извиняйся, – мягко проговорил мистер Лэндон. – Тебе позволено плакать. Ты многое лишился. Тебе есть, о чем печалиться.

Янни вытаращился на него. Именно вытаращился. И он был прав: Янни многое лишился. Не материально, но эмоционально и психологически Янни потерял все. Осознание плюс произнесенные мистером Лэндоном мудрые слова, будто он говорил о самых простецких в мире вещах, спровоцировали боль в груди.

Каким–то образом угадав мои мысли и эмоции, Эндрю взял меня за руку и сжал ее. И не выпускал из своих рук.

— Он оплачивал мой колледж. Самостоятельно я бы его не потянул. Поначалу было невероятно здорово, что у меня появились все эти вещи. Своих денег у меня не было, семьи не было, — сказал Янни, посмотрев на меня, и я кивнул. Я рассказал ему, что лишился своей семьи. Правда, казалось, он меня не слышал. Видимо, все–таки слышал. Наш перегляд не упустили из виду и родители Эндрю, а еще оба заметили, как мы с Эндрю держались за руки. — Он полностью завладел мной меньше, чем за год. — Янни тяжело сглотнул. Голос его дрожал, но он продолжал говорить. — После последнего удара я поклялся, что больше этого не повторится. И ушел ни с чем. У меня ничего не было. Все, что вроде бы было моим, принадлежало ему. Всегда только ему. Я бросил работу, отчислился из школы. Оставил подаренный им мобильник на кухонном столе и больше не возвращался. Ночевал в приюте для бездомных. У меня был лишь рюкзак и одна смена одежды. — Он кивнул на сумку возле ног. — Никогда не считал себя материалистом, пока не лишился всего.

Я откашлялся.

— Но вещи много значат. Они — твое имущество, твое все.

Янни кивнул, и я знал: все смотрели на меня. Эндрю вновь сжал мою руку. Большой палец скользил по моим костяшкам. Такой успокаивающий жест, связывавший нас. Не проронив ни слова, он держал меня на плаву и не давал утонуть в воспоминаниях.

— А потом меня нашел ты, — сказал Янни, все еще глядя на меня.

— Я же не знал, — повторил я. — Понимал, что с ним что–то не то, но не осознавал, что именно. Прости, что вновь тебя во все это втянул. — Я посмотрел на родителей Эндрю и пояснил: — Бывший парень Янни связался со мной, чтобы его найти. Обычно я подобными делами не занимаюсь, но он так убедительно врал. — Я покачал головой.

Янни почти засмеялся.

— Он тот еще фрукт.

— Ты вернулся в колледж? — обратилась миссис Лэндон к Янни.

Он печально кивнул.

— Он забрал все, но я не мог позволить ему забрать и любимое дело. Я занимаюсь актерской игрой. Больше ничего хорошего в моей жизни не осталось. Я бросил актерскую академию и поступил в «Пол». — Он опустил взгляд на руки. — Он не такой уважаемый и привилегированный, но я самостоятельно его оплачиваю, что для меня много значит.

Миссис Лэндон подняла на него остекленевшие глаза и погладила его по руке.

— Янни, признак настоящего актера — приверженность своему ремеслу, даже если лишился всего. Это верный показатель силы и драйва, и поверь, оба качества тебе пригодятся, чтоб чего–то добиться в этой индустрии.

— В «Пол» я вернуться не могу, — проговорил он. Потом вновь пожал плечами. — Если он в курсе, что я учусь там.

— Я ему не сообщал, — категорично заявил я. — Я вообще ничего ему не сообщал. На самом деле, когда возникло ощущение, что он не тот, кем кажется, я сказал ему, что ты работаешь в книжном. Мы ходили туда проверить, появится ли он.

— Появился?

Мы с Эндрю одновременно кивнули.

— Да.

Янни осознанно кивнул, и его глаза снова наполнились слезами.

- Он никогда не остановится.
- Ты сообщал в полицию? – спросил Эндрю.
- Да. Я подал на судебный запрет, но он ничего не значит.
- Что ж, логично.
- Так вот почему он обратился ко мне, а не в полицию или детективное агентство.
- Янни поставил нетронутый кофе обратно на поднос и откинулся на спинку дивана. Какое-то время все молчали. Тишину нарушила миссис Лэндон.
- Янни, когда ты ел в последний раз?
- Он покачал головой и попытался вспомнить. Такого ответа было достаточно. Отец Эндрю поднялся.
- Пойду, посмотрю, что можно найти, – произнес он, направляясь в сторону кухни.
- Мгновение спустя Янни покачал головой и изумленно засмеялся. Он посмотрел на миссис Лэндон и потер лицо дрожащими руками.
- Просто нереально. Не верится, что я сижу рядом с вами, а Алан Лэндон только что предложил мне поесть. Без понятия, чем я такое заслужил. Или где-то спрятана камера шоу «Подстава»?
- Эндрю фыркнул.
- Никаких камер. Они всего лишь мои родители. Спэнсер говорил, тебе требуется помочь. Я помог.
- Миссис Лэндон ласково улыбнулась Эндрю. И опустила ладонь на руку Янни.
- Янни, хочу тебе кое-что сказать. Я пережила то же, что и ты. Случилось это задолго до того, как я встретила Алана. Вообще-то именно Алан помог мне бросить первого мужа.
- Янни уставился на нее.
- Она улыбнулась.
- Мне знакомы страх и безнадежность, которые ты чувствуешь. Истощение, которое ощущаешь всем своим нутром. Я ощущала то же самое. Ты справишься, если позволишь тебе помочь.
- Он вновь расплакался тихими душераздирающими слезами.
- Миссис Лэндон продолжила:
- Я состою в совете директоров фонда «Акация» – центре для мужчин и женщин, переживших подобные ситуации. Мы помогаем людям вникнуть в их законные права. Помогаем с полицейскими разбирательствами. Помогаем вновь встать на ноги, найти жилье и место работы.
- Мистер Лэндон вернулся с чем-то вкусно пахнущим.
- Что осталось, – сказал он, поставив поднос. Вряд ли Янни в последнее время нормально питался. Блюдо было похоже на фахито с говядиной, рисом и овощами, а на краешке тарелки лежал кусочек хлеба. Янни заглотил все почти за один присест. Закончив, вновь откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. – Идем, – вставая, позвал мистер Лэндон, и дождался, пока Янни тоже поднимется. – Можешь поспать в гостевой, а за завтраком решим, что делать.
- Янни взял рюкзак и послушно вышел за мистером Лэндоном. А мы втроем молча смотрели им в след.
- Миссис Лэндон глянула на меня, и я произнес:
- Спасибо.
- Вы все сделали правильно, – обратилась она к нам обоим. – Завтра мы разберемся с дальнейшими действиями. – Она долго вглядывалась в Эндрю. Наверно, из-за того, что он

все еще держал меня за руку. Не знаю. Но мне показалось, что она хотела оставаться с ним наедине.

— Отнесу подносы на кухню, — сказал я, собирая чашки и тарелки и, наконец–то, покинул их.

Я поставил посуду в раковину и сполоснул. А затем решил послать все к черту, наполнил раковину горячей водой и моющим средством и вымыл все как следует. После протер.

Поводов задерживаться в кухне больше не осталось, но возле двери я тормознул. Беседа шла обо мне.

Говорила миссис Лэндон:

— … ты не упоминал его татуировки. — Сердце рухнуло в пятки.

— Не просто татуировки, — поправил Эндрю. — А шрамы. Выполненные чернилами шрамы. Он носит их, чтобы мир мог видеть ежедневные напоминания того, кто он есть. И вообще, мне они нравятся. Кожа не определяет его больше, чем меня.

На секунду его мать замолчала, и я было решил, что можно войти. Но потом она произнесла:

— Он хороший парень. Он забрал к себе незнакомого человека и переживал за него.

Остальное меня не касается.

— Да, мам, он хороший. И он понимает меня. За два дня он узнал обо мне больше, чем Эли за все время.

— Тогда что не так? Почему тебе неспокойно?

Ожидая ответа, я почти продырявил перегородку кончиками пальцев.

— Я пытаюсь не пороть горячку, мам. Ты же знаешь, как было с Эли.

— Спэнсер другой, — изрекла она утвердительно, а не вопросительно.

— Да.

— Ты любишь его.

Ответом была лишь тишина. Громкая, оглушительная, душераздирающая тишина. Мое глупое сердце практически остановилось. Мои глупые ноги приросли к полу.

— У тебя на лбу бегущая строка, Эндрю, — надавила его мать.

После долгого молчания он изрек:

— Люблю.

Я наконец–то смог дышать. Облегчение и волнение и даже страх заполнили все мое тело. Кровь закипела и хаотично забегала по венам, а идиотские бабочки запорхали в районе горла. Но звук закрывшейся неподалеку двери вынудил меня двигаться, и я вернулся в комнату одновременно с мистером Лэндоном.

— Думаю, он уже спит, — сказал он.

Я чувствовал, что побледнел и вспотел после признания Эндрю. Неуверенность в собственной ценности проявилась в виде физических признаков. Но если Эндрю что–то заметил, то комментировать не стал. Он поднялся и улыбнулся мне. Я не очень–то понимал, что мне стоило сказать или сделать. Мы находились в присутствии его родителей, не было времени на долгие раздумия. Эндрю обнял меня за талию.

— Мы пойдем, да?

— Да, я сделаю несколько звонков, — проговорила миссис Лэндон, — чтобы предвосхитить его потребности, если он позволит нам помочь. Фонд подыщет ему место.

— А если он откажется принять помощь? — поинтересовался я, совершенно того не желая.

— Мы не можем помогать против его воли, — ответила она. — Но на сегодняшний день он в безопасности, что по сравнению со вчерашним днем уже хорошо.

– Я очень благодарен, – произнес я. – Я не хотел, чтоб так случилось.

Эндрю погладил меня по спине.

– Ты все сделал правильно, Спэнсер.

Его мать по-доброму улыбнулась.

– Хотите есть, мальчики?

– Нет, мам, – отозвался Эндрю. – Мы пойдем. Но завтра я позвоню узнать, как у него дела.

Она коснулась ладонью лица Эндрю.

– Спасибо, что привезли его сюда. Мы за ним присмотрим. – Потом посмотрела на меня. – Он сказал, ты его не бросил.

Я покачал головой.

– Не смог. У него никого нет, а мне известно, каково быть одному.

Она взглянула на Эндрю и улыбнулась мне.

– Ты хороший человек. Твой поступок говорит о твоем характере красноречивее всяких слов. Когда добрые дела совершаются не ради показухи и похвалы, вообще никаких слов не нужно. – Она поцеловала Эндрю в щеку и прошептала: – Тебе повезло с ним.

Я почти умер от смущения и практически проглотил язык, отчего она улыбнулась еще шире. Мистер Лэндон опять пожал мне руку, потом обнял Эндрю и вернулся в кухню.

Мать Эндрю проводила нас до двери и дождалась, пока мы усядемся в машину. Она помахала нам, когда мы выехали на дорогу. И только вырулив за ворота, он протянул мне свободную руку.

– Ты в порядке?

– Да. А ты?

– Да.

– Ну, и денек.

Он грустно улыбнулся.

– Странный, да?

– Немного. Твои родители…

– Что мои родители?

– Они знаменитости или что-то типа того.

Он тихонько засмеялся.

– Или что-то типа того. Говорил же: они театралы.

– Но не говорил, что они *настолько* знамениты.

– Не так уж они и знамениты. Ты же их не узнал.

Я застонал и свободной рукой закрыл глаза.

– Они, должно быть, считают меня неотесанным дикарем. На камине стояли Оскары и Эмми? Если да, я умру.

Он снова рассмеялся.

– Тони. Ну, один Тони, не считая всего остального.

Я заскулил. Мне почти ничего не было известно о театре, но даже я знал, что такое Тони.

– О, боже.

Эндрю стиснул мою руку.

– Бедняга Янни решил, что снимался в эпизоде «Подставы».

– Он-то сразу их признал.

– Он изучает актерское мастерство, не удивительно.

– Блин. Придется извиняться.

Он снова захохотал.

– Не придется. Ты им понравился, Спэнсер. Думаю, ты понравился им именно потому, что понятия не имел, кто они. Своего рода доказательство, что ты со мной не из-за семейных связей. Мы же в ЛА, в конце-то концов, где каждый второй мечтает стать следующей большой звездой.

Я фыркнул.

– Поверь, из меня никудышный актер и певец.

Он улыбнулся.

– Ты понравился им такой, какой есть.

– Они замечательные люди.

– Да. Они занимаются благотворительностью и сбором средств. Фонд «Акация» – мамин детище.

Я вздохнул и откинулся на спинку сиденья. В голове все плыло. День прошел чрезмерно эмоционально. Эндрю завернул в автокафе и купил нам бургеры и картошку фри, и, обратив внимание, что салон Эмилио был уже закрыт, а свет выключен, мы отправились прямиком ко мне. Упали на диван и лопали бургеры. Впившись в него зубами, я простонал.

– О, боже, вот она, духовная пища.

Он засмеялся.

– Насыщенные жиры обладают целебными свойствами, – откликнулся он, запихивая в рот картошку.

Наевшись, я прибрался в квартире, своей безопасной гавани, и мысленно вернулся к Янни. Эндрю отнес пустой стакан из-под напитка в кухню.

– Почему нахмурился? – мягко спросил он.

– Просто думаю.

– О Янни?

Я кивнул.

Эндрю обвил меня руками и стиснул в объятиях. Как он угадывал мои потребности, мне не известно. Я уткнулся лицом ему в шею.

– Никогда не видел, чтоб кто-то так пугался, – пробубнил я. – Он будто окаменел.

Эндрю отодвинулся и провел большим пальцем по моей щеке.

– Ты увидел в нем себя?

Я уставился на него, почувствовав себя голым, без кожи и защиты. Но кивнул.

– Да.

Он поцеловал меня, крепко и ласково. Яростно и нежно. Он был с привкусом соли от картошки, а его язык, его руки, его поцелуй были перенасыщены эмоциями. А когда он оторвался от меня, чтоб отдохнуть, глаза его потемнели, и можно было безошибочно догадаться, чего ему хотелось.

Мне хотелось того же. Хотелось улечься с ним в постель, хотелось ощутить его внутри себя. Хотелось прочувствовать силу и эмоции всего его тела. Хотелось чувствовать связь с ним всеми возможными способами.

А потом я вспомнил...

Да твою же мать. Я засмеялся и прислонился лбом к его щеке.

– Ты ни за что не поверишь.

Он растерянно посмотрел на меня.

– Во что?

– Я собирался купить презервативы по дороге домой. Но благодаря всей этой ситуации с Янни забыл. – Я вздохнул, будто весь мир сговорился против меня. – Не знаю, есть ли у меня запас.

Эндрю удивил меня своим смехом.

– Знаешь что?

– Вселенная меня ненавидит?

Улыбаясь, он меня поцеловал.

– Есть такое. Но давай просто ляжем спать. Никакогоекса, просто сон. Сегодня... был... утомительный день.

Я вздохнул.

– Да уж.

Выключив свет, я обратил внимание на принесенную им пластинку. Совсем о ней забыл. Медленно поднял ее и посмотрел на него. На ней были десятки моих любимых сыгранных на фортепиано песен. Идеальнейший подарок от идеального парня, который совсем недавно признался матери, что любит меня. Мне еще только предстояло обдумать это признание.

– Эндрю. – Я тяжело сглотнул. – Я... – Будучи не в состоянии думать и говорить, я просто покачал головой.

Он взял меня за руку и приник ближе.

– Знаю, – прошептал он. – Знаю, Спэнсер. – И уложил меня в постель.

Мы разделились до нижнего белья и лежали в едва освещенной комнате. Головой он улегся мне на грудь и моей рукой обнял себя за плечи. И изучал мою руку.

– Что означает эта тату? – спросил он.

На левом предплечье было выбито шесть роз прямо напротив воронов на правой руке. Я объяснил, что розы – каждый год, прожитый с тетей Марви. Слова над розами «мечтай о невозможном» – название ее любимой песни. Я рассказал о пяти звездах в образовании Южного Креста, означавших Австралию, а компас напоминал, в каком направлении двигаться.

Он нежно поцеловал меня в грудь, а когда я утомился болтовней, замурлыкал мою любимую «Аллилуйю». Хотя и сомнительно, но, кажется, его пальцы скользили по моей груди, словно по роялю, пока я не уснул.

И без моего на то согласия, развалив всю мою оборону, пока мой мозг спал, мое глупое сердце рухнуло в любовь с головой.

Глава 14

Проснулся я от того, что Эндрю, сидя на коленях на кровати, целовал меня на прощание.

– Мне надо отправиться домой, взять форму и перед работой оттащить свой зад в тренажерку.

– Твой зад может остаться здесь, – сказал я, будучи не в состоянии открыть глаза. Для внятного разговора было еще слишком рано.

Он засмеялся и, ущипнув меня за сосок, соскочил с постели.

– Не искушай меня. Позвоню тебе попозже. Сегодняшний обед еще в силе?

Винтики в мозгу сонно начали крутиться. Обед... обед... пятничный обед. Я планировал вечером купить на всех обед.

– О, да. Обед. Конечно.

– Приеду после работы.

– Круто. – Я перевернулся и притянул подушку, обнимая вместо него.

– Вставать не нужно, – саркастично произнес он.

Я даже глаз не открыл.

– И не намеревался.

– Заметно. – Полностью одетый он забрался на кровать, прижался своим членом к моей заднице и зашептал в ухо: – Твоя задача на день – купить долбаные презервативы.

Блин, теперь я проснулся.

Я попытался перевернуться и удержать его в постели, но отпрыгнул он очень быстро. Мои руки поймали лишь воздух, и я тяжело рухнул на кровать, исчерпав запасы энергии.

– Ненавижу тебя.

Выходя из квартиры, он рассмеялся.

– Не правда.

До меня донесся звук закрывшейся двери, после чего воцарилась тишина. Со мной остались лишь сохранившийся аромат, тоска по нему и улыбка на лице. А еще бешеный утренний стояк благодаря его прижимавшемуся к моей заднице члену. И едва уловимая мысль, которую никак не удавалось вспомнить. Какой-то намек, но не воспоминание, скорее ощущение где-то на задворках подсознания.

А потом меня будто током шарахнуло. Словно снежный ком прилетел в лицо. Прошлой ночью перед сном в голове поселилась мысль. А точнее осознание – я влюбился в Эндрю. Ну, вернее не совсем я. А мое глупое предательское сердце. Выстроенная стеной вокруг моего эмоционального состояния, сотворенная из смеси нарушенных обещаний и жгучей боли наряду с кучей других вещей, дала течь.

Я не понимал, что из этого следует. И что делать, тоже не понимал. Я должен быть догадаться, что именно так все и сложится, когда решился попробовать всю эту фигню с *бойфрендами*. Должен был допереть, к чему все шло.

Я поклялся, что больше не позволю себе стать уязвимым. Сработало вроде инстинкта самосохранения. После немыслимого предательства самых любимых людей я пообещал себе, что больше такого не повторится.

Доверить кому-то свое сердце – самое страшное, что могло произойти. Не только страшное, но и разрушительное. Сердце начало биться быстрее, почти панически.

– Понятия не имею, чего *ты* паришься, – обратился я к своему сердцу. – Само виновато, что мы встряли.

А потом до меня дошло, что я болтал со своим сердцем, будто оно сидело по соседству. Назрел актуальный вопрос: мой глупый мозг что, наконец-то слетел с катушек? Я закрыл ладонями глаза. Так и подмывало вызвать себе белую машинку с мягкими стенами. И тут звякнул мой телефон. Протянув руку, я взял его и увидел сообщение от Эндрю.

«Аптека чуть ниже по дороге открыта. Только что проезжал мимо».

Глядя в экран, я улыбнулся. Страх немного улетучился. И я быстро набрал ответ: *«Не строчи смс, а рули»*.

«Я застрял на светофоре. Ты уже купил?»

«Все валяюсь в кровати. Кто-то слегка в отчаянии?»

«Нет. Не слегка. Сильно».

Я засмеялся. *«Какая жалость, что ты ушел. Придется мастурбировать в одиночестве»*.

Ответ пришел спустя какое-то время: *«Ненавижу тебя»*.

«Не правда», – ответил я. В голове пронеслись его вчерашние слова, сказанные матери. Он любил меня; он не ненавидел меня.

«В выходные я наглядно продемонстрирую размеры своей ненависти. Лучше закупайся оптом».

Я зашелся в хохоте, почти позабыв о внутреннем кризисе. *«По рукам»*.

По мне, так для подъема было еще рано, но я встал, сходил в душ, оделся и направился к аптекарю. Не дай бог, если я вновь куда-нибудь отправлюсь и забуду купить презервативы. Эндрю меня не простит. Из имевшихся упаковок я выбрал самую большую, но, пораскинув мозгами, взял еще одну. Соглашение будет соблюдено. Мы сделали все возможное, чтоб дотерпеть выходных. У меня имелись огромные надежды. И не приходилось сомневаться, что они будут стоить каждой секунды ожидания.

Вернувшись домой, я вытряхнул содержимое пакета на кровать. Две упаковки резинок, бутылка смазки и пачка мармеладок высыпалась на все еще смятые простыни. Я снял фотку и отправил ему вместе с сообщением: *«Моя часть уговора выполнена. Теперь от тебя требуется лишь завершить сделку»*.

Ответ не приходил больше часа. Мой телефон пискнул, когда я уже находился внизу, пересказывая Эмилио и Даниэле, что происходило в доме родителей Эндрю. Я вытащил трубку и, глянув на часы, догадался, что Эндрю покинул зал и отправился на работу. *«А конфетки зачем?»*

Я ответил: *«Для выносливости. Твоей, не моей»*.

Убрав мобильник обратно в карман, я заметил, что Эмилио и Даниэла уставились на меня. Я попытался стереть с лица ухмылку. Они улыбались мне, словно гордые за своего выросшего ребенка родители.

– Что?

Эмилио медленно покачал головой.

– Ты влип, друг мой.

Я простонал.

– Я стараюсь об этом не думать, спасибо большое. Утром я немного струхнул. Вчера подслушал, как Эндрю признался матери, что любит меня. Мой глупый мозг собрал вещи и отправился…

– Погоди, что? – перебила Даниэла. – Ты слышал, Эндрю признался в чем?

Я уткнулся лицом в ладони.

– А-а-а. Не знаю. Я пытаюсь прикинуть, что сообщать этому козлу Лэнсу. – Я снова посмотрел на часы. В смысле всего девять утра? – Я не сплю уже четыре часа. Обычно в такое время я еще в постели. Понятия не имею, какого хрена я творю.

Даниэла опустила руки мне на плечи.

– Дыши, Спэнсер.

Я глубоко вдохнул. Смешно. Я не помнил, что задерживал дыхание, но явно в нем нуждался. Стало чуть лучше.

– Конечно, он тебя любит, – сказала она, с нежностью глядя на меня. – И совершенно нормально позволить себе любить его. Он хороший человек с добрым сердцем.

Хотелось ответить, даже спорить, но осознание, что я возможно уже его любил, осталось невысказанным. Одно дело признаться себе, а произнести вслух – совсем другое. Тогда все это деръмо станет реальностью. Словно вселенная не давала шанса дать задний ход. Что-то типа точки невозврата, как у детишек в песочнице.

Даниэла коснулась моей щеки и проговорила что-то на испанском, я не разобрал, что именно. Потом заговорила на английском:

– Ты его заслуживаешь.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, пытаясь предотвратить надвигавшуюся паническую атаку.

– Ладно, – хлопнул в ладоши Эмилио. Он, должно быть, понял, что мне требовалась смена темы. – Давайте-ка обсудим наши планы на Лэнса.

Я растерянно посмотрел на него.

– Наши планы?

Он хмыкнул.

– Разумеется, братишка. Думаю, мексиканская убедительность может пригодиться.

Я реально потерялся.

– Чего?

– Любому, кто избивает человека вместо того, чтоб любить – женщину, мужчину, не важно – нужен урок по проявлению уважение. Учить стоит мексиканским способом.

Я почти боялся спрашивать.

– Мне следует знать, что все это означает? – никогда не замечал в Эмилио агрессивности.

– Ты всерьез говоришь о побоях?

Он засмеялся.

– Положись на меня, друг мой. Звони мерзкому Лэнсу. Назначь встречу, и мы заглянем к нему на огонек. Я возьму с собой братьев. Будет весело.

Я таращился на него.

Эмилио протянул кулак.

– Доверие.

Понятия не имел, во что меня втягивали, но Эмилио доверял. Я стукнул по его кулаку.

– Доверие.

Большую часть утра я помогал Лоле. Оставил Эндрю сообщение, чтоб в обеденный перерыв он меня набрал, и спустя три часа мой телефон зазвонил.

– Привет, что стряслось?

От одного только звука его голоса я улыбнулся.

– Ты созванивался с родителями? Хотел узнать, как дела у Янни.

– Да, я общался с мамой. Говорит, ему уже лучше. Они вроде как смогут подыскать ему место, но мама не хочет его подгонять. Думаю, он ей нравится. Ее впечатлила его преданность делу.

– Она не упоминала, что Янни планирует делать с Лэнсом?

– Просьба Лэнса найти его – нарушение условий судебного запрета, прямое или косвенное. Не помню, как именно она выразилась. Его не очень вдохновила идея вновь идти в полицию, но мама умеет убеждать. – Эндрю вздохнул. – Зачем ты спрашиваешь?

– Собираюсь с ним увидеться.

– Вряд ли идея хорошая, Спэнсер, – начал он. – Парень явно нестабилен.

– Эмилио идет со мной, – сказал я. – Будет эпично.

– Мне стоит знать?

Я засмеялся.

– Сомневаюсь. Расскажу вечером.

– Пожалуйста, будь осторожен.

Я вздохнул в телефон.

– Буду. И спасибо, что беспокоишься.

В голосе слышалась улыбка, когда он ответил:

– Обращайся.

Распрощавшись, я убрал телефон в карман и глянул на троих парней, что отправятся со мной: Эмилио и двух его братьев, Рики и Пола. Среди всех моих знакомых Эмилио был самым спокойным и дружелюбным парнем. Я сомневался, что он способен хотя бы муху обидеть. Но, увидев троих братьев в черных костюмах, которые они надевали на похороны дедушки, да плюс с зализанными назад волосами и видневшимися на шее татуировки, пришлось признать: они напоминали злобных отморозков.

Эмилио ухмыльнулся.

– Готов?

– Черт, естественно.

– Погодите! – крикнула Даниэла. – Надо вас щелкнуть. Выглядите роскошно!

Отсняв несколько фоток, мы ушли, и по пути в город я поведал Рики и Полу всю известную мне информацию, раз уж они нам помогали. Встреча с Лэнсом должна была состояться в его офисе. Его личная помощница не очень–то обрадовалась, но, услышав мое имя, Лэнс ответил, что встретится со мной. Тот факт, что притащусь не один, я уточнять не стал.

Эмилио попросил братьев присоединиться. Парни были классными. Обоих полностью покрывали татуировки. Рики по профессии пекарь, а Пол водитель–курьер. Оба работали с раннего утра, зато днем были свободны. Как только Эмилио обратился к ним за помощью и объяснил, в чем дело, они без колебаний согласились.

Входя в здание, пришлось сдерживать улыбку. Одет я был в свои обычные чиносы, но добавил к ним жилет, хотя сомневаюсь, что кто–то заметил или кого–то парил мой внешний вид. Люди в основном пялились на окружающих меня мафиозного вида мексиканцев.

Ассистентка Лэнса уставилась на нас, когда мы приблизились к ее столу.

– Спэнсер Коэн, – обезоруживающе улыбнувшись, представился я. Позади меня с каменными лицами стояли Эмилио, Рики и Пол, и несчастная испуганная женщина глазела на портфель в руках Эмилио. Лежали там несколько бумажек и тату–журналы на случай, если б рентген–сканеры посчитали пустой портфель подозрительным, о чем ей известно, разумеется, не было. – На три часа у меня назначена встреча с Лэнсом.

– Да, конечно, – прошептала она, нажав кнопку на телефоне. – К вам пришел Спэнсер Коэн.

– Впустите его, – бросил он.

Она проводила нас до двери. Завидев меня, слизняк Лэнс улыбнулся. Но улыбка быстро исчезла, когда следом вошли Эмилио, Рики и Пол.

Офис выглядел мило, вид на город открывался приличный, а стеклянные стены предоставляли его коллегам отличный обзор.

Чем они, безусловно, пользовались.

Лэнс замер возле стола. Я разместился на стуле напротив него, Эмилио сел рядом со мной, а Рики и Пол остались возле двери, скрестив татуированные руки на груди и глядя прямо перед собой. Эмилио положил портфель на стол. Я закинул одну ногу на другую, лодыжкой на колено, стараясь выглядеть максимально расслабленно. Лэнс с трудом приземлился на стул.

– Спэнсер…? – Он прокашлялся. – Чем могу помочь?

– Отличный офис, – сказал я, медленно кивая и оглядываясь вокруг. Бросил демонстративный взгляд на подглядывавших коллег на случай, если он не знал, что они пялились. – Я нашел Янни.

Кусок деръма сглотнул, глаза нервно забегали.

– Как он?

– Он прекрасно. Теперь. Он в безопасном доме, где ты никогда не сможешь его достать. Лэнс побледнел. Он понял. Он знал, что мы знали правду. И покачал головой.

– Все не так.

– Все именно так, – произнес я. – Что, ты считал, произойдет? Думал, я охотно верну ягненка на скотобойню? Или просто захотел потрахать ему мозги? Типа потому что можешь? Что–то наподобие демонстрации власти? Так ты думал? Быстрее заманить Янни обратно, чем ничего не подозревающего паренька, которого ты мог бы дубасить до потери пульса? Лишь бы тебе стало лучше, да?

Лэнс побелел еще больше.

– Я вызову охрану, – вякнул он.

Я рассмеялся и откинулся на спинку сиденья.

– Точно. Вызовешь. Потому что ты ссылка. Только ссылка, бесхребетное паршивое ссылка поднимет руку на слабого паренька… – Я ухмыльнулся. – Да лишь почувяв угрозу, ты завизжишь «помогите». Бесполезный кусок деръма.

Он, как рыба, хватал ртом воздух, бледнея и покрываясь потом.

Я вздохнул.

– Полицию уведомили, что ты нарушил запрет. Ожидай визита.

Он инстинктивно посмотрел через стеклянную перегородку в сторону лифтов.

– А я буду просто счастлив предоставить им присланные тобой е–мэйлы и сообщения, если вдруг меня вызовут в суд. В общем, поступим следующим образом, – сказал я, словно мне стало до смерти скучно. – Ты забудешь о Янни. Даже смотреть в его сторону не станешь, или мы узнаем. Если ты когда–нибудь над кем–то надругаешься, физически или потрахивая мозги, мы узнаем.

Лэнс нервно глянул на Рики и Поля.

Потел он по–страшному и, казалось, вот–вот намочит штаны. Мне было насрать.

– Вот вам и доказательство, что склонные к домашнему насилию люди имеют очень низкую самооценку и слабую уверенность в себе. А иногда они либо импотенты, либо обладают очень маленьким членом. – Я посмотрел на Эмилио и пожал плечами. – Или я где–то читал.

Эмилио со всей серьезностью кивнул.

– Помнится, я тоже о таком читал.

Я притворился, будто снимаю нитку с брючины.

– Короче, Лэнс, сейчас именно тот момент, когда ты, жалкий кусок деръма с маленьким членом, должен пообещать, что оставишь Янни в покое. Навсегда.

Лэнс кивнул.

– Говори, – надавил я.

– Ладно, ладно, – отозвался он.

– Прекрасно. – Я улыбнулся. – Рад, что ты согласился.

Эмилио уставился на него.

– Знаешь, у нас в Мексике есть выражение «*lo prometido es deuda*», – хрипловато произнес он. И перевел на английский: – Раз пообещал, должен выполнить. – Он таращился на

Лэнса, пока кусок деръма не начал дрожать. – Не вынуждай нас снова собираться. Потому что мы сберемся.

Я поднялся, Эмилио тоже, Лэнс последовал нашему примеру, стоя на трясущихся ногах. Не двинувшись с места, я протянул ему руку для пожатия. Еще не хватало делать хоть шаг в его сторону. Нерешительно он приблизился ко мне и пожал ее. Его ладонь была потной и липкой, а лицо все еще бледным.

– А теперь улыбнись коллегам. Они смотрят. Приди уже в себя. И бога ради, обратись к психиатру, который лечит жестоких выродков вроде тебя.

И мы вышли. Проходя мимо сидевшей с вытарашченными глазами ассистентки, я улыбнулся. А когда мы вошли в лифт, и двери закрылись, все взорвались хохотом.

– Дружище, ты отлично справился! – обратился я к Эмилио. – Не вынуждай нас снова собираться, – спародировал я его голос.

Эмилио гордо усмехнулся.

– А сам–то заявил ему, что он жалкий кусок деръма с маленьkim членом. – Он снова засмеялся. – Превосходно.

– Я огласил правду, – проговорил я. – Как думаешь, сработало? Считаешь, он не станет искать Янни?

Выходя на улицу, Эмилио покачал головой.

– Не. Как ты и говорил, этот кусок деръма – чертова ссыкло.

Я протянул кулак и стукнул по его кулаку.

– Опять–таки, друг мой, я всего лишь огласил правду.

Адреналин пульсировал в крови до самого вечера. Мы сидели в маленькой комнатке ожидания в тату–салоне. Часы показывали начало восьмого, Эмилио уже закрыл салон, и окруженный стульями стол ломился от контейнеров с едой на вынос. Нас было пятеро: Лола с Габом, Эмилио с Даниэлой, ну, и я. Я ждал приезда Эндрю, и ровно в семь пискнул мой телефон. Он стоял возле задней двери. Поцеловав, я впустил его внутрь. Он бросил сумку за дверь, и мы отправились в комнату, где остальные смеялись, болтали и ели. Я усадил его на диван рядом с собой. Расположились мы вплотную друг к другу.

Вернувшись после встречи с Лэнсом, я написал Эндрю, что все прошло согласно плану. А сейчас пересказывал ему подробности. Даниэла протянула Эндрю телефон со снятой перед уходом фотографией. На ней мы предстали во всей красе с серьезными мордами.

– Вот они, красавчики.

Эндрю посмотрел на фото, потом стрельнул глазами в Эмилио.

– Это ты?

Сложно было узнать в злобном парне на фото вечно улыбающегося, счастливого, сидевшего напротив нас Эмилио.

– Впечатляет?

– Отлично выглядишь! – брякнул Эндрю, а потом, разумеется, под общий смех покраснел.

– Я не то хотел сказать.

Эмилио протянул Эндрю кулак.

– Спасибо, дружище. – Потом повернулся к Даниэле. – Видишь? Я привлекателен для всех, а не только для дам.

Следующие несколько часов мы болтали, смеялись, ели и пили пиво. Эмилио и Эндрю проводили конкурсы рисования, большинство из которых завершились приступами

хочота. Весь вечер моя рука лежала на его бедре. Я охотно поддерживал беседу, пребывая в восторге от идеальности происходящего.

Эндрю, невероятнейший мужчина с правильной речью и в жилете с ромбиками, превосходно дополнит татуированную разношерстную семью, словно был создан именно для нее.

Словно был создан именно для меня.

Я и не понимал, что было уже поздно. Эндрю посмотрел на часы и улыбнулся.

– Уже суббота.

Я немного растерянно покачал головой.

– И что?

Он прищурился и зашептал:

– И что? Уже суббота. А ты не уточнял, до какого времени субботы мы ждем. Ждать до субботнего вечера я не собираюсь. Ни за что.

Суббота?

– Ох.

Эндрю поднялся.

– Спасибо всем за чудесный вечер, – сказал он, – но мы, пожалуй, пойдем.

Все еще сидя на диване, я засмеялся.

– Есть вероятность, что они уже в курсе, что мы отложили секс до выходных.

Эндрю вытаращился на меня, рот распахнулся, и он покраснел вплоть до шеи. Щеки и кончики ушей побагровели. На секунду он прикрыл глаза, а потом громко вздохнул.

– Ну, фактически выходные уже начались. – Он снова проверил часы. – Уже минуту как. Так что мы должны находиться в другом месте. И без возражений.

Я захочотал, поднялся на ноги и обвил его рукой.

– Над тактичностью тебе стоит поработать.

Эндрю пожал плечами и улыбнулся, проводя рукой по моей заднице.

– Ты тратишь время впустую.

Я снова рассмеялся и обратился к нашим огигевшим друзьям.

– Он совсем не властный тип, да?

Лола зашлась в хохоте и хлопнула в ладости.

– Задай ему жару, Эндрю. И, Спэнсер, мы не хотим тебя видеть до воскресного утреннего кофе.

Эндрю взял меня за руку и потащил к запасному выходу.

– Не переживай, не увидите, – выкрикнул он, и, закрывая дверь, до меня донесся всеобщий смех.

В руках он держал сумку и придерживал для меня дверь. Я пропустил его внутрь первым и направился следом. Он швырнул сумку и прижал меня к двери. И поцеловал меня так, как никто никогда не целовал. Поцелуй был жадным, требовательным и опаляющим.

Наконец–то оторвавшись от меня, он прошептал:

– Я так долго ждал.

Мой придурочный мозг никак не мог оправиться от поцелуя.

– Я тоже.

– Если не хочешь, скажи сейчас, – проговорил он, все еще прижимая меня к двери. Он ерзal по мне своим стояком, глаза потемнели, а голос слегка сипел, но при этом звучал невероятно сладко.

– Хочу тебя, Эндрю, – пробормотал я ему в губы. – Хочу, чтоб ты был во мне. Хочу чувствовать тебя несколько дней.

От моих слов он содрогнулся и простонал.

– Черт.

Взял меня за руку и повел в комнату.

Глава 15

Не вызывало ни малейшего сомнения, кто рулил происходящим. Эндрю просто—напросто захватил всю власть, а я без колебаний ему доверился. Он стащил с меня рубашку и бросил ее на пол, а потом, удерживая за подбородок, поцеловал. Он решал, под каким наклоном целовать, он решал силу напора, темп. Все.

Он провел рукой по моей груди до пояса и расстегнул молнию. Стянул штаны по бедрам и коснулся ладонью моего члена. Подавил стон и пробубнил:

— Ложись.

Я лег, и по лодыжкам за брючины он сдернул штаны. Затем снял свою рубашку, но брюки оставил. Я лежал на кровати, а он подошел к тумбочке и отыскал презервативы и смазку, бросив на меня взгляд и швыряя рядом со мной пакетик из фольги и бутылку.

Нельзя было не обратить внимания на заметную выпуклость в его штанах.

— На тебе слишком много одежды, — сказал я, лениво поглаживая себя.

Он хмыкнул, расстегивая и стаскивая брюки. В темной комнате он стал еще бледнее. Обнаженным он смотрелся идеально, а его солидный член резко выделялся на общем фоне.

От одного лишь взгляда на его эрекцию кровь закипела, а яйца подтянулись. Я знал, где именно она вот—вот окажется... Тело заныло от желания.

— Эндрю, пожалуйста.

Он забрался на кровать и уселся на колени между моих бедер.

— Думаю, мы ждали слишком долго, — пробубнил он. — Все пройдет очень быстро.

— Плевать. Просто хочу, чтоб ты был внутри меня, — произнес я. — На исправление ошибок у нас есть все выходные, так что не переживай.

— Говоря, что ты будешь занят все выходные, я не шутил. Я вообще не планирую выходить отсюда.

Я сжал в кулак свой член и провел ладонью по головке. Эндрю отпихнул мою руку.

— Твой оргазм — моя ответственность, — улыбнувшись, сказал он и обхватил меня.

Я зашипел, пытаясь подавить удовольствие от его прикосновения. Затем он наклонился и лизнул крошечную щелочку, взял бутылку смазки и открыл крышку. Щедро смазал руку и пальцы и, обняв меня в этот раз, его скользкое прикосновение принесло новую волну наслаждения.

А потом его пальцы отправились ниже. Он приласкал мои яйца и нежно их сжал, спускаясь еще ниже. При помощи смазки он скользил по моей промежности, его палец медленно подкрался к моему входу.

— О, черт. Эндрю.

Палец протолкнулся внутрь. Только кончик, но его было достаточно. Потом он толкнулся немного сильнее и глубже. Свободной рукой он ласкал мой член, а его палец трахал меня. Я отчаянно заскулил от удовольствия, и он добавил еще один. Сначала медленно, но вскоре я набросился на него, нуждаясь в большем.

— Эндрю, пожалуйста. Я готов.

И он взял меня в рот. Отсасывая мне, продолжал трахать меня пальцами. А когда дотронулся до чего—то внутри меня, в глазах замерцали звездочки. Он повторял снова и снова, и, стискивая простыни, я затерялся в пронзившем меня оргазме.

Мир затих, комната потемнела, а голова закружилась.

Я уловил тихий смешок, потом последовал звук рвущейся фольги и вновь открывшейся слизи. Он опять оказался между моих бедер, приподнимая и раздвигая мои ноги. Он склонился надо мной, его лицо оказалось прямо над моим лицом, и, прижавшись головкой члена к моему входу, протолкнулся внутрь.

По ощущениям он казался больше. *Гораздо* больше. Я с удивлением наблюдал, как зажмурились его глаза, и ноздри раздулись – невероятной красоты картина. А он все проникал в меня. Растигивал меня. Медленно. Мучительно медленно его огромный член наполнял меня, а когда я ахнул, он резко открыл глаза.

И замер.

– Ты в порядке? – прошептал он.

– Черт, – захныкал я, глубоко вдохнул и пытался выдохнуть. – Да. Продолжай.

Пожалуйста.

Что он и сделал. Теперь, опираясь на локти, он наблюдал за мной. Руки его находились возле моего лица. Он проталкивался вперед до тех пор, пока не погрузился полностью.

– Это, – благоговейно зашептал он, неотрывно глядя на меня. – Боже мой, это.

От тембра его голоса я обомлел и будучи не в состоянии выдавить из себя хоть что-то согласно кивнул.

– Это.

И он начал двигаться. Вначале медленно, затем, нарастав темп, быстрее и глубже. Глаза зажмурились, и он скользнул рукой вниз, прижимая меня крепче. Пальцами вцепился в мою кожу и вскрикнул, замирая на мне, во мне.

Я обхватил его лицо и целовал, погружаясь языком к нему в рот, когда он кончил. Он содрогался всем телом, простонав мне в рот и рухнув на меня. Осталось лишь тяжелое дыхание и быстро бьющееся сердце. Медленно он вышел из меня, снова падая сверху. Зарылся лицом в мою шею, ткнулся носом в бороду и не шевелился.

Я вырисовывал узоры на его спине, и он вздохнул.

– Стоило того, чтобы ждать, – пробормотал он.

Я сонно хмыкнул.

– Согласен.

Эндрю скатился с меня и слез с кровати. Наверняка, отправился избавляться от презерватива. Открывать глаза я не стал. Просто вытянул руку и ждал, пока он возвратится в постель. Вернувшись, он улегся рядом со мной. Он словно был создан лежать здесь, рядом со мной, и я удерживал его.

– Хочешь, протру тебя? – мягко спросил он.

– М-м-м. Не. – Я так и не открыл глаз, но притянул его еще ближе. – Позже. Сейчас мы спим.

Он опустил голову мне на плечо. Дыхание его вскоре превратилось в размеренное посапывание. Я чмокнул его в макушку и уснул, став гораздо довольнее и счастливее.

Разбудили меня нежные поцелуи и касавшиеся моего плеча колючие бакенбарды. Лежал я на животе, а сверху меня придавливало восхитительной тяжестью.

Я улыбнулся в подушку.

– Который час?

– Восемь.

– Но сегодня же суббота.

– Именно. – Эндрю провел руками по моей спине и обхватил бедра, отчего меня пронзило наслаждение. – Сегодня суббота.

Я простонал, наполовину сонно, наполовину возбужденно.

Он скатился с меня на свою половину кровати.

– Наверно, мне стоит подготовить собственную задницу.

От такого заявления мои глаза распахнулись.

Он засмеялся.

– Так я и думал.

– Ты играешь не честно. – Я посмотрел на него. Был он невероятно бодр, улыбчив и обнажен. Нога была согнута в колене, одна рука ласкала член, а другая, судя по всему, развлекалась с задницей. – Господи.

– Я проснулся, потому что твой член прижимался к моему заду, – сказал он. – Так что формально виноват ты.

Я оглушительно засмеялся и перевернулся на спину, половина простыни с меня сползла. Утренний стояк перерос в полноценный, и я накрыл его ладонью.

– За такое я с радостью возьму вину на себя. – Но утро было утром, и мне требовалось отлить. Я поднялся с постели и потянулся, предоставляя Эндрю полный обзор.

Он облизнул губы и подавил стон. Я рассмеялся, а он нахмурился.

– Побыстрее!

Входя в заполненную паром ванную, я все смеялся.

– Ты уже принял душ? – облегчаясь, крикнул я. Мочиться с эрекцией всегда нелегко.

– Да. Надеюсь, ты не возражаешь.

Я помыл руки, умыл лицо и вернулся в комнату. Он все еще лежал на кровати, толстый длинный член примостился на бедре. Я резко остановился.

Он улыбнулся.

– Я подумал… знаешь… что мне стоит подготовиться для тебя.

Я обернулся, будто что-то искал.

– Ты не видел стесняшку Эндрю? Кажется, я его потерял. Сексуальный Эндрю здесь, и требовательный Эндрю здесь, но тот стеснительный вечно краснеющий Эндрю испарился. Он усмехнулся.

– В действительности я не стеснительный. Иногда неуклюжий. Иногда меня легко смутить, но я не стеснительный. Если чего-то хочется, я просто прошу. Так нормально? Я опустился на колени возле его ног.

– Больше, чем нормально. Так скажи мне, чего ты хочешь.

– Чтоб ты вылизал меня, а потом трахнул.

Господи боже. Его слова воспламенили мою кровь.

– Твою мать, Эндрю, – пробубнил я, стискивая свой член. – Я могу кончить от подобных выражений.

Он улыбнулся, словно принял вызов, но больше ничего не произнес. А просто наглаживал себя, ожидая инструкций.

– Перевернись, – приказал я. – Положи подушку под бедра.

Он все выполнил. Его идеальная задница томилась в ожидании. Черт. Я немного раздвинул его ноги и расположился между ними. Коснулся ладонями его ягодиц, раздвигая их, и пробежался бородой по чувствительной коже вокруг его входа.

Он замурлыкал от предвкушения. Я горячо выдохнул, зная, что различные ощущения лишь усилият общее впечатление. Он нетерпеливо и требовательно застонал. Завелся он невообразимо. И ему явно нравилось, как его поедали.

– М–м–м, завтрак чемпионов, – произнес я.

Он засмеялся в матрас, и я тут же облизал его вход. Смех затих, застряв в горле и сменившись звуком блаженства. Он сжал простынь и приподнял бедра. Я приоткрыл его немного шире и протолкнул язык, отчего у него перехватило дыхание, и раздался очередной стон.

Чем дольше все длилось, тем больше он желал, толкаясь мне навстречу. И вскоре он уже оставлял следы на подушках, а я все трахал его задницу своим языком.

– Спэнсер, ты мне нужен, – выдавил он из себя. Голос был полон отчаяния. – Нужен внутри меня. Больше, нужно больше.

Я нашел презерватив и нанес смазку на себя и его жаждущую и готовую задницу. Он все еще лежал на животе. А дышал резко и быстро.

Я расположил свой член возле его входа и мягко надавил. Он был теплым и тесным, скользким и гостеприимным. Сжав простыни в кулаки, мышцы на плечах забугрились, но своего он положения не сменил.

– Чееееееерт, – простонал он.

Медленно я продвигался вперед и дал ему время адаптироваться. А себе дал время успокоиться. Никогда не ощущал такой связи. Скорее эмоциональной, чем физической. Необходимость продемонстрировать ему свои чувства была важнее страха.

И в тот самый момент я понял, что имеется в виду под словами «заниматься любовью». Я всегда расценивал это как трах или секс. Как физическую потребность расслабиться, первобытное желание овладеть, получать и отдавать удовольствие.

Но сейчас было иначе. Каждое движение было нежным, в такт его дыханию. Каждый толчок синхронизировался с биением моего сердца. И я обнимал его. Скользил руками по плечам и обнимал, наполняя его. Целовал его в шею, прикусывая кожу, а когда сдерживать удовольствие стало невозможно, я просто расслабился.

Наконец–то прия в себя, я все еще находился внутри него.

Наши сердца бились в одном ритме, пульсы слились в один.

Медленно я вышел из него, но остался на месте. Снова поцеловал его в шею и пробормотал его имя.

– Эндрю.

– Ты в порядке? – спросил он.

Только что в моей жизни произошел громадный ошеломляющий момент. Я не только признал, что любил его, но и осознал, что способен на подобные эмоции, на такие всеобъемлющие душераздирающие чувства. И я их заслуживал. Несколько лет терапии не смогли меня убедить, а Эндрю справился за несколько недель. Но я не мог ему сознаться. По крайней мере, пока что.

– Я лучше, чем в порядке, – ответил я, скатываясь с него, но все еще держа в объятиях. – Можем мы еще поспать?

Он хмыкнул и покачал головой.

– Нет. – Он перевернулся на бок, и я ощутил все еще твердый член. – Твоя работа не завершена.

Я засмеялся.

– Я повел себя как эгоист, прости.

– Ты был таким страстным, – сказал он. – Не извиняйся, все было потрясающе.

– Но ты не кончил.

– Пока нет.

– Мне хотелось бы.

Он прижался ко мне бедрами.

– Куда?

– Куда пожелаешь.

Эндрю застонал и, оторвавшись от меня, поднялся на колени.

– Открой рот.

Улыбаясь, я сунул подушку под шею, открыл рот и облизнулся, готовый принять его член.

Время он определенно терять не стал, а я не потерял ни одной капли.

Мы поспали, приняли душ, поели, посмеялись. Послушали запись фортепианного концерта, которую он на днях мне купил, а Эндрю потратил довольно много времени на прикидки, как можно было бы заняться сексом в кресле из ротанга. Он сменил статус на «фейсбуке» на «в отношениях». Мы выложили сэлфи, где, сидя на диване, хохотали, получившее миллиард «лайков» и вопросов, но он выключил телефон и положил на кофейный столик. Я пообщался с Питером Ханиковым, потенциальным клиентом, и договорился о встрече на понедельник. После чего моя трубка присоединился к мобильнику Эндрю. Он утянул меня на диван и чмокнул в висок. Обнявшись, мы смотрели «Заводной апельсин», что неизбежно привело к сексу.

Он был ненастытен.

И восхитителен.

В обед мы, в конце концов, объявились внизу, выслушивая пошлые шуточки о постсексуальных издержках, и поинтересовались, не хочет ли кто перекусить. Потом, все еще похохатывая, Эндрю взял меня за руку и вытащил в теплый лос-анджелесский вечер. По улице мы шли за руку. Подобного счастья и свободы я не ощущал уже давно. Эндрю привел меня в марокканский ресторанчик и придержал для меня дверь. Зинеб встретила нас хлопком в ладоши и огромной улыбкой, словно двух блудных сыновей.

– О, как давно я вас не видела, – прокричала она. – Присаживайтесь, я принесу чай.

Она испарилась и спустя буквально секунду вернулась с чайником и двумя чашками. Для меня и Эндрю.

– О, не думаю, что… – начал Эндрю.

Зинеб подняла руку, останавливая его.

– Просто выпей.

– Ладно, – протараторил он.

Я засмеялся, а Зинеб ласково глянула на меня.

– О, мой Спэнсер. Посмотри на себя. Сколько счастья в твоих глазах. – Она подняла взгляд к потолку, словно молилась. – Наконец–то. – Потом наклонилась и обхватила ладонями лицо Эндрю, чмокая его в макушку. – Спасибо. Спасибо.

Эндрю зарделся и откинулся на спинку стула. Я же мог лишь улыбаться. Налил чай ему, потом себе. Поднял чашку и дождался от него того же, чтобы можно было чокнуться. И счастливо вздохнул.

– После ухода отсюда мне хотелось бы кое–что тебе купить, – сообщил я.

– Да? И что же? – Он отпил чай и задумался. – Сомневаюсь, что ты сможешь переплюнуть проигрыватель или пластинки или наикрутейшую книгу.

– Это гораздо лучше.

Он посмотрел на меня так, словно я сошел с ума.

– Как такое возможно? Разве что тебе удалось отыскать копию журнала «Сексуальная жизнь в ЛА» с тобой на обложке. Но вряд ли.

Я захохотал.

– Я решил купить тебе зубную щетку. В мою квартиру.

Он вытаращился.

– Знаю, мы говорили, что повременим с их покупкой. Знаю, что она символизирует, и знаю, что ты не хочешь гнать лошадей, – быстро добавил я. – Но если ты все-таки не против, мне бы хотелось сделать этот шаг. Речь же о простой зубной щётке.

Улыбка медленно растянула его губы, слабый румянец окрасил щеки, а глаза наполнились теплом.

– Я точно не против.

Мне показалось, будто я только что признался ему в любви, а не просто пообещал купить дурацкую щетку. До нелепого смешно, насколько счастливым и вместе с тем нервным я стал. Перекусив, мы отправились в магазин и купили упаковку лимонного джелато и две зубные щетки.

Одну для меня в его квартиру и одну для него в мою квартиру.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ